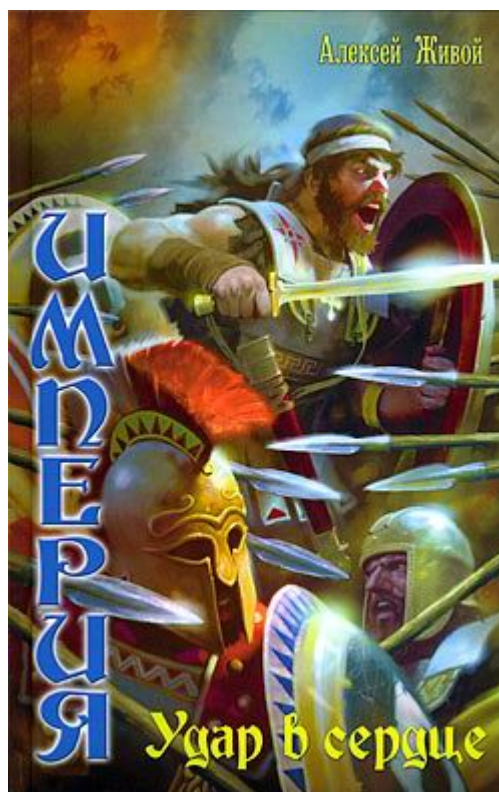

Алексей Живой Удар в сердце

Империя – 3

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Империя: Удар в сердце»: Лениздат; СПб.; 2010
ISBN 978-5-9942-0460-3

Аннотация

Одержав победу при Фермопилах и остановив персидские полчища у Дельфийских проходов, спартанцы лишь отсрочили жестокую месть царя царей. Их мужество еще способно удержать натиск варваров. Но, отбивая все новые атаки, Леонид понимает: чтобы победить в неравной борьбе, ему не обойтись без мощного оружия, секрет которого боги даровали Гисандру. И вот уже Тарас плывет назад в Спарту, чтобы создать там новые баллисты, взамен утраченных, и вернуться, пока еще не все потеряно.

Тем временем Ксеркс, взбешенный столь длительным сопротивлением ничтожной горстки греков, высаживает у них в тылу огромный десант. Тысячи персов, сойдя с кораблей, подступают к столице Аттики, желая отомстить за победу при Марафоне. И Ксеркс уже близок к своей цели. Пылают древние Афины, рушится греческий мир. Но у него еще есть надежда, пока жив хоть один спартанец...

Алексей Живой Удар в сердце

Глава первая Два приказа

Уже прошло почти полдня, как они миновали Навпакт по правому борту, а по левому тянулся холмистый берег Ахайи, переходящий невядалеке от побережья в настоящие горы. Над вершинами гор висели кучевые облака. Это было самое узкое место пролива между берегами Пелопоннеса и Средней Греции. Здесь они подходили друг к другу так близко, что можно было рассмотреть даже небольшие поселения. В хорошую погоду, разумеется, а она едва успела установиться.

Впечатления от вчерашнего шторма еще не улеглись в душе Тараса. Однако не о своей жизни волновался молодой спартанец и даже не о том, что мог и не вернуться домой, отправившись вместо этого на корм рыбам по воле Посейдона. Больше всего Гисандр переживал насчет груза, которым был заполнен трюм его судна, продвигавшегося вперед благодаря ритмичным взмахам весел. Но Посейдон пощадил их. Все обошлось. Пока.

— Скоро должны показаться Патры, — проговорил Клеандр, который неотрывно всматривался в проплывавшие мимо берега Ахайи.

По его тону нельзя было понять, задумал ли пифий царя Леонида сделать здесь остановку. И хотя плавание предстояло довольно долгое, до восточного берега самой Спарты, запасов у них еще было предостаточно, а корабль не слишком сильно пострадал во вчерашнем шторме. Так, унесло пару весел, да обломало на корме часть заграждений. На ход это не повлияло, а больших пробоин, к счастью, не имелось. В целом бирема — так Тарас по привычке называл свое судно — была в полном порядке. Надежный боевой корабль с двумя рядами весел, хотя и без тарана.

Это было судно, на котором он уже однажды совершал плавание по тем же самым водам. Правда, в прошлый раз так и не добрался до места назначения. Помешали события, из-за которых пришлось вернуться в лагерь царя у самых Дельф. И вот теперь путешествие в Спарту начиналось опять.

Гисандр со своими верными людьми из отряда «спецназначения» также ночью тайно покинул Дельфы и, ведомый Клеандром, на рассвете следующего дня прибыл в портовый городок Кирру. Однако на этот раз Тарасу было приказано доставить туда целый конвой из трех телег. На каждой из них, под накидками из грубой кожи, покоилось по массивному ящику, содержание которых Гисандру было неизвестно. Хотя догадки, конечно, были.

Стража фокидян, разбуженная на рассвете, благосклонно отнеслась к прибывшим спартанцам, особенно после того как Клеандр немного облегчил свой кошелек. Единственным, кто вызвал у них подозрения, почему-то был врачеватель Темпей. Но и тут они ограничились лишь строгими взглядами, оставив в покое его потрепанную жизнью фигуру. Погрузив ящики на корабль, посланцы царя Леонида немедленно отплыли, оставив позади просыпавшийся портовый город с его непривычными для спартанцев мощными крепостными стенами и дорогими домами граждан. На родине Гисандра все жили скромнее, даже цари. А здесь богатство не порицалось, и простой купец мог выстроить себе каменный особняк в несколько этажей.

Несмотря на ранний час, город был полон народа, и на рынке уже шла бойкая торговля. У пристани Кирры стояло множество кораблей, а еще целая дюжина приближалась к берегу с товарами со всех концов Греции, ничуть не смущаясь тем, что персы были уже в двух шагах.

Война войной, а торговля должна идти. Видимо, так рассуждали торговцы. У Гисандра же были другие планы. Он-то как раз думал только о войне и о том, что должно произойти в ближайшее время. Тем более после того, что поведал ему царь Леонид, совершенно ошеломив и озадачив Гисандра.

Город, стоявший на берегу Коринфского залива, давно остался позади, как и штормившее море. Вскоре берега должны были разойтись, если верить капитану, а Пелопоннес вновь исчезнуть из вида. К вечеру они могли оказаться в открытом море, миновав по пути группу островов. Это был Закинф, ближний к Пелопоннесу остров, словно отколовшийся от берегов Элиды. А чуть в стороне к северу, еще два крупных куска суши — Кефалления и Итака. Позади этих островов плескались уже свободно воды Ионического

моря.

Тарас предполагал, что они пойдут самым простым курсом, вдоль Пелопоннеса, чтобы быстрее достигнуть берегов Мессении, но на этот раз курс прокладывал не капитан, а Клеандр, которому царь приказал вновь сопровождать молодого спартанца. Леонид, как оказалось, придавал этому плаванию большое значение. Очень большое. Можно сказать, стратегическое. А потому, когда судно с ценным грузом, о котором никто не должен был знать, попало в шторм, Клеандр — низкорослый поджарый грек с жидкой бородой, — казалось, едва не поседел.

«Что же мы такое возедем? — подумал Тарас, скользнув взглядом по напряженному лицу своего недавнего проводника, а теперь, считай, командира. — Не иначе золотой запас Леонида. Зуб даю, что в этих ящиках золото или какие-нибудь тайные оракулы Аполлона, о которых знать никому не стоит. То-то благочестивый Эврип волновался, когда мы их забирали из храма. Политика во все времена дело темное».

— Гисандр, мы не будем вставать на стоянку в Патрах, — менторским тоном, словно выступая перед Апеллой, изрек наконец пифий, обернувшись к Тарасу, — царь хочет, чтобы мы поспешили.

— А разве мы не спешим в Спарту? — удивился Гисандр, слегка обернувшись в сторону гребцов, налегавших на весла изо всех сил, и заметив у борта Темпея, который с интересом наблюдал за волнами. — И все же с нашим грузом идти ночью опасно. Шторм может повториться. Не лучше ли зайти в какой-нибудь порт?

— Ты прав, воля богов изменчива, — кивнул Клеандр, не поворачивая головы, — но я уверен, они на нашей стороне. Ведь прошлой ночью Посейдон мог утопить нас одним ударом молнии, но не утопил. Значит, он помогает посланцам Леонида.

«Логично, — подумал Тарас, мысленно усмехнувшись, — и не подкопаешься. Насчет толкования воли богов спартанские цари и их пифии не знают себе равных. Кого угодно убедят в том, что им нужно».

— Пойду проверю, как закреплены ящики, — ответил Гисандр тем же тоном, чтобы позлить своего провожатого, тайной властью которого он с некоторых пор немного тяготился, — может, повредилось что во время шторма.

При этих словах пифий царя вздрогнул, хотя и сам осматривал ящики сегодня на рассвете, но больше ничего не сказал. А Тарас, поправив ножны меча, направился к трюму. Отверстие, накрытое тентом, находилось посередине палубы. Ловко пробираясь между скамейками гребцов, что сидели вдоль борта, орудуя длинными веслами, спартанец добрался до трюма и, скользнув по лестнице, оказался внизу. Здесь стоял смоляной запах, к которому примешивался еще и затхло-соленый дух гнилых бревен, словно на корабле перевозили квашеную капусту. Гребцы второго яруса, также умело вращавшие веслами, настороженно поглядывали со своих скамеек на командира спартанцев, который пробирался мимо них по сваленным на палубе в кучу канатам и бочкам в сторону кормы.

Там, в полумраке, заботливо прикрытые кожаными накидками и грубой материей, — Клеандр считал, что этому грузу нечего мозолить глаза даже гребцам, — лежали три массивных деревянных ящика, обитые для прочности медными полосами. Добравшись до цели, Тарас осторожно откинул угол ближайшей накидки и воззрился на блеснувший тусклым светом угол ящика. Провел по его крышке. Работа была добротная, выдержит даже несколько ударов топора. А уж сколько они весили, можно было только догадываться. Переищи Тараса, которым было поручено в качестве особой чести загрузить сначала на телеги, а потом и сюда эти ящики, едва не умерли от натуги. Но использовать рабов Леонид наотрез отказался. Да и на подручных Гисандра смотрел с открытым недоверием — слишком уж дело было важное. Но согласился, значит, никого из других спартанцев не хотел посвящать в это дело. Та ночь, которой его неожиданно вызвал к себе Леонид, до сих пор стояла у него перед глазами.

— Сколько людей у тебя выжило после атаки персов, Гисандр? — вместо приветствия спросил царь, когда Тарас, бесцеремонно разбуженный его посланцем, оказался в шатре,

освещенном лишь светом тусклого факела.

— Двенадцать человек, — ответил заспанный Тарас, еще не понимая, к чему клонит Леонид.

— Возьми всех и жди меня вместе с ними у нижней границы лагеря, — приказал царь спартанцев, — Клеандр встретит тебя там.

— Я должен уже выступать в Спарту? — поинтересовался Тарас, немного удивленный тем, что царь изменил планы и заставляет его отправиться в путь на день раньше. Обычно он так не поступал.

— Да... почти, — нехотя пояснил Леонид, скрестив руки на груди, — но, перед тем, как ты отправишься в Спарту, мы сначала посетим один храм в Дельфах. Я должен пообщаться со жрецами.

«Я даже догадываюсь какой, — мысленно закончил за него Тарас, который, впрочем, пока не понял, зачем царю понадобилось немедленно посетить храм Аполлона, но уточнять не стал, — быть может, он хочет принести новые жертвы на рассвете именно в главном святилище? — В конце концов, мое дело маленькое — выполнять приказы. Да вскоре все само собой прояснится».

Вернувшись к месту своего прерванного сна, — спал он прямо на большом камне, подстелив лишь алый плащ, — Тарас разбудил своих илотов, которым удалось поспать немногим дольше, и в кромешной темноте направился вниз по дороге, огибавшей уступы. Когда лагерь спартанцев остался за спиной, он заметил у скалы в лунном свете несколько фигур, одна из которых ему была знакома. Приблизившись, Тарас поприветствовал царского пифия и с удивлением заметил на дороге несколько телег, в которые были запряжены напоминавшие мулов животные. Рядом дожидались команды возничие. Четверо незнакомых периеков и больше никого. Тарасу подумалось, что в этом предприятии царь явно не доверял своему окружению, предпочитая использовать непосвященных людей. Причины для этого могли быть разные. «Свидетели долго не живут, — отчего-то вспомнил невеселую мысль Тарас и тут же попытался вытеснить ее более позитивной, — но зато за хорошую службу, пусть и тайную, хозяева могут щедро наградить».

— Мы заберем с собой какой-то груз? — не удержался от «невинного», как ему показалось, вопроса Тарас. Однако строгий взгляд и блеснувшие тихим гневом глаза Клеандра напомнили ему о необходимости знать свое место.

— Царь сам тебе все расскажет, — все же пояснил он, запахиваясь в плащ, — если захочет.

И махнув рукой в сторону дельфийской долины, добавил шепотом, словно боялся, что их подслушивают:

— Пора идти, на рассвете нас ждут.

Кто и где их ждет, Тарас на этот раз не стал уточнять. Воздержался от ненужных расспросов, видя, как раздражают они пифия, да и самого Леонида, не привыкшего к демагогии, так любимой афинянами. Вероятно, речь шла о самом царе, которого здесь не было. «Наверное, он уже отправился вперед раньше нас, — решил Тарас, поправляя шлем, — конспирация. Не хочет, чтобы нас видели вместе. Значит, дело действительно важное. Ох уж мне эти тайны».

Отряд из трех телег под охраной гастралетчиков, среди которых были проверенные бойцы — Никомед, Мегаклид, Этокл, Бриант и другие, — устремился вниз, глухо гроыхая колесами по камням горной дороги. В кромешной тьме они достигли и миновали посты спартанцев на «второй линии» обороны. Затем спустились в низину, где стояли главные лагеря спартанской армии Леонида и афинских гоплитов, посланных сюда Фемистоклом. Тарас, знавший ситуацию изнутри, опасался трений с афинянами, которые стояли чуть выше, на склоне холма, перекрывая пути отступления из Дельф, но этот вопрос предстояло решить позже. Сначала они должны были успеть в расчетное время на встречу с царем в неизвестном месте, куда вел их сейчас Клеандр, вышагивая перед повозками.

Впрочем, когда небольшой конвой под охраной периеков углубился в опустевший

город, а затем, миновав каменные улицы и дома, вновь выехал на проселочную дорогу, Тарас понял, что не ошибся в догадках. Он проследил взглядом за петлявшей по отрогам скалы дорогой, постепенно превращавшейся в широкую тропу, и не слишком удивился, увидев на ее верхней оконечности храм Аполлона. Главную святыню греков. Центр мира, где по преданию встретились два орла, отпущенные Зевсом в разные стороны, чтобы облететь Землю.

Когда они были еще у подножия горы, склоны которой поросли оливковыми рощами, солнце начало свой путь по небосводу, и мрак стал быстро растворяться под его лучами. Время от времени Гисандр, посматривая по сторонам, окриками подгонял своих солдат, среди которых было несколько илотов. Повсюду вдоль дороги виднелись расселины, из которых часто поднимался пар — дыхание горячих источников. Он сам не видел, но другие спартанцы рассказывали, что вокруг них обычно собирались верующие, чтобы омыться перед тем, как посетить храм Аполлона. Судя по утоптанной траве вокруг источников, в Греции было немало желающих узнать свою судьбу у Оракула. Сейчас, однако, здесь было пустынно, словно все жители Дельф покинули эти святы места, больше не надеясь на помощь Аполлона.

Глядя на молчаливую спину Клеандра, Тараса так и подмывало уточнить, прямиком ли в храм Аполлона они направляются, поскольку по дороге было еще несколько священных мест. Однако он сдержался, а спустя пару стадий, когда они прошли по самому краю пропасти, поднявшись на такую высоту, откуда был виден весь город и оба военных лагеря, все и так стало ясно. Других храмов здесь больше не было. Путникам оставалось лишь обогнуть еще два отрога, миновать Кастальский источник и оказаться на священной территории храма, устроенного жрецами на том самом месте, где, по рассказам древних, Аполлон победил грозного змея Пифона.

Оказавшись у самых ворот храма, которые были открыты, Клеандр вошел в них первым. Тарас и остальные последовали за ним к ступенькам главной лестницы. Когда же до них оставалось не больше дюжины шагов, пифий царя поднял руку и весь отряд замер. Скрипнув колесами, остановились повозки.

Пока поднятая сандалиями пыль оседала, Тарас успел рассмотреть храмовые постройки, состоявшие из главного величественного здания, примыкавшего задней частью к скале, и множества пристроек поменьше. Посреди двора находились высеченные из белого камня статуи мойр — трех старух, следивших за судьбой греков и обрывавших эти хрупкие нити по усмотрению богов. Территория святилища Аполлона в Дельфах была довольно обширной и впечатлила Тараса, хотя тот повидал уже немало храмов в самой Спарте и тех полисах, что они миновали по пути сюда.

«А как же иначе, — подумал он, разглядывая массивные колонны у входа, державшие крышу здания, на фронте которого были высечены какие-то надписи, — этот храм стоит не в какой-нибудь захудалой деревеньке. И в кладовых его пожертвований, вероятно, столько, что даже сам Ксеркс, прослышав о его богатствах, спешит сюда. Да только Леонид, похоже, решил опередить персидского владыку».

Не успел он подумать об этом, как, словно в подтверждение его мыслей, из-за колоннады главного здания вышел жрец — тот самый благочестивый Эврипп, высокий бородатый мужчина в длинном гиматии, расшитом понизу золотой нитью. Его сопровождал царь Леонид, который что-то втолковывал изъясителю воли Аполлона. И, судя по долетевшим до спартанцев обрывкам разговора, Эвриппу эти слова не очень пришлись по нраву.

— Значит, ты все же решил их забрать из храма? — тряся бородой, уточнил жрец, бросив на царя косой взгляд. — Но ведь Аполлон ясно дал понять, что он защитит все, что принадлежит ему. Ведь ты сам объявил на всю Грецию, что спартанцы пришли защищать свои храмы, а теперь...

— Я остаюсь в Дельфах вместе со своим войском, — отрезал Леонид, — для того чтобы исполнить клятву. Мое слово твердо.

Он помолчал мгновение.

— Я заберу только то, что оставил здесь на хранение несколько лет назад, — сказал Леонид, останавливаясь у колонны, — да и то лишь часть и на время. Ты сам знаешь, что Аполлон дал мне знак действовать. И чтобы предсказанное оракулом сбылось, я должен исполнить его волю немедленно. Время не ждет.

Увидев прибывших солдат и повозки, оба жреца умолкли. Солнце блеснуло на шлеме царя спартанцев, когда он обвел взглядом тех, кого тайно вызвал сюда, но по скуластому лицу Леонида нельзя было прочесть ничего. На лице же худощавого Эвриппа еще висела маска разочарования.

Пока они молча взирали на прибывших, словно не решаясь перейти к действиям, Тарас пробежал глазами надписи на фронте храма, высеченные на сером камне, — «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры», — поймав себя на мысли, что эти девизы как нельзя лучше подходили именно спартанцам.

— Воля Аполлона священна, — выдавил наконец из себя главный жрец храма. И Тарас понял, чего ему это стоило, по испарине, выступившей на лбу старика. — Пусть твои люди заберут их.

— Гисандр, — громко приказал царь, голос которого эхом прокатился по двору, отразившись от стен и колонн. — Оставьте щиты здесь и следуйте за мной в храм.

Тарас, бросив косой взгляд на статуи мойр, подавил вздох и проследовал во главе своих людей за царем. «От судьбы не уйдешь», — подумал Тарас, поднимаясь по ступеням широкой каменной лестницы и с благоговейным трепетом впервые в жизни вступая в главный храм Аполлона, откуда воля божества разносилась жрецами по всей Греции.

Внутри даже днем царил полумрак. Сразу за стеной начинались два узких коридора. Один из них вел прямо, вскоре совсем пропадая во мраке, а другой уходил налево к скале, расширяясь. Оттуда на проходившего мимо Тараса пахло сладковатым паром, привкус которого он ощутил еще там, стоя во дворе на солнцепеке. Судя по всему, там находилась какая-то расселина. Вдохнув этот пар, спартанец даже слегка покачнулся.

«Странно тут как-то пахнет, — подумал Тарас, стремясь не потерять из вида спину царя, уверенным шагом передвигавшегося в полумраке, — словно веселящий газ пустили. Даже голова закружилась. Надеюсь, мы здесь ненадолго, а то можно и захмелеть с непривычки».

Ему пришлось напрячь силу воли, чтобы не отстать от Леонида, уже спускавшегося по высеченным в скале ступеням в подземелье.

Сэкономив время на стоянке, к вечеру бирема Гисандра оказалась на открытой воде, а перед самым заходом солнца, когда его теплые лучи ласково щекотали волны Ионического моря, показался и скалистый берег первого острова. Но к его удивлению, это был не Закинф, ближний к Пелопоннесу. Тарас напрасно вглядывался в морскую гладь на горизонте, пытаясь рассмотреть побережье Элиды, что непременно должна была показаться вслед за Аханией, если плыть в Спарту этим путем, никуда не отклоняясь от побережья. Но у пифия, похоже, были другие планы, о которых он не счел нужным заранее предупредить Гисандра. За островом зоркий спартанец, правда, разглядел еще одну протяженную полосу земли, но это был, судя по всему, лишь второй остров. Вместо того чтобы плыть напрямик домой, корабль почему-то повернул в противоположную сторону и взял круто на север.

— Итака, — просветил его Клеандр, — а за ней Кефалления.

Тарас машинально кивнул, словно бывал здесь уже много раз. Ему на самом деле показалось, что бывал. Больно уж название было знакомое.

— Зачем нам понадобилось отклоняться от главного пути, если уж мы так торопимся в Спарту? — не выдержал Тарас и дал волю своему любопытству. — Нас ведь с нетерпением ждут эфоры.

— Таков еще один приказ царя, Гисандр, о котором ты должен был узнать только здесь. Подробнее о его воле я расскажу тебе на берегу, ведь мы переночуем на этом острове, —

сообщил ему пифий, впившись глазами в скалистый силуэт посреди волн, — заодно оставим здесь наш груз. Дальше мы поплывем без него.

Когда глаза Гисандра округлились от удивления, Клеандр нехотя добавил:

— А эфорам знать об этом не стоит.

Глава вторая **Афина-Паллада**

Со своего места у палатки Тарас наблюдал за гоплитами, проходившими мимо походного лагеря стройными рядами. Свежие, еще ни разу не принимавшие участия в сражениях с персами бойцы, отливая медью щитов и шлемов с изображением грозной богини, поднимались из долины по петлявшей меж отрогов тропе. Миновав два тесных прохода в скалах, охраняемых спартанцами, они устремлялись дальше. Туда, где уже виднелся предперевальный взлет, за время долгой схватки воинов Лакедемона и персов не раз переходивший из рук в руки и щедро окропленный кровью.

— Афиняне, — глядя им вслед, с отвращением пробормотал Архелон, стоявший у палатки рядом с Гисандром, опершись о копье.

— Не могу поверить, что Леонид решил на это, — пробормотал Тарас.

— А чем ты недоволен, — усмехнулся Архелон, переводя взгляд на друга, — пусть теперь и эти изнеженные торговцы прольют свою кровь во славу Греции. Не для того же они пришли сюда, чтобы отсиживаться за нашими спинами?

— Не для того, — в задумчивости пробормотал Тарас и кивнул, соглашаясь.

Еще не успевший отбыть обратно в Спарту Гисандр не стал рассказывать своему другу о том, что знал о намерениях Фемистокла, афинского стратега с неограниченными полномочиями, пребывавшего сейчас вместе с флотом где-то у Эвбеи. Хотя Леонид «официально» ничего не запрещал ему, Гисандру этого и не требовалось. Все и так было ясно. Нечаянно став носителем царской тайны, Тарас как бы молчаливо дал клятву о «неразглашении». И теперь хотел он или не хотел, а лишний раз раскрывать рот было небезопасно. Любой из спартанцев мог оказаться соглядатаем царя или его пифия, в тайных возможностях которого Тарас уже не раз мог убедиться. Клеандр был для Леонида чем-то вроде начальника контрразведки и мог запросто послать кого-нибудь последить за новым царским «доверенным лицом». А в случае чего тихо избавиться от этого лица, если оно вдруг потеряет доверие. Слишком уж многое от этого сейчас зависело.

Хотя в глубине души Тарас в такое развитие событий не очень-то верил, — ведь сам он был не из болтливых. Но неудачное нападение периеков на берегу реки по пути сюда помнил отлично. Он ведь так и не узнал, чьих рук это было дело: Деметрия, персов или еще кого. «Я ведь, как ни крути, теперь кровник самого Ксеркса, — самодовольно усмехнулся Тарас, неожиданно вспомнивший об этом „признании“ его заслуг, когда провожал взглядом очередной отряд грозно смотревшихся афинян, — а эти „изнеженные торговцы“ не так уж безопасны, как полагает мой друг Архелон. И если вдруг захотят повернуть свое оружие против нас, то нам может прийти очень туго. Ведь какая-то часть их войска осталась в лагере у Дельф. Значит, мы между двух огней. Опасно. Главное, чтобы они с персами уже не договорились сдать проходы».

Стоявшее лагерем у горы Парнас войско афинян превосходило спартанское как минимум вдвое. И, несмотря на то что каждый спартанец стоил трех, а то и пятерых бойцов противника,¹ полной уверенности в победе в случае схватки с ними у героя Фермопил не было.

¹ Обычно любая греческая армия, рискнувшая биться со спартанцами, выставляла на шесть рядов в глубину фалангу, превосходившую построение бойцов Лакедемона. Именно в такой пропорции противники оценивали силы своих и спартанских бойцов.

«И как же Леонид решился на это, зная о планах Фемистокла? — продолжал недоумевать Тарас даже тогда, когда последний отряд афинян исчез за ближней скалой и проходы вновь заполнились спартанскими воинами. — Будем надеяться, что Леонид знает, что делает. Он ведь еще и политик, наверное, что-то уже придумал».

Недоумение Тараса было вызвано тем, что еще вчера, когда он в последний раз виделся с Леонидом, в последний момент задержавшим его в лагере, царь и словом не обмолвился о том, что собирается пойти на контакт с Агенором² и другими афинскими полемархами. До этого дня он держал их подальше от места сражения. Но Агенор, командовавший сухопутной армией Афин, уверял, что его воины просто рвутся в бой и готовы послужить во славу Греции. Однако спартанский царь долгое время оставался глух к этим призывам. И вдруг, незадолго до нового штурма, Леонид решился заменить свои войска на перевале афинскими, а спартанцам было приказано отойти на второй рубеж обороны. И Тарасу, временно вернувшемуся в строй, тоже. Его заинтриговали действия царя, но никаких разъяснений он, понятное дело, не получил.

В ожидании приказов царя он провел здесь еще два дня. К вечеру первого, следом за посыльными, что спешили с вестями к спартанскому царю с места битвы, вниз потянулись «похоронные команды» афинян, несших убитых и раненых бойцов. Судя по их количеству, персы предприняли уже несколько мощных атак.

«Значит, они все-таки не сдали проходы, — озадачился Тарас, глядя вслед окровавленным санитарам, которые тащили раненых бойцов, — либо Агенор не в курсе тайных замыслов своего стратега, либо мой царь уже запустил в действие свой план, чтобы им помешать».

Афиняне продолжали идти непрерывным потоком, который иссяк лишь спустя час. Облако пыли, висевшее над тропой, еще долго оседало после того, как последний гоплит скрылся в долине.

«А лучшего плана, чем „замазать“ предателей кровью и вынудить сражаться на благо Греции, — ухмыльнулся Тарас, уловив, как ему казалось мысль царя, — и не придумаешь. Афинян следовало бы хорошенько разозлить, и, мне кажется, Леониду это удалось».

Как он был близок к действительности, Тарас узнал буквально на следующее утро, на рассвете, когда спартанские гоплиты неожиданно получили приказ вновь занять перевал. Их черные тени бесшумно заскользили наверх.

— Что-то быстро закончились силы у афинян, — как бы невзначай сообщил Гисандр царскому пифию, когда их дороги случайно встретились у шатра Леонида.

— У Агенора еще предостаточно сил, чтобы держать эти проходы очень долго, — туманно ответил Клеандр, смерив собеседника странным взглядом, от которого Тарас ощутил, что вновь лезет не в свое дело. Но отступать было поздно.

— Тогда кого мы меняем на перевале? — не унимался он.

Пифий обвел взглядом окрестности и, убедившись, что остальные гоплиты находятся на достаточном расстоянии, доверительно сообщил Тарасу:

— Вчера персы в жестокой драке уничтожили едва ли не четверть всех афинских солдат. А сегодня утром царь получил известие о том, что Агенор перешел в наступление и оставил перевалы, отогнав персов в долину.

— В наступление? — переспросил Тарас, не поверив своим ушам. — То есть нарушил царский приказ. Леонид, наверное, в бешенстве.

— Напротив, — ухмыльнулся пифий, почесав бороду, и Тарас заметил самодовольную улыбку на его лице. — Напротив.

«Судя по всему, Леонид именно этого и ждал, — подумал уже про себя Тарас, положив ладонь на рукоять меча, — значит, он действительно начал свою интригу и, судя по лицу Клеандра, весьма преуспел».

² Имя этого исторического персонажа вымышлено.

Пообщавшись еще немного с пифием, нехотя делившимся информацией, Тарас все же узнал еще кое-какие детали. После столь кровопролитного сражения Агенор самовольно прекратил оборону, в ярости увел все свои войска вниз и отбросил персов едва ли не до второго перевала, закрывавшего долину уже со стороны земли локров. Где-то недалеко за этим перевалом находился город Амфисса, куда немногим ранее сбежала часть жителей Дельф, теперь уже наверняка находившихся в плену у персов, поскольку сама Амфисса уже давно пребывала в руках Мардония. Там, за этим перевалом, была сконцентрирована вся персидская армия, штурмовавшая дельфийские проходы. Взвесив силы афинян и персов, Тарас понял, что первых, скорее всего, ждет скорая и славная смерть за Грецию, поскольку армия персидского главнокомандующего, по донесениям разведчиков, превосходила примерно в пять раз силы афинян и спартанцев вместе взятых. Но гордым Агенором, похоже, руководила только жажда мщения. Так или иначе, в долине назревало масштабное сражение, на которое Тарас был не прочь взглянуть, тем более что самому биться вряд ли доведется.

— Если царь позволит, я хотел бы добраться с гоплитами до перевала и взглянуть на поражение Агенора, — осторожно поинтересовался Тарас, — ведь сегодня я еще не должен выступать?

— Неужели ты не веришь в победу наших друзей афинян, ведь Агенор храбр и у него немало воинов? — пожурил его Клеандр.

— На все воля богов, — туманно ответил некогда прямодушный Тарас, поневоле обучавшийся искусству словесного обмана. Этого трудно было избежать, находясь среди высокопоставленных спартанцев.

— Что бы там ни произошло, к вечеру ты со своими людьми должен быть у царского шатра, — ответил пифий, удаляясь.

А Тарас, сгоравший от любопытства, расценил это как «высочайшее» разрешение, подозвал своих бойцов и устремился вслед за спартанскими гоплитами.

«Наш царь далеко не глуп, — размышлял он на ходу, перепрыгивая через камни на дороге, — если Агенор потерпит поражение, то погибнет немало воинов, афиняне будут опозорены и вынуждены сражаться дальше, чтобы смыть этот позор. Такая ситуация нам только на руку, а вот Фемистоклу тогда гораздо труднее будет убедить отцов города сдать его персам на милость. Если он вообще собирается сообщать им об этом, а не хочет стать единоличным хозяином города, приняв персидское правление».

Пробираясь в сумерках вверх по дороге, все больше напоминавшей широкую тропу, Тарас вдруг вспомнил рассказ жрецов о том, что часть жителей укрывала свое имущество на склонах горы Парнас, в неизвестной ему Корикийской пещере, сами же обитатели Дельф спрятались от персов где-то неподалеку. «Видимо, здесь хватает неприступных мест, — решил он, оглядывая рассветные горы, — да только пропусти мы персов, и обязательно найдется какой-нибудь предатель, который укажет путь в сокровищницу. Так что этих трусов, обожающих свое имущество, ничто не спасет, если не будет нас».

Вскоре он был на перевале. Подняв голову, Тарас заметил впереди ровную линию красных плащей, перегородивших остаток прохода. Он со смешанным чувством окинул взглядом каменные россыпи — этот обвал, унесший жизни сотен персов и обративший их некогда в бегство, устроил именно он, отступая, с помощью лишь нескольких горшков Темпея. Этим можно было бы гордиться, но под теми же завалами погибли и его великолепные баллисты, которые так нужны сейчас спартанцам. Впрочем, Тарас не сомневался, что сможет быстро изготовить новые, нужно лишь добраться до Спарты. Однако сейчас его волновали совсем не баллисты.

Поднявшись на сам перевал и обменявшись несколькими словами с командиром перегородивших проход спартанцев, среди которых были его друзья Эгор с Архелоном, Тарас прошел позади строя, чтобы взобраться на самый верх насыпи. На такие самостоятельные передвижения Гисандра, облеченного личным доверием царя, остальные спартиаты уже смотрели достаточно спокойно, исключая лишь нескольких завистников и

врагов. С тех пор как Леонид разрешил ему создать практически собственное войско из периеков и «артиллерию», метавшую молнии на головы персов, Гисандр довольно редко появлялся в строю с копьем. Все больше передвигался по позициям в окружении своих подопечных с гастропетами, словно заправский полемарх. Сейчас, правда, когда вся его «армия» погибла в прошлом сражении вместе с «артиллерией», он вновь был в полном облачении, но в строй так и не встал. Однако никому из командиров и в голову не пришло поинтересоваться, что тут разносит этот новый царский любимчик. На перевале выстроилось человек пятьсот, но Деметрия среди них не было, а остальные, даже если им и не нравилось его поведение, не спешили осуждать Гисандра вслух.

Миновав отряд периеков-оруженосцев, Гисандр вскоре оказался на вершине каменного холма, у подножия той самой скалы, что подмяла под себя столько персов. Отсюда отлично была видна вся небольшая долина, запруженная персами и людьми Агенора. Сделав знак бойцам и своему оруженосцу, тащившему копье и щит, Гисандр скользнул взглядом по ломаной линии скал на горизонте, пики которых уже алели под солнечными лучами.

— Рассвело, — пробормотал Тарас, упираясь ногой в камень и вновь возвращая взгляд в долину, — и день, судя по всему, обещает быть жарким.

Там внизу, не так уж и далеко от «персидского» перевала он увидел войско афинян, выстроившихся в огромных размеров фалангу, которая из-за холмистой местности изгибалась подковой. Долина, в которой расположились войска, делилась как бы на две части. Та, что примыкала к охраняемому спартанцами проходу, была довольно широкой и пологой, по ней персы могли наступать большими силами и приближаться к перевалу со всех сторон. Поэтому Леонид и приказал оборонять лишь проход, где, подобно Фермопилам, численное преимущество не играло столь большой роли.

Та же часть, что поднималась ко второму перевалу, занятому персами, была более холмистой. Ее разрезали несколько глубоких оврагов, между которыми петляла торговая дорога в Локриду. Перегородив ее, у перевала сверкали чешуей доспехов персидские пехотинцы. Их были тысячи, и они немного походили на уже виденных Тарасом мидян — те же мягкие войлочные шапки на головах, пестрые хитоны, поверх которых блестевшие медью панцири с короткими рукавами, — но вооружение у них было гораздо лучше: большие медные щиты и массивные мечи. К какой из многочисленных народностей, пришедших вместе с Ксерксом искать крови греков, они принадлежат, Тарас не знал. Однако справа и слева от них держали фланги отряды, явно походившие на каспийцев: вместо медных щитов плетеные, короткие копья, колчаны с луком и стрелами. В общем, «расходный материал», — как называл их Тарас, видевший этих воинов в деле. Да построением это было нельзя назвать. Солдаты Ксеркса на флангах выглядели как стадо баранов, сбившихся в кучу.

— Скорее всего, Мардоний легко пожертвует этими вояками, — опять пробормотал Гисандр, любивший поговорить сам с собою, чем часто озадачивал своих спутников, — пошлет вперед на тяжеловооруженных греков или в первую очередь отдаст на растерзание в случае атаки Агенора. Ведь «бессмертных» я здесь не вижу. Ни пеших, ни конных. Что странно. Наверняка этот хитрец Мардоний что-то задумал.

Впрочем, рассмотрев повнимательнее поле, Тарас заметил, что оно просто усеяно трупами персов и греков. Совсем недавно здесь бушевало настоящее сражение. И Тарасу даже показалось, что, став привычным порядком, греки ожидали контрнаступления врага уже со вчерашнего дня.

— Они что тут, всю ночь простояли? — снова подумал вслух Тарас и добавил: — А овраги-то глубокие, отличное место для засады. Даже конницу можно спрятать. Особенно вон в том овраге, слева, что заходит за фалангу греков. Чует мое сердце, что Мардоний сегодня удивит Агенора, ведь этот гордец даже и не думает выставить кого-нибудь для защиты от возможного обхода. На перевал нацелился. Атаковать. Ну-ну.

Вновь скользнув взглядом по далекому перевалу, Тарас разглядел на нем небольшую крепость, точнее походный лагерь, выстроенный персами по всем правилам фортификационного искусства своего времени. Так что атака перевала неминуемо

превращалась в штурм укрепленных позиций численно превосходящего противника. В общем, по всем прогнозам, войнам Агенора — лично возглавлявшего свою армию — здесь ничего не светило, но они и не думали отходить обратно. Греческий командир, стоявший впереди всех, в самом деле вознамерился отогнать персов от священного Дельфийского оракула, пусть даже и ценой своей жизни.

— Смелый парень, — решил Тарас, глядя, как передовые отряды легковооруженных персов, словно дожидавшиеся прибытия спартанского наблюдателя, двинулись вперед, чтобы завязать бой, — жаль будет узнать, что погиб.

С обоих флангов в небо над долиной взметнулись тысячи стрел и, слившись в воздухе, обрушились на фалангу греков. Со своего места Тарас не мог услышать стоны людей, но видел, как они падали десятками. Даже не вступив в бой, греки уже несли потери. А Тарас вздрогнул, слишком уж яркие были воспоминания от сражения у Фермопил, когда он вот так же, подобно афинянам, стоял под градом персидских стрел, прикрываясь щитом. Впрочем, он сразу взял себя в руки, снова став отстраненным наблюдателем, подмечавшим тактические успехи и провалы сражавшихся сторон.

— Лук, — великое дело, — спокойно констатировал Тарас, словно речь шла не о его умиравших собратьях, пусть и родом из другого полиса, — а гастрарфет еще лучше. Жаль, что не все греки это понимают.

Греческая фаланга, прикрывшись щитами, выдержала обстрел, но не двинулась с места. Зато сами кассии — а Тарас был почти уверен, что это они — устремились в атаку. Они бежали вниз, на ходу продолжая стрелять из луков, и делали это до тех пор, пока не оказались рядом. Приблизившись к фаланге, передовые персы закидали ее копьями и бросились назад сквозь своих. А новая волна кассиев схватилась с греками врукопашную. Афиняне только этого и ждали. Их ответ был мощным. Кассии накатывались волна за волной на фалангу греков, да там и оставались лежать. Гоплиты кололи их своими копьями, и вскоре перед фалангой вырос целый бруствер из мертвых персов.

— Хорошо дерутся, — отметил Тарас, краем уха услышав одобрителный гул со стороны спартанцев, явно разделявших его мнение, — да только противник слабоват. Посмотрим, что дальше будет. Еще не вечер.

Афиняне выдержали все атаки и, буквально разгромив легковооруженных кассиев, наконец сдвинулись со своего места. Гоплиты неожиданно перешли в контрнаступление. Тарасу даже показалось, что он видит коренастого Агенора, что размахивал мечом впереди всех. Преследуя бегущих кассиев, которых они легко рассеяли, афиняне поднялись вверх по склону и столкнулись с теми, кого Тарас условно почитал за мидян. Здесь наступление забуксовало. Этот противник не уступал грекам по оружию, а по численности вообще превосходил. Но афиняне уже поймали кураж, да драться они были обучены гораздо лучше, нежели персы.

Удар греческой фаланги, которая за время подъема вытянулась вперед, превратившись в клин, почти пробил центр обороны, и греки прорвались к самому лагерю. Острием этого клина был Агенор. Тарас ни минуты не сомневался, что этот бесстрашный военачальник, который увлекал воинов за собой все дальше, именно он. Победа была близка. Битва шла уже у самых стен, где в дело вновь вступили лучники. Раскrojив порядки персов надвое, греки в конце концов пробились к перевалу, поднялись на него и даже подожгли лагерь.

Тарас глазам своим не верил. Персы отступали по всему фронту, который был разорван на несколько частей. Жестокая мясорубка шла одновременно вверх и вниз по склону — Агенор привел с собой несколько тысяч человек, которые занимали сейчас весь предперевальный взлет.

Сражение длилось довольно долго, и Тарасу показалось, что пролетело уже несколько часов. Казалось, еще немного и победа будет за афинскими гоплитами. Но тут он увидел, что не зря «надеялся» на хитрость Мардония.

Когда последние гоплиты втянулись в драку, снизу, из того самого оврага, который сразу «приглянулся» Тарасу, показалась тяжеловооруженная конница. Буквально взлетев на

своих крепких конях вверх по склону, персидская кавалерия атаковала афинские порядки и смяла одну за другой несколько шеренг. Весь арьергард Агенора, уже предвкушавшего скорую победу, был уничтожен за считанные минуты. Всадники Мардония, облаченные в сверкающие на солнце доспехи, сражались не беспорядочной толпой, а были прекрасно обучены. И кони давали им большое преимущество перед пехотой. Они давили пытавшихся держать строй гоплитов копытами и «косили» своими мощными мечами. А черно-золотые одежды этих персов не оставляли сомнений в том, кто они.

— «Бессмертные», — невольно усмехнулся от своей прозорливости Тарас, глядя на удар персов в спину афинянам, — этих ребят я уже встречал и удовольствия не получил. Посмотрим, как выкрутится Агенор.

Между тем предводитель афинских воинов наконец уразумел, что попал в заранее спланированное окружение. Стоило совершиться удару в тыл, как тут же началась атака тяжелых пехотинцев с перевала. Облаченные в плоские медные шлемы и затянутые блестящие на солнце нагрудники, персы мощным ударом отбросили греков с перевала и стали выдавливать их все дальше вниз по склону.

Со своего места Тарас смог-таки разглядеть группу воинов, которая пыталась управлять сражением. Бинокли у него, конечно, не было, но кое-что можно было различить, и он был уверен, что среди них находится сам Агенор, яростно размахивавший руками, в одной из которых был зажат меч. Вскоре стал ясен смысл приказов, которые он отдал своим людям, — отступать! Но это было уже не так просто. Греки развернули строй, и теперь основной удар пришелся на «Бессмертных», которые не привыкли бросаться врассыпную при первом же сопротивлении противника. А кроме того, к ним на «усиление» все по тому же оврагу, так опрометчиво не заблокированному Агенором, прибыли персидские пехотинцы в одеждах, ничем не отличавшихся от всадников.

— Ох и любит же Мардоний афинян, — не мог нарадоваться Тарас, — прислал лучшие силы.

Однако ярость греков, попавших в окружение, превзошла мастерство «гвардии» Ксеркса. «Больно уж сильно бьются, — озадачился вдруг Тарас, глядя на набиравшую обороты мясорубку, которая уже вновь переместилась с перевала на равнину, — а нет ли там, за перевалом, самого царя Персиды? Может быть, он сейчас стоит там, с другой стороны долины, наблюдает за сражением и радуется. Как я».

Тарас прищурился сильнее, словно действительно хотел рассмотреть гордый профиль царя среди скал, и невольно усмехнулся своей жестокой шутке — в ней была доля правды. Не стал бы царь персов отпускать свою гвардию так далеко, если бы сам не находился поблизости. Кто же его тогда охранять будет? Ведь стараниями Тараса, преуспевшего в новой для греков партизанской войне, Ксеркс получил хороший урок и напоминание, что даже за крепкими стенами лагеря он не может ощущать себя в безопасности. Спартанцы проникнут везде, сквозь любые заслоны. А это значит, что пока жив хоть один из них, царь Персидской империи может передвигаться по землям греков только под большой охраной.

Точное местоположение Ксеркса Тарасу было неизвестно. Некоторое время назад разведка доносила о том, что «Богopodobный» переместился из своего лагеря у Фермопил южнее, но, где он в настоящий момент, никто, кроме Леонида и его приближенных, не знал, а с Тарасом они информацией, ясное дело, не делились. Не того полета птица, хотя и вовлечен в интриги. Но, сделав подобные выводы, Тарас сам подивился их стройности. А почему бы нет? Царь персов, если не двинулся из лагеря морем, — а о новых сражениях с флотом греков пока ничего было не слышно, — вполне мог находиться уже здесь. В это мгновение Тарас даже пожалел, что афиняне не смогли взять перевал. Вдруг бы им удалось неожиданно захватить самого Ксеркса. Тогда мог наступить конец войне. Но «подобревший» спартанец быстро вспомнил, кому он служит, и решил, что для Леонида это было бы самым худшим вариантом. Все его планы тогда провалились бы, а престиж афинской республики и без того немалый, после сражения у Марафона и морских побед сразу взлетел бы до небес. Полисы Греции, даже те, что «уважали» Спарту, стали бы роптать, вспомнив о

самоопределении. А уж остальные моментально переметнулись бы на сторону Афин, и тогда вечный вопрос «Кто в Греции главный?» встал бы для Спарты с небывалой остротой, а ее шансы на гегемонию упали бы «ниже плинтуса», как говаривали в его родном времени. Но пока персы оправдывали ожидания Леонида, и все шло именно так, как он и рассчитал. Даже лучше.

Лишившись победы и взятые в кольцо, афиняне перешли в контрнаступление, чтобы пробить себе путь назад, одновременно яростно отбиваясь от наседавших персов с тыла. Тарас видел, как погибли многие из тех военачальников, что привели их сюда. Может быть, погиб и сам Агенор. «Бессмертные» стояли плотной стеной, пытаясь не дать им вырваться из кольца, но ярость греков была сильнее. И в конце концов пешие персы подались назад. Их строй изогнулся, а затем прорвался в двух местах сразу. Греческие бойцы хлынули в эти проходы, устремившись к спасительному перевалу и развалив собственный строй.

— А вот это ошибка, — хладнокровно констатировал Тарас, взявшись рукой за подбородок, — это уже не дисциплинированное отступление, а настоящее бегство. И сейчас персы вас накажут за слабость.

Он не ошибся, дав возможность гоплитам побежать в сторону перевала, конница «бессмертных» разделилась на два потока и, быстро настигнув беглецов, врубилась в эту человеческую массу, уже не напоминавшую фалангу, сразу с двух сторон. А с перевала все накатывали новые и новые волны персидской пехоты. Численное превосходство персов, на взгляд Тараса, который бегло оценил их боевые возможности, стало уже пятикратным, и сражение, казалось, почти выигранное греками, теперь превратилось в настоящую бойню. А когда гоплиты обратились в бегство, началось настоящее истребление.

Персы на мощных конях вонзались в толпу греков то тут, то там и «косили» их своими длинными мечами. Греки, многие из которых побросали щиты, чтобы легче было бежать, слабо пытались защищаться кто мечом, а кто и просто закрывался руками. Но все было бесполезно. Они гибли десятками. Бой шел уже почти у самого перевала, к которому из последних сил пробивались афиняне. Никакого руководства сражением уже давно не было, Тарас не видел ни одной «организованной группы», которая пыталась бы хоть как-то держать строй. Даже в арьергарде, где волна персов, словно море, неминуемо накатывающее на берег, подминала под себя бегущих греков, полемархи давно смешались с толпой простых гоплитов.

— Позор, — пробормотал Тарас, с презрением глядя на бегущих афинян, и даже сплюнул на камни, — вы все должны были лечь на этом поле, но не пропустить персов. А теперь вы заслужили свою участь.

«Впрочем, хороший удар мог бы немного исправить ситуацию», — подумал Тарас, который в глубине души все же считал, что греки должны помогать друг другу, особенно во время войны. Но, взглянув на неподвижный строй спартанцев, которые и не думали спускаться вниз, спокойно взирая на гибель афинян, понял, что подмоги людям Агенора не будет.

«Неизвестно еще, какой приказ получил командир этого отряда», — подумал Тарас, решившись на этот раз доверить слова воздуху. Он с некоторой опаской посмотрел на копья лакедемонян, которые поднялись вверх, стоило приблизиться к перевалу бегущим грекам. Но строй расступился, едва первый из них добрался до спасительного прохода. Афиняне, окровавленные, многие без шлемов и оружия, пробегали сквозь строй спартиатов и падали без сил сразу за ним. Персы же не стали атаковать перевал, удовлетворившись избиением тех, кто не успел достичь дельфийского прохода. А таких было не больше тысячи. Выжил ли сам Агенор, отдавший свое войско на растерзание, Тарас тоже не знал. Но решил выяснить, едва стало ясно, что сражение закончено.

— Идем вниз, — приказал он своим людям, — здесь смотреть больше не на что.

А про себя подумал: «Царь должен быть доволен».

Проходя мимо раненых и тяжело дышавших афинян, что валялись без сил или сидели, понунив головы, меж камней, Гисандр заметил их предводителя. Тот был ранен в плечо, но

жив. «А это еще лучше, — против воли усмехнулся Тарас, — виновник позора выжил. Видно, Леонид принес хорошие жертвы богам».

Глава третья

Таинственный остров Итака

Не успели они прибыть в гавань, как Тарасу было приказано развернуть бурную деятельность, которую, впрочем, следовало скрыть от чужих глаз. Когда начало темнеть и без того небольшой порт на этой стороне залива почти опустел, пифий приказал немедленно выгрузить ящики на берег и отнести их в сторону видневшейся неподалеку горной гряды.

— Там есть пещера, — кратко пояснил он, — мы должны достичь ее завтра утром. Но передвигаться лучше по темноте. Так надежнее. Поэтому начнем наш путь прямо сейчас. Здесь вполне безопасно, однако никто не должен обращать на нас внимания.

Тарас не стал спорить. Островок Итака не выглядел с моря слишком большим, когда они приближались к нему. Тот, другой остров, что высился за проливом шириной всего в десять стадий, — кажется, пифий называл его Кефалления — превосходил своего собрата размерами раз в пять. Но Клеандр по каким-то лишь ему известным причинам выбрал именно этот живописный и гористый островок. Больших городов по этому берегу Тарас с борта биремы не заметил, лишь рыбацкие деревеньки. Возможно, эта идиллия и привлекала царского пифия. Свои сокровища лучше хранить подальше от суеты.

Однако причалили они, к его удивлению, не у пустынных берегов, а к пирсу самого настоящего города, пусть и небольшого, со странным названием Ватхий. Городок раскинулся по обоим берегам узкого залива, вдававшегося далеко в сушу и разрезавшего остров, по словам пифия, почти надвое. Впрочем, на другой стороне залива домов и портовых сооружений было гораздо больше. А здесь никто не стал расспрашивать лакедемонян, зачем они прибыли на Итаку. Все были заняты своим делом. Никто из местных греков не обратил особого внимания на прибывший корабль, поскольку воды бухты одновременно с ним разрезали нескольких дюжин рыбацких лодок.

У Тараса появилось ощущение, что все местные жители заняты рыболовством, поскольку пахотных земель здесь, на первый взгляд, не имелось вовсе. Впрочем, он решил отложить далеко идущие выводы на потом, ведь всего острова он еще не видел. Мало ли что здесь могло находиться. А кроме того, пока Тарас наблюдал с борта биремы за живописным побережьем, изрезанным многочисленными бухточками и омывавшимся лазоревым морем, он вдруг вспомнил, отчего ему так знакомо название этого клочка суши. «Это же здесь жил и правил тот самый герой, которого теперь воспевают все поэты Эллады, — с трудом вспомнил Тарас, у которого неожиданно случилось озарение, — Одиссей, кажется, царь Итаки. Тот самый, что придумал троянского коня и потом еще лет десять после войны добирался обратно. Только давно это было. Кажется, лет семьсот назад. Интересно, что здесь сейчас творится».

— Нам туда, — указал Клеандр в сторону горной гряды, возвышавшейся на западной стороне, — вскоре за портом начнется тропа. Она ведет в сторону Аэтоса.

— А где жил Одиссей? — вдруг спросил Тарас, не сдержав любопытства, так ему захотелось проверить свои воспоминания, — ведь он правил, я слышал, на этом острове.

— По преданиям, он жил в той стороне, — неожиданно спокойно объяснил Клеандр, указав на этот раз на север, — его дом стоял за проливом, в той местности, где сейчас стоит город Ставрос. Но мы туда не пойдем. Это в стороне от нашего пути, а нам задерживаться незачем. Тем более что из героев спартанцы больше почитают Геракла.

Тарас больше не стал тревожить пифия вопросами, хотя немного разволновался от того, что ходит по той же самой земле, которую топтал знаменитый Одиссей, прежде чем отправиться в свое плавание.

Небольшой отряд из периеков Гисандра — Темпея в этот раз с собой не взяли, оставив на корабле — как мог быстро направился по обходной тропе в горы. Шли они довольно

долго. Все происходило уже на закате, когда длинные тени от скал уже растянулись на всю бухту, а солнце почти погасло. Остатки жаркого дня быстро растворялись в ночи. Тарас, следовавший вместе с Клеандром и периеками-охранниками от побережья в глубь острова, уже начал переживать, что скоро наступит крошечная тьма. Тогда они со своим ценным грузом, что бы там ни было, будут вынуждены заночевать прямо среди скал.

Они проделали весь путь от бухты до предгорий меньше чем за полдня, даже не пользуясь телегами, чтобы не привлекать лишнего внимания. Вернее, так решил Клеандр, и теперь Тарас вынужден был с сожалением смотреть, как понапрасну напрягаются его люди, из последних сил волоча на копыях тяжеленные ящики, завернутые все в те же накидки. Их было всего двенадцать, и потому они не могли сменить друг друга.

Однако, как ни старались спартанцы передвигаться скрытно, они все же были не в пустыне. Все равно им повстречалось несколько сельских жителей, на которых пифий посмотрел так злобно, что Гисандр ожидал немедленного приказа убить их. Но этого не произошло. Видимо, шум был не нужен. Да и на чьей они территории, Тарас еще не успел толком узнать. Понял лишь, что здесь, на острове, у спартанского царя есть какие-то тайные друзья.

Впрочем, пифий Леонида рассчитал все верно. Видно, бывал здесь не раз по делам тайной службы. Ночь накрыла Итаку не раньше, чем они успели занести ящики высоко вверх, туда, где тропа совершенно исчезла, но спартанцы продолжали идти вперед лишь одному пифию известным путем. Заветной пещеры, однако, они так и не достигли.

— Она уже рядом, — сообщил не слишком огорчившийся Клеандр, всматриваясь в потемневшие горы, — здесь уже никто не ходит, поэтому можем заночевать вон в той ложбине у большого камня. А утром продолжим наш путь.

В этот момент Гисандру показалось, что земля под его ногами всколыхнулась. Не прошло и мгновения, как новый толчок заставил одного из носильщиков рухнуть под тяжестью ящика на колени, да так быстро, что груз едва не придавил его. Второй периек пытался удержать ношу, но не вышло. И массивный ящик с грохотом опрокинулся на камни. Не разбился, зато Тарас отчетливо услышал металлический звон изнутри.

«Значит, все же не оракулы, — ухмыльнулся он, стараясь удержаться на ногах, поскольку последовал новый толчок, и прислушиваясь к звуку нескольких соскользнувших по склону камней, — только землетрясения нам не хватало. А то пифий еще заставит немедленно возвращаться на корабль».

Но Клеандр, к большому удивлению Тараса, оказался не столь суеверным, как все спартанцы. Он лишь пнул с досады ногой в бок валявшегося на земле периека и процедил сквозь зубы:

— Вставай и крепче держи свою ношу! От ее сохранности зависит твоя жизнь. Отнесите ящики в ложбину и можете устроиться на ночлег. Сегодня мы дальше не пойдем.

А обернувшись к Гисандру, добавил:

— Пусть охраняют ящики по очереди.

Тарас молча кивнул и решил не уточнять, что думает пифий царя насчет столь опасных знамений. Если он сам не впадал в панику по этому поводу, то уж Тараса это совсем не страшило. Горы были, по его меркам, не такие уж высокие. С другой стороны, бежать тоже было особенно некуда с этого острова. «Надеюсь, здесь нет действующих вулканов, — успокаивал себя Тарас, укладываясь на ночлег прямо на каменистой земле, — а то спать будет довольно жарко, если один из них пробудится раньше нас».

Подбодрив себя такой шуткой, он завернулся в плащ и мгновенно заснул, положив меч под руку. О еде ни он сам, ни его изможденные периеки и не помышляли. В эту увеселительную прогулку они взяли с собой лишь небольшой запас вяленого мяса, который предстояло «вскрыть» лишь поутру, чтобы хватило сил на обратную дорогу. Они были счастливы уже оттого, что Клеандр разрешил им опустить груз на землю и отдыхать. А потому, едва сделав это, повалились на камни замертво. И сам Тарас, и все свободные от «караульной службы» люди мгновенно заснули, ничуть не смущаясь тому, что спать

приходилось прямо на камнях. Гисандру спать на камнях было даже спокойнее, чем на палубе корабля, которая вечно раскачивалась. К счастью, подземные боги перестали бить в барабан, толчки прекратились, и ничто больше не беспокоило уставших спартанцев до самого утра.

Теплая ночь окончилась быстро. Едва первый лучик солнца коснулся его лица, Тарас открыл глаза и, словно распрямившаяся пружина, поднялся на ноги. Окинув окрестности цепким взглядом, он немного размялся, пересчитал ящики, размещенные между камнями, затем своих людей. Все было на месте. Трое гастрюжетчиков дремали в десятке метров, поглядывая на далекую тропу и залив, еще видимый отсюда, сами оставаясь «невидимыми». Там, медленно разрезая волны, плыл в сторону моря какой-то корабль.

Услышав шорох за своей спиной, Тарас резко обернулся, обхватив рукоять меча.

— Неплохо, — похвалил его реакцию Клеандр, подкравшийся сзади буквально вплотную, — буди своих людей. Пусть поедят. А потом нам пора идти дальше. Пока солнце не поднялось слишком высоко.

Тарас кивнул, отметив про себя, что царский пифий мог бы легко всадить ему нож в спину при желании и он не успел бы отвести удар. Подготовка у этого «политического деятеля» была вполне на уровне спартанского гоплита. И возраст был тому не помехой.

Наскоро перекусив вяленным мясом и пресными лепешками, периеки вновь взвалили на плечи копыя, на которых ремнями были закреплены ящики, и медленно тронулись за царским пифием. Клеандр пробирался все выше и выше, до тех пор пока, обогнув несколько отрогов, они не оказались почти у самой вершины горы, откуда открывался великолепный вид на живописные окрестности острова. Но Клеандра этот вид интересовал меньше всего. Оказавшись на небольшом плато под самой вершиной, он остановился, несколько секунд всматриваясь в почти отвесную стену, состоявшую из сплошных скальных складок, и затем направился дальше. Присмотревшись, Тарас так и не понял, куда он идет. Но пифий вскоре подошел к самой стене и вдруг пропал.

От неожиданности Гисандр даже остановился, — со своего места он не видел в стене никаких отверстий. Но спустя мгновение Клеандр вновь появился и даже махнул ему рукой, указывая, куда идти.

— Хорошо замаскировали пещеру, — пробормотал Тарас себе под нос, поправляя портупею, на которой болтались ножны меча, — даже с близкого расстояния не разглядеть.

Вход в пещеру он заметил, лишь приблизившись к расщелине, которая выходила из чрева горы под углом и так хорошо сливалась с ней, что была практически неотличима от скалы. Заметить ее можно было лишь с нескольких метров. Никаких троп сюда не вело. «Интересно, откуда наш пифий прознал об этой пещере? — невольно усмехнулся Тарас и сам себе ответил: — Наверно, местные друзья подсказали».

— Гисандр, пусть они занесут ящики внутрь и приготовят факелы, — приказал пифий, как ни в чем не бывало, когда Тарас оказался рядом.

— Факелы? — удивился Тарас. — Но зачем?

— Нам еще нужно спустить эти ящики в глубь подземного хода, — нехотя проговорил пифий, — а в чреве горы темно, Гисандр. Нам нужно двигаться там осторожно, чтобы не побеспокоить подземных богов.

«Ого, — не переставал удивляться Тарас, шагнув внутрь и привыкая к темноте, — да тут целая система коммуникаций, в этом подземном хранилище. Что-то мне не очень хочется лезть в эту дыру, особенно после того, как подземные боги хорошенько потрясли вчера гору. Не ровен час, еще завалят нас там вместе с ящиками». Но вслух, ясное дело, ничего такого не сказал, а лишь кивнул в знак послушания.

Вскоре периеки разыскали несколько подходящих сухих стволов на склонах холма, для чего пришлось даже немного спуститься назад, и, обмотав их тряпьем, которое предусмотрительный пифий приказал накануне взять им с собой, подожгли. Они изготовили четыре факела, два из которых взяли в руки Гисандр с Клеандром, первыми шагнувшие в пещеру. А еще два несли в свободной руке периеки, замыкавшие колонну. Оружие они

передали своим товарищам, сумевшим восстановить силы за ночь. Глядя, как его люди взвалили на плечи тяжеленные ящики, Тарас даже немного загордился. Все-таки эти бойцы прошли его личную школу на выживание.

Пещера оказалась не очень большой и походила просто на скальный разлом, ведущий в глубь горы. Периеки едва могли протащить сквозь него свои ящики. На стенах блестели капли воды, искрившиеся в свете факелов, словно сотни алмазов. «Откуда здесь вода, — удивился Тарас, продвигаясь вслед за уверенно ступавшим пифием и в мерцающем свете разглядывая каменные откосы, — мы же под самой вершиной?»

Ему, понятное дело, никто не ответил. Вскоре тропа пошла вниз, а проход понемногу стал расширяться. Несколько раз в стороны уходили ее ответвления. И каждый раз пифий твердо выбирал нужный путь. Тарас ступал за ним осторожно, подсвечивая себе дорогу факелом. Он боялся наступить на одну из ядовитых змей, которых на острове водилось во множестве. Пока шли сюда, он заметил несколько штук на склоне.

Спартанцы молча пробирались все дальше и дальше, разгоняя мрак светом своих факелов, а Тарас почему-то подумал о том, что в эту минуту солнце, наверное, уже поднялось высоко и снаружи жарит так, что плавятся камни. Здесь же, наоборот, становилось все холоднее, а воды на стенах все прибавлялось. Факелы уже прогорели почти до половины, и Тарас начал немного беспокоиться о том, как же они вернутся назад. Но тут неожиданно стены разошлись в стороны и пропали, а он с удивлением заметил, что Клеандр стоит на берегу подземного озера. Оказавшись рядом, Тарас поводит шипящим факелом из стороны в сторону и понял, что озеро не очень большое, но глубокое. Его прозрачная вода даже позволяла увидеть дно у самого берега, правда чуть дальше оно уходило из вида. Низкий каменный свод давил своим весом, постепенно растворяясь во мраке.

— Мы пришли? — поинтересовался Тарас, взглянув на догорающий факел.

— Почти, — ответил пифий и кивнул в сторону: — Видишь это?

Тарас посмотрел в указанном направлении и с удивлением узрел небольшой плот, сколоченный из кривых стволов. На нем даже лежали два весла, вырезанные гораздо более умелой рукой.

— Ящики нужно погрузить и перевезти на островок, что находится вон там, — сообщил пифий, — до него чуть больше четверти стадии. И он там один, ты не ошибешься.

На этот раз Тарас ничего не увидел, тьма сгущалась над водой в том месте, куда указывал Клеандр.

— Поторопись, Гисандр, — приказал пифий, — времени у нас немного. Факелы скоро погаснут. И хотя я найду дорогу обратно даже в темноте, мы должны успеть перевезти ящики.

Тарас сделал знак периеками перетащить свою ношу на плот, но, приблизившись, понял, что больше одного ящика туда не влезет.

— Придется сплавить три раза, — прикинул он, — надо торопиться.

Пока периеки осторожно грузили первый ящик на плот и спускали его на воду, Тарас заметил в отсветах факела чуть в стороне два истлевших скелета, чьи кости были прибиты к скале цепями. Рядом валялись кинжалы. «А это, наверное, хранители тайны, — невесело усмехнулся Гисандр, залезая на плот, — унесшие ее с собой в могилу. Впрочем, у них и могилы-то нет».

— Возьмите второй факел и гребите туда, — указал направление пифий, вскинув руку, — а когда выгрузите ящик, быстрее возвращайтесь. Я буду светить вам с берега.

— Я должен их как-то укрыть? — уточнил зачем-то Гисандр, которому вся эта тайная операция уже начинала давить на психику.

— Нет, просто оставь ящики на острове, — ответил Клеандр и добавил, слегка улыбнувшись: — Здесь их и так охраняют подземные боги. Они будут под надежной защитой.

Тарас кивнул, поправил ремешок, чтобы шлем не упал в воду, и, подняв факел повыше, сделал знак периекам, расположившимся вокруг ящика, грести. Это делали двое, а третий

также держал факел и освещал путь. На плоту едва хватило место для такой компании.

Весла с плеском погрузились, и плот поплыл во мрак. Освещая путь перед собой, Тарас изредка поглядывал на воду и видел в ней серебристых рыбок, что сновали в глубине. «Наверняка отсюда вытекает подземная река, — подумал он вдруг, — не угодить бы в ее течение, а то еще унесет к подземным богам навстречу».

Но, к счастью, его опасения не оправдались. Островок показался довольно быстро. В свете факелов вдруг появилась острая каменная глыба, торчавшая из воды. Обогнув ее, Гисандр увидел широкий и плоский выступ, на краю которого имелось высеченное углубление, сделанное специально для того, чтобы можно было завести сюда плот и стащить тяжелый груз, не боясь утопить его. Там, к его удивлению, уже стояли несколько ящиков. «Этого следовало ожидать», — подумал Тарас.

— Заводите плот на камень и стаскивайте ящик, — приказал спартанец, — а посмотрев на шипящий факел, добавил: — Да поторапливайтесь, времени у нас мало.

Когда периеки выполнили приказ и вновь оказались на плоту, Тарас вдруг заметил еще одного мертвеца, прибитого цепями к скале позади ящиков. «Здесь охрана просто на каждом шагу», — подбодрил себя Тарас, которому не очень нравилась традиция прибывать людей к скалам.

Клеандр стоял на берегу и призывно махал им факелом, когда они появились из темноты.

— Погрузили? — спросил он так, словно речь шла о сущем пустяке.

Тарас кивнул.

— Тогда берите быстрее второй и возвращайтесь. Мой факел уже почти погас.

Сказав это, он бросил свой обгоревший факел в воду, и тот зашипел, словно змея. Сделав несколько шагов назад, пифий взял другой, еще горевший факел у периека и посветил на плот. И вдруг вода всколыхнулась, а скалы задрожали, словно где-то в глубине взорвалась бомба. Из-под свода отвалились несколько глыб и с громким всплеском упали в озеро.

— Ого, — вырвалось у Тараса, — кажется, подземные боги забеспокоились после нашего появления.

— Ничего, боги на нас не в обиде, плывите быстрее! — приказал Клеандр.

Тарас нехотя подчинился, поскольку подземный гул не стих совсем, а, напротив, нарастал. Когда он перевозил ящик, боги вновь ударили в свой барабан и стены подземного озера содрогнулись. Сверху посыпались камни. Одна из глыб рухнула в воду буквально в метре от плота.

— Черт побери, — перешел на русский Тарас, — чуть левее, и от нас бы ничего не осталось. Надо быстрее отделаться от этих ящиков и наверх.

К его удивлению мечта сбылась, едва он оказался на берегу озера.

— Последний ящик я отвезу сам с твоими людьми, — вдруг заявил Клеандр, прислушиваясь к затихавшему гулу, — а ты можешь взять факел и идти наверх.

— Но... — хотел возразить Тарас и осекся. Спорить с пифием было бесполезно.

— На каждой развилке иди все время направо, — добавил пифий, — и вскоре окажешься наверху. Жди меня там.

Оставив всех периеков на попечение пифия, Тарас взял один факел и побрел наверх по все сужавшемуся проходу. Прикованные к скалам мертвецы никак не выходили из памяти. «И что еще он там задумал? — не мог взять в толк Тарас, цепляясь за каменные стены и устало шагая вверх, под мерный рокот „подземного барабана“, — не люблю я подземелья. Их же всех там может просто завалить».

За то время, пока он поднимался, был всего один новый толчок, когда доспехи спартанца обсыпало мелкой крошкой. Но к счастью, после него все стихло. А когда Тарас вышел на свет, подземные боги и вовсе утихомирились. Солнце давно прошло зенит. Приближался вечер. Подземная операция явно затянулась.

Пифий появился спустя полчаса, после того как Тарас вышел наружу и присел в тени у

стены. Сначала ему показалось, что Клеандр был один. И Тарас едва не вскочил, крикнув: «Где мои люди?» Но тут же увидел Мегаклида и Никомеда, которые показались следом из проема, однако далеко не ушли, остановившись.

— Все хорошо, — удовлетворенно сообщил пифий, приближаясь к нему, — твои периеки успели отвезти последний ящик. Мы оставим их здесь до завтра охранять, а сами вернемся на корабль. Утром я пришлю новую охрану.

— Что с ними будет дальше? — немного напрягся Тарас, вспоминая народную мудрость о свидетелях, которые долго не живут. А тут речь шла о таких темных делах, что периеками могли легко пожертвовать, — ведь речь шла о царях и эфорах. И если бы эти периеки были просто рабами, Тарас, возможно, смирился бы с такой участью для них, — против царя не пойдешь, — но именно эти периеки прошли с ним уже не одно сражение и были «дороги» ему почти как боевые товарищи.

О том, что для спартиатов это всего лишь расходный материал, не стоящий даже сожаления, он в последнее время частенько забывал, за что ловил на себе много косых взглядов. Настоящий гражданин Спарты, а тем более такой известный, как он, не должен был так себя вести. Был бы Тарас политиком, его, того и гляди, могли подвергнуть ostrakismu³ и сослать куда-нибудь подальше. К счастью, пока что он не был ни эфором, ни другим, сколько-нибудь заметным лицом по своему положению, несмотря на славу героя и победителя Гимнопедий. За свою службу Гисандр был лишь награжден должностью проксена,⁴ что было необременительно, поскольку в Спарте иностранцы появлялись не часто.

— Не бойся, я не убью их, — неожиданно расщедрился на слова Клеандр, поняв, что беспокоит его спутника, — я вижу, как они тебе дороги. Эти двенадцать человек выжили после сражения. Я знаю, что ты обучил их искусству странного боя, который у нас многие не понимают. Но он полезен. И царь верит в это. Леонид ценит твоих людей и надеется, что в скором времени ты сможешь обучить своему искусству еще многих.

Совершенно сбив с толку туманными намеками Гисандра, пифий замолчал и направился вниз по тропе. Когда они спустились с горы, уже стемнело, но Клеандр продолжал идти и в кромешной темноте. Сразу было видно, что идет настоящий спартанец, которому не в новинку прогулки без факела. Несмотря на свою роль и заботу о грузе, о котором знал лишь он один, пифий не боялся передвигаться по острову лишь в сопровождении командира эмотии. То ли ощущал себя здесь в полной безопасности, то ли действительно был от рождения бесстрашным, как все спартанцы. Так или иначе, но он еще ничего не объяснил Гисандру о том, чем они будут заниматься на этом острове, кроме захоронения ценного груза в отдаленной пещере.

Тарас, очнувшись от задумчивости, последовал за ним.

— А кто сменит моих периеков утром? — не удержался он от вопроса, неслышно ступая за таким же «бесшумным» пифием. — Ведь с нами нет вооруженных спартанцев. Только моряки да гребцы, не на них же рассчитывает мудрый Клеандр?

³ Историческая шутка автора. Такого обычая в Спарте не было. Остракизм — суд черепков (остракон по-гречески «черепок, скорлупа») — существовал в Древних Афинах, вечном сопернике Лакедемона. Это изгнание из государства гражданина, ставшего слишком влиятельным и могущего претендовать на абсолютную тираническую власть, происходило посредством голосования черепками.

Если Народное Собрание принимало решение провести эту процедуру, то в назначенный день каждый пришедший гражданин писал на принесенном с собой черепке (остраконе) имя человека, которого следует изгнать. Затем оставлял его в специальном огороженном помещении. Когда голосование заканчивалось, производился подсчет черепков. И тот, против кого было подано наибольшее количество голосов, должен был в десятидневный срок уйти в изгнание. Подобные обычаи существовали также в Аргосе и некоторых других городах Пелопоннеса, а также Великой Греции. В том числе в Сиракузах.

⁴ Проксен — гражданин Спарты, который по поручению властей должен был оказывать гостеприимство всем прибывающим в страну гражданам иностранного государства и защищать их интересы.

— Ты догадлив, не зря тебя ценит наш царь, — раздался голос из темноты, — утром сюда придут преданные нам люди из местных.

— У нас есть здесь союзники? — опять не сдержал любопытства Гисандр. — Я ничего не знал об этом.

— Ты и так уже слишком много знаешь о тайных делах нашего царя, — проговорил Клеандр, немного помолчав и не переставая шагать вниз, — но Леонид тебе доверяет. Поэтому я расскажу тебе то, что ты должен узнать сейчас.

Пифий опять умолк, перепрыгивая какой-то камень, и заговорил вновь лишь после того, как тропа вышла на побережье залива. Идти до портовых сооружений, примыкавших к заливу с обеих сторон, предстояло еще довольно долго. Пока тропа петляла меж камней, Гисандр любовался яркими огнями, что горели с той стороны бухты. Невольно расслабившись, он живо представил, как местные жители жарят там туши баранов и свиней на вертелах, чтобы предаться вскоре отдыху после трудного дня. Рядом стоит в кувшинах вино. От таких мыслей его желудок свело. — Тарас давно не ел. Но, отогнав их, он успокоился. Спартанцу привычнее быть голодным. В этом его преимущество — ничто не отвлекает, не затуманивает ум, и он всегда готов вступить в бой.

— Так вот что я хотел тебе сказать Гисандр, — вновь заговорил пифий.

Глава четвертая

Странные гонцы

Дальнейшее плавание до Спарты заняло всего несколько дней и больше не принесло Гисандру никаких неожиданностей. Теперь они уже плыли напрямик домой и ничего такого, о чем эфорам не следовало знать, не делали. Покинув на рассвете Итаку, после полудня они миновали большой остров Закинф у берегов Элиды и, обогнув ее, к вечеру прибыли в Кипариссию. Здесь уж можно было сходить на берег, так как начинались спартанские владения, но Клеандр предпочел лишь переночевать, а затем отправиться дальше, чтобы морем прибыть в Тирос.

— Но ведь это еще дня два пути, а то и три, — удивился Гисандр, когда узнал о решении царского пифия, — эфоры, наверное, и так заждались меня.

— Ты надеешься пешком успеть быстрее? — ухмыльнулся Клеандр, почесав бороду, и опять напустил тумана, — ты, конечно, сильный воин, но сейчас тебе не стоит спешить. У эфоров и без тебя забот хватает. Поэтому чем позже ты прибудешь, тем лучше... для тебя.

Тарас не совсем понял, о чем говорил его спутник, но был вынужден подчиниться. «В конце концов он прав, — подумал Тарас, глядя, как их корабль вновь выходит в море, чтобы отправиться вдоль побережья Мессении к далекому Тиросу, — встреча с эфорами вряд ли будет для меня приятной, если не последней. Поэтому пусть уж она состоится как можно позже».

В этот день на море разыгралось нешуточное волнение, и корабль был вынужден раньше времени зайти в гавань, чтобы лишний раз не испытывать терпение Посейдона. Конечно, ценного груза с ними уже не было, но и своей жизнью Гисандр еще немного дорожил. Тем более когда берега родной Спарты постоянно маячили по левому борту. Пифий поддержал его желание встать на ночевку. Он вообще, как показалось Тарасу, не слишком торопился выполнить наказ царя как можно быстрее прибыть в Лакедемон на встречу с эфорами. И Гисандра это немного озадачивало — ведь производство орудий было делом первостепенным, каждый день у дельфийских перевалов гибли спартиаты, отдавая свои жизни. И Клеандр этого не мог не знать.

Хотя Тарас и побаивался встречи с эфорами, но, отправляясь в путь, полагал, что нельзя было терять ни дня. Однако их плавание все больше походило на длительную экспедицию с большим количеством остановок, главной целью которой было как можно больше успеть по дороге, нежели скорее прибыть в Спарту. «Такое ощущение, что пифий чего-то не договаривает, — размышлял Гисандр, поглядывая с борта корабля на своего

спутника, прогуливавшегося мимо лавок периеков в порту, — может быть, Леониду не слишком нужны мои баллисты?»

Но что-то говорило ему, что дело не только в баллистах, которые царю Леониду были действительно нужны как воздух. Просто Тарас кожей чувствовал, что вокруг заваривается какая-то очень опасная «каша», в которой его пока что использовали вслепую. Даже несмотря на крохи информации, которую сообщил ему пифий еще на Итаке, Тарас не ощущал полного доверия. Впрочем, ему это было не впервой. В конце концов, он не царь, а простой солдат, хотя папу геронта не стоило сбрасывать со счетов. Оставалось успокаивать себя только народной мудростью из прошлой жизни — семи смертям не бывать, а одной не миновать. Судя по количеству происходивших по дороге событий, все должно было проясниться уже довольно скоро.

На сей раз их приютила Метона. Оттуда царский пифий отправил двух гонцов, понятное дело, Тарасу ничего не объяснив. Одного посуху, а другого морем в неизвестном направлении. Это событие тоже осталось бы тайной, но наблюдательный Тарас заметил с борта корабля, как на следующее утро пифий разговаривал у лавки горшечника с каким-то человеком в лохмотьях, после чего передал ему небольшой предмет и, командир эномотии мог поклясться всеми богами, мешочек с монетами. «Зачем ему так рисковать, — удивился Гисандр, — мы уже в Лаконике, а здесь за хранение денег по головке не погладят. Возьмут и отрежут ее, чтобы другим неповадно было».

Но последующие события дали ему некоторые объяснения. Вскоре к этому разговору присоединился еще один «простолюдин». Разговор с гонцами состоялся на местном базаре у пирса, где «шумели» периеки, а Клеандр старался не привлекать к себе внимания, смешавшись с толпой. Разговор походил на обычную встречу простолюдинов, поскольку и царский пифий не отличался пышностью наряда. Клеандр был одет в скромный гиматий, как приличествовало ходить в Спарте даже эфорам.

Зоркому Гисандру показалось, что переданный «гонцу», как он сразу окрестил неизвестного человека, предмет вполне мог быть табличкой, то есть письмом. А это значит, что пифию срочно потребовалось связаться с кем-то или известить его заблаговременно о своем прибытии. А поскольку стоянка в бухте была незапланированной, то следовало полагать, что свои люди были у пифия в каждом городе. Похожую табличку он передал второму. После чего тот зашагал прочь из порта, то и дело оглядываясь по сторонам. А другой «простолюдин» поднялся на борт корабля, отчалившего из Метоны вслед за судном Гисандра, но уплывшего в обратном направлении. Этот корабль показался Гисандру вообще не спартанским. Он уже успел насмотреться на редких представителей торгового флота периеков и мог бы с уверенностью сказать, что это явно не один из них, хотя тоже «торговец».

Клеандр же, закончив свои манипуляции, взошел на корабль, не сказав ни слова, будто действительно занимался на берегу лишь тем, что рассматривал горшки. Тарас его не расспрашивал, понимая, что это бессмысленно. Все, что ему «нужно знать», царский пифий и так расскажет. А больше — только под пытками, да и то вряд ли.

Ветер надул парус, и судно понеслось по волнам в сопровождении веселых дельфинов. Вскоре достигнув небольшого архипелага из десятка мелких островов, они миновали мыс Акритас — самую южную точку некогда свободной Мессении, а теперь, уже не одну сотню лет после захвата, считавшуюся «исконной» спартанской территорией. Следующий по курсу мыс, что лежал за обширным заливом, назывался Тенар и был хорошо знаком Тарасу. Именно там случилось памятное избиение илотов в храме Посейдона, которое сошло с рук Деметрию и окончательно сделало его врагом Гисандра.

Плавание в спартанских водах походило на прогулку по «мертвому» морю — кораблей здесь почти не попадалось. Лишь изредка лазурный горизонт расцветивался парусом одного или нескольких судов, принадлежавших к флотилиям других стран. Корабли Коринфа, Арголиты, Афин и недалекого Крита бороздили окрестные воды по своим торговым делам, обходя неприветливую Лаконику стороной. Суда же периекских купцов были крайне

немногочисленны. За все плавание им попало пока лишь два корабля.

— И почему наш предок, великий Ликург, так не любил флот, что запретил нам его иметь? — не выдержал наплыва своих мыслей Гисандр и спросил, обернувшись к стоявшему рядом Клеандру: — Ведь имей Спарта флот, мы могли бы сокрушить любого врага.

— Мы бьемся так, как он нам завещал, — ответил царский пифий, и Тарас, к своему большому удивлению, не расслышал в его голосе большого осуждения. — Лакедемон силен своей сухопутной армией, и не нам менять заветы Ликурга.

Но, наклонившись чуть ближе к Тарасу, добавил почти шепотом, словно боялся, что его услышат матросы или обретавшийся неподалеку Темпей:

— Хотя я могу тебе сказать, что не вижу ничего вредного в том, чтобы у Лакедемона было некоторое количество кораблей. Мы не стали бы от этого слабее.

— Конечно! — воскликнул Гисандр, вдохновленный тем, что нашел понимание. — Наоборот, мы стали бы гораздо сильнее и могли бы со временем подорвать морскую мощь Афин. Если же построить достаточно большие корабли, то мы могли бы перебрасывать наши отборные войска на кораблях в любую точку Греции. Ведь даже персы делают это. И даже на Итаке я видел военный флот.

Гисандр развернулся вполоборота к пифию и взмахнул рукой, указывая так, словно они до сих пор находились на острове.

— Там, в заливе, где мы выгрузили... ящики, — проговорил он, — почти рядом с нашей стоянкой я видел штук пятнадцать новехоньких триер, похожих на афинские. Они были достаточно вместительные для таких походов. Но на них не было солдат. Чьи они? С кем Итака собирается воевать?

Клеандр, казалось, был в замешательстве. Некоторое время он размышлял над тем, что говорить, словно вопрос Гисандра застал его врасплох. Но быстро взял себя в руки и ответил:

— Это флот наших союзников.

— Значит, потомки Одиссея опять⁵ готовы биться за Спарту? — уточнил Гисандр и, не дождавшись утвердительного кивка, сам ответил: — Отлично. Но только нам бы не помешали собственные корабли. У нас ведь столько портов и большое побережье. Мы бы могли быть владыками не только суши, но и моря, а оно пока принадлежит проклятым афинянам.

— Если тебе не дорога твоя жизнь, ты можешь попросить о них у эфоров, когда будешь говорить с ними о своем оружии, что мечет молнии подобно Зевсу, — усмехнулся пифий, — разве ты забыл, что уже одного этого тебе будет достаточно, чтобы раньше времени отправиться в царство Аида.

— Но ведь мы победили, — не унимался Тарас, — ведь я доказал, что с помощью этого оружия могу уничтожить тысячи персов, даже не используя меч и копье.

— Ты забыл, где живешь, — охладил его пыл царский пифий, — для эфоров главное, что ты нарушил традиции предков, создав это оружие. Вмешался в дело богов. Так что проси их лишь о том, чтобы они даровали тебе свою милость. Это главное. К сожалению, пока не все еще в Спарте зависит от царя, который тебе благоволит. А про корабли забудь.

И все же Тарас не услышал в словах пифия полного запрета думать об этом. Вслух тот, конечно, запрещал ему говорить о флоте, но спартанец чувствовал, что эта тема интересна и самому Клеандру. А раз так, то и самому царю. Видно, время еще не пришло.

«Ладно, подождем, — нехотя смирился он, скрипнув зубами и вновь обращая свой взгляд к морю, — в одном Клеандр прав, с эфорами новый флот обсуждать не стоит. Они — хранители древних законов. Сейчас главное, получить их „высочайшее разрешение“ на строительство баллист. Уже одно это будет прорывом для спартанской армии, хотя многим

⁵ Троянская война началась из-за «похищения» Елены Прекрасной, жены царя Менелая, бежавшей в Трою. Менелай был спартанским царем. Участвуя в Осаде Трои, Одиссей помогал протспартанской коалиции.

бойцам „старой гвардии“ явно не понравится. Ну да ничего, лишь бы не запретили, а там прогресс свое возьмет даже среди этих твердолобых вояк, как только они увидят, что творит моя артиллерия».

— Темпей! — Гисандр отошел от ограждения и приблизился к мачте, у которой коротал свое время первый алхимик Греции под тентом, чуть в стороне от скамеек гребцов. — У тебя случайно не осталось в Спарте каких-нибудь запасов «Грома богов»?

Так они между собой называли состав гремучей смеси, которой начинали взрывчатые горшки. Но оружейник сразу отрицательно замотал головой.

— Мы все потратили у Фермопил, хозяин, и потом на отражение персов у Дельфийских проходов, — пробормотал он заикающимся голосом, словно боялся, что немедленно будет наказан, — но как только мы достигнем Пелланы, я обязательно постараюсь сделать как можно больше порошка.

— Да уж постарайся, врачеватель, изготовить побольше своего зелья, — кивнул Тарас, приваливаясь к мачте, над которой трепетал под порывами ветра парус. — Я буду «лечить» им персов. А их еще очень много на нашей земле.

— Я не буду спать ночами, — пообещал Темпей.

— Это верно, — согласился Тарас, поглядывая на временно скучающих гребцов, — Когда мы прибудем на место, нам всем будет не до сна.

Его взгляд, скользнув по синему небу, остановился на чайках, небольшая стая которых сопровождала корабль от самой Метоны. Они уже прошли половину залива и вскоре должны были достигнуть мыса Тенар. Вечерело. «Как бы не пришлось там ночевать, — озадачился Тарас, которого будоражили не очень приятные воспоминания об этом месте, всколыхнувшие еще более ранние о тех зверствах, участником которых он стал, попав в агелу Деметрия, — а впрочем, какая теперь разница».

Заметив своих гастролетчиков, Никомеда с Бриантом, что расположились на корме, он вдруг снова вспомнил об Итаке. На обратном пути из подземного «хранилища» Клеандр привел его на одну из скал на другой стороне хребта и показал на три деревни, что раскинулись внизу. Там горело много костров и деревни были хорошо различимы, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Здесь жило много народа, на первый взгляд, — одни мужчины. И все — как показалось наблюдательному Тарасу, — судя по всему, были воинами.

— Это люди Иксиона, — предвосхитил вопрос царский пифий, — местного вождя, что обязан нам своей дружбой.

— Спарте? — уточнил Тарас.

— Нет, Гисандр, — прищурился пифий, — лично царю Леониду. С Леотихидом и эфорами он не имеет связи.

Гисандр промолчал.

— Странные деревни, — поделился он своими соображениями, подметив кое-что в поведении местных жителей буквально сразу, — очень похожи на военный лагерь.

— А это и есть лагерь, — не стал скрывать пифий, — все его обитатели — военные люди. Они заменят твоих периеков завтра.

— Так они знают о пещере, — спросил заинтригованный Гисандр, — хорошие бойцы?

— Со спартанцами, конечно, не сравнятся, — сморщился пифий, — но бесстрашны и оружие держать умеют. Правда, большинство из них пираты и всякий сброд с окрестных островов, что собрал к себе Иксион, когда захотел укрепить свою власть на этом острове.

— И вы доверите им охрану нашего груза? — не поверил своим ушам Тарас.

— Иксион не знает о ящиках, — ответил пифий, но, увидев, что это ничуть не успокоило Тараса, добавил: — Он слишком многим обязан Леониду и не станет с ним ссориться.

— А Иксион⁶ один правит на Итаке? — не удержался от наводящего вопроса Тарас,

⁶ Иксион — выдуманный персонаж.

пристальнее вглядываясь в то, что творилось у костров.

— На этом острове еще есть правители, — нехотя проговорил пифий, тоже вглядываясь в сгущавшиеся сумерки, — о них ты узнаешь позже. Но Иксион — самый дерзкий из них и сослужит нам хорошую службу. Если захотят боги, то ты познакомишься с ним, когда придет время.

— Значит, мы вернемся сюда? — удивился Тарас, переводя взгляд на лицо пифия, почти скрытое во мраке.

— Если захотят боги, — был ответ.

«Что-то мне кажется, что боги не заставят себя долго ждать, — подумал Тарас, вновь зашагав по невидимой тропе меж камней в сторону бухты, — а этот остров еще сыграет в судьбе царя Леонида, да и, похоже, моей, какую-то роль. Эх, Одиссей, Одиссей».

Отогнав нахлынувшие воспоминания, Тарас вернулся в настоящее, вновь устремив свой взгляд к спартанским берегам. Плыли они довольно быстро и, несмотря на опасения Тараса, вскоре благополучно миновали мыс Тенар. А проплыв дальше, даже успели еще до темноты достигнуть какого-то города, который командир эномотии не успел посетить за время жизни в Лаконике. Так далеко по этому берегу на юг он не забирался.

— Где мы? — просто спросил Тарас, когда корабль пришвартовался у невысокого и полуразвалившегося от старости пирса. Сразу было видно, что постоянное мореплавание в этом городе — давно забытое дело.

— Это Асопос, — ответил Пифий, — мы уже недалеко от конечной цели. Осталось обогнуть последний мыс, и завтра будем на месте.

Пифий обернулся и указал рукой в сторону занимавшего полнеба холма, над которым уже начали появляться первые звезды.

— Вот там стремится свои воды в море великий Эврот.

— Эврот? — удивился Тарас. — Но тогда зачем нам огибать мыс и так отклоняться? Могли бы войти в русло и подняться до Спарты, корабль у нас небольшой.

— Нам не нужно в Спарту, Гисандр, — озадачил его пифий, сходя на берег, где для него и Тараса уже приготовили ночлег в одном из домов, — нам нужно сначала в Тирос.

— Ну Тирос, так Тирос, — согласился Гисандр, чуть задержавшись на корабле, чтобы поговорить с периеками, — придется заночевать здесь.

Но его отвлек Темпей, который сам приблизился, едва услышал название города.

— Господин, — проговорил он звонким шепотом, — позвольте мне остаться на корабле и не сходить с вами на берег.

— А что тебя так пугает? — удивился Тарас, положив руки на кожаный ремень. За спиной замерли Этокл и Бриант с его оружием, которое всегда носили за хозяином. — Мы дома, в Спарте. Персов поблизости нет. Можешь спать спокойно — я выделю тебе чулан у входа в дом, который вы поделите с моими оруженосцами.

— Благодарю, вы слишком щедры ко мне, — стал отнекиваться оружейник, — Асопос находится на внутренней стороне мыса, а на другой стоит мой родной город Эпидавр-Лимера. По прямой, через перевал, здесь не так уж и далеко.

— И что? — не понял Тарас, которого слегка утомило это нудное морское путешествие. Он хотел спать, а Темпей не давал ему этого сделать.

— Периеки из нашего города имели много дел с местными жителями и часто бывали здесь. Вдруг кто-нибудь из них узнает меня? А ведь для них я давно мертв. Могут возникнуть ненужные вопросы.

— И то верно, — удивился неожиданному повороту мыслей своего верного алхимика Тарас, вспомнив операцию по тайному вывозу Темпея из этих мест. Тогда он действительно приказал пустить слух, что врачеватель сгорел в огне во время одного из своих опытов, которые так будоражили местных жителей.

— Я до сих пор боюсь своих давних недругов, — объяснил Темпей, — многие из них были бы не прочь казнить меня за любовь к изучению огня.

— Ладно, — кивнул Тарас, скользнув взглядом по хмурым лицам оруженосцев, — ты мне еще пригодишься, да и царь рассчитывает на твои огненные горшки. Так что мы не можем допустить, чтобы из-за какой-то глупой случайности нам смогли помешать. Я, конечно, убил бы любого, кто осмелится на это. Но лишний шум нам не нужен. Клеандр не одобрит. Так что спи на палубе, раз уж так хочется. А ты, Этокл, на всякий случай останешься с ним.

Темпей просиял так, словно ему отменили смертный приговор. «Да, — подумал Тарас, шагая по одной из пустынных в этот час портовых улочек, — тяжело быть гением. Все хотят твоей смерти. Даже на улицу не выйти».

Глава пятая Царский темен

На следующий день, ближе к полудню, когда корабль проходил мимо Эпидавр-Лимеры, а все, кто на нем находился, страдали от нестерпимого зноя, Тарас не удержался от ерничества. Словно не замечая стоявшего рядом алхимика, он проговорил вслух, рассуждая сам с собой:

— А не пополнить ли нам запасы пресной воды в этом городе?

И краем глаза заметив, как вздрогнул врачеватель от такого предложения, поспешил его успокоить, опять как бы невзначай «заметив» под тентом бурдюки с водой.

— Хотя не стоит. Мы уже близко от цели, и нам хватит того, что есть.

Темпей, едва не потерявший сознание при этих словах, вздрогнул еще раз и с благодарностью посмотрел на своего хозяина, приняв все за чистую монету. А Тарас, позабавившись, поймал себя на мысли, что грубый спартанский юмор, замешанный на унижении подчиненных сословий, проник и в его характер. «А как же иначе, — оправдал он себя, — со спартамцами жить, как говорится...»

На этот раз погода благоприятствовала путешественникам, они нигде не останавливались и к вечеру были в Прасиях. Когда корабль ошвартовался в местной гавани, Тарас с удовольствием ступил на твердую почву и сразу же проделал несколько гимнастических упражнений, немного размяв мышцы.

— Засиделся я что-то на этом корабле, — посетовал он Клеандру на затянувшееся морское путешествие, когда пифий оказался рядом.

— Ничего, — ответил тот, рассматривая сумеречное небо, быстро растворявшее в себе прибрежные скалы, — сегодня переночуем здесь, а завтра двинемся в Тирос. Время поджигает.

— На повозке? — осведомился спартанец, вращая плечами и заканчивая растягивать руки. Неожиданное сообщение о том, что они опаздывают, Тарас пропустил мимо ушей. Сам он уже давно перестал торопиться на встречу с эфорами.

— Пешком, — ответил Клеандр, и в его голосе спартанцу послышалось недовольство «изнеженностью» Гисандра, которому «по статусу» всегда следовало передвигаться пешком, — а повозка поедет за нами с грузом.

«Вот это по-нашему, — усмехнулся Тарас, — по-спартански».

В Тирос, несколько раз уступавший столице размерами, но также имевший несколько центральных мощеных улиц и множество храмов, они прибыли после полудня, когда солнце уже прошло зенит, а раскаленная земля готовилась принять долгожданную прохладу. Вступая в город по горячим камням в своих сандалиях, Тарас заметил на его окраине знакомое приземистое здание, из подвала которого валил дым, словно там черти жарили грешников на сковородке. Это был местный арсенал, где работал слишком любопытный мастер Сфетон, не приглянувшийся Тарасу с первого взгляда. Именно отсюда некогда геронт Поликарх и его сын начали поиски мастеров, тайно способных создать баллисты. Но даже по прошествии долгого времени местные «мощности» не использовались в «программе создания оружия возмездия», так еще и не одобренной эфорами. Ни Гисандр, ни его мудрый

отец почему-то не слишком доверяли местным мастерам, хотя те и делали вполне приличное оружие.

— Что дальше? — уточнил Тарас у пифия, когда они остановились передохнуть на небольшой площади ближе к центру города, на которой в этот час было полно народа. — До самой Спарты отсюда идти чуть менее двух дней. Двинемся прямо сейчас?

Все свободное пространство вдоль стен было занято гончарными лавками, а в некоторых Тарас разглядел даже инструмент для обработки земли и какие-то скобяные изделия. «Ну просто свободный рынок по сравнению со столицей, — невольно усмехнулся он, глядя, как бойко торговали периеки своим товаром, меняя его на другой, — и куда только смотрит старейшина Миссий. Так и до революции недалеко».

— Нет, — ответил Клеандр, дождавшись, пока их нагонит повозка, в которой среди небольшого количества вещей сидел в гордом одиночестве врачеватель, охраняемый периеками из спецотряда, — сейчас мы направляемся в имение царя. Тебе нужно посмотреть на него. А там я скажу тебе, как быть дальше.

— Если речь о ближайшем клере царя, то я там уже бывал, — сообщил Гисандр, не вдаваясь в детали, — вместе с отцом, когда прошлый раз ездил по этим местам. Мы беседовали тогда с управляющим царским теменом.

— Да? — немного удивился Клеандр, вперив в него пристальный взгляд снизу вверх. — Так вы уже знакомы с Инахом? Тем лучше. Меньше понадобится времени на подготовку.

«Про что это он? — не понял Тарас, но расспрашивать не стал. — К чему мне готовиться? Что я там среди этих полей не видел? Ладно, скоро сам расскажет, раз уж начал».

О том, что в прошлый раз они так застрашали Инаха во время своей инспекционной поездки, что он потом перевыполнил «план по сдаче зерна и овощей» государству, а вернее, своему хозяину — царю, — Тарас упоминать не стал. Зачем беспокоить пифия такой ерундой. Тем более что они походя поспособствовали увеличению состояния царя Леонида, а за это царь «своему другу геронту» только спасибо скажет. Периеки должны работать, для того им и сохранили не только жизнь, но и свободу. А свобода в Спарте дорогого стоит.

Впрочем, была в этом деле и другая сторона, о которой Тарас узнал, лишь прожив в Спарте несколько лет. Герусия вместе с эфорами пристально следила за жизнью царей и стремилась их постоянно контролировать. Если эти два магистрата не ссорились, а объединялись для одной цели, то они обладали реальной властью сместить царя. В этом случае в дело шли любые уловки, которых у эфоров имелось немало. От совершенно «законных» до откровенных фальсификаций с очернением царей, вплоть до подделки оракулов. К законным относился обряд наблюдения за ночным небом, который проводился раз в девять лет. В это время эфоры, увидев падающую звезду, могли счесть это знаком того, что кто-либо из царей провинился перед богами и его власть нужно прекратить. Что и делали незамедлительно. Царь «совершенно законно» отстранялся от власти до тех пор, пока не будет получен «официальный ответ» от дельфийских прорицателей о том, как поступить с ним дальше: казнить или помиловать. К счастью, в большинстве случаев оракул в Дельфах благоволил к царскому роду, и теперь Тарасу стало понятнее, по каким причинам божество почти всегда поддерживало царей в борьбе за власть с эфорами. Но бывали и исключения. А если законным методом отстранить слишком активного и самостоятельного царя от власти не выходило, то тут в дело шли любые методы. От стандартного обвинения во взятке — а царь Спарты, как верховный главнокомандующий и жрец, всегда должен был оставаться безупречным — до признания его незаконнорожденным, что мгновенно исключало царя из длинной родословной потомков Геракла. Такого позора не мог вынести никто. Поэтому нередко были случаи, когда обвиненному в таких грехах царю предлагалось закончить жизнь самоубийством или в изгнании. Последнее случалось чаще, поскольку даже доказанная вина не позволяла поднять руку на священного царя-жреца.

Так что если бы в имение царя пожаловал не Поликарх, а другой представитель

герусии, то Леониду впору было бы беспокоиться таким излишним вниманием. Мало ли что он там вынюхивал.

Увидев Гисандра, Инах невольно вздрогнул. Даже появление Клеандра не произвело на него такого впечатления, как внушения, сделанные некогда столичными инспекторами. Он хоть и был управляющим царского темена, но по рождению считался периеком. Сказывались отношения между хозяевами-спартанцами и периеками, людьми второго сорта. А был еще и третий, куда нарушитель субординации мог переместиться очень легко. И хотя по своему положению Клеандр был неизмеримо выше, Инах не смог скрыть легкого волнения, охватившего его при появлении поджарой фигуры спартанского гоплита, прибывшего в сопровождении своих бойцов. «Вот она, рабская психология, — невольно усмехнулся Тарас, — один раз сломал человека, и все, он уже животное».

От взгляда пронизательного пифия это не укрылось, но он не стал ничего выяснять.

— И чем я должен здесь заниматься? — уточнил Тарас, когда разместил своих людей на постой и вновь встретился с пифием во дворе центральной усадьбы небольшой деревеньки, вокруг которой раскинулись царские поля. Земельные угодья Леонида явно превышали надел любого гражданина Спарты, невольно заставляя Тараса улыбаться, когда он слышал фразу «первый среди равных». Правды ради нужно было заметить, что все остальные законы против роскоши царем соблюдались. Если, конечно, не считать привилегии свободно хранить золото у себя дома и там же питаться за счет общины, не посещая ритуальные сесситии. Никто, кроме него и царя Леотихида, таких «послаблений» не имел.

— Завтра утром ты отправишься в Спарту. А до ночи тебе нужно осмотреть вон те бараки, Инах тебе в этом поможет, — сообщил ему Клеандр, указав на недалекие холмы, поросшие редким лесом, из-за которого высывалось несколько длинных приземистых зданий. Они были едва заметны.

— А что это? — искренне удивился Тарас, даже немного оскорбившись. — Зернохранилище?

Его, солдата, зачем-то хотели привлечь к сельскому хозяйству, которым даже не все илоты занимались.

— Это мастерские, — словно нехотя пояснил пифий, прищурившись. — Там делают оружие. Ты должен их осмотреть и знать, как их можно использовать, если вдруг... Он помолчал немного, но все же закончил фразу: — Если вдруг что-то пойдет не так. Мы не можем терять время.

Тарас перевел удивленный взгляд с барачных пифий и, помолчав, кивнул. Ему показалось странным, что Клеандр говорил так, словно заранее знал, что в этом деле что-то пойдет не так. Впрочем, может, и знал. С него станется. Просто Тарасу не говорил. «Ох уж эти мне политики, — передернул плечами гоплит, направляясь к близким холмам в сопровождении управляющего, — все темнят, темнят».

— И запомни, Гисандр, — проговорил ему в спину пифий, остававшийся в деревне, — для всех остальных эти бараки и есть зернохранилище, как тебе показалось с самого начала.

— Это ясно, — подтвердил Тарас, обернувшись и делая знак своим периекам присоединиться к его небольшой прогулке, — сразу же видно: обычные зернохранилища.

Приблизившись к холмам, Тарас пригляделся к объекту. На первый взгляд это были обычные бараки, действительно походившие на хранилища для собранного урожая. Никаких труб, никакого дыма и пара, никаких шипящих чанов с водой, никаких чумазных илотов с раскаленными заготовками снаружи. В общем, ничто не выдавало в этих бараках мастерские по производству оружия. Даже наоборот, — по соседству паслось стадо коз, а напротив периеки старательно возделывали мотыгами землю. Впрочем, трубы все же были, если приглядеться. Да и общий пейзаж немного портили четверо охранников из периеков в полном боевом облачении, стоявшие у дверей в барак. Но ведь и зерно следует охранять. Особенно царское.

— Ну просто сельская идиллия, — пробормотал, глядя на это, Гисандр, сам затянутый

по необходимости в походные доспехи, и, обернувшись к трусившему позади Инаху, добавил: — Давай показывай, что у тебя тут запрятано.

Увиденное внутри «зернохранилища» разительно отличалось от вида снаружи и даже слегка поразило Тараса, повидавшего уже немало мастерских. Здесь были выстроены с десяток мощных, по местным меркам, печей, способных переплавить такое количество металла, что можно было бы выковать оружия на небольшую армию. А если не торопиться, то и на большую. Правда, все они сейчас были в нерабочем состоянии, но после беглого осмотра оказалось, что горючих материалов заготовлено предостаточно. И Тарасу сразу стало ясно, что не пойдет и нескольких часов после приказа, как подмастерья раздуют здесь такой огонь, что небесам станет жарко.

— Кстати, а где ваши мастера? — уточнил Тарас, прогуливаясь по этим секретным мастерским, в которых не было ни души, отчего его тихие шаги едва ли не звоном отдавались в звенящей пустоте барака. — И все остальные? Печей-то тут немало. Чтобы их обслуживать, нужно много переиков.

— Они живут в соседней деревне, — не стал темнить Инах, видимо, получивший указания во всем помогать Гисандру и ничего не скрывать, — для вида обрабатывают поля и могут быть вызваны сюда мгновенно.

— Ясно, — кивнул Тарас, — а медные заготовки где хранятся?

Инах отвел его в другой конец барака, где в специальном чулане, под охраной еще нескольких гоплитов находились корзины с «грязной» рудой, из которой еще только предстояло выплавить медь. Но в углу под мешковиной зоркий глаз Тараса заметил и небольшую стопку из слитков уже очищенной меди. Не спрашивая разрешения, он приблизился, откинул грубую ткань и тут же вернул ее на место, лишь скользнув взглядом по отливавшим тусклым блеском бокам пузатых слитков. Конечно, до чистой меди всему этому хозяйству было еще далеко, технологии не те, но по здешним меркам это было уже целое богатство. Стратегическое сырье.

«Кажется, у нашего царя еще есть и монополия на разработку медных рудников, — припомнил Тарас, — а на рудниках тоже работают переики, о которых он так печется».

Насмотревшись на все это, Тарас пришел к выводу, что теперь у него в распоряжении — а Клеандр ясно дал это понять — на всякий пожарный случай имеется целый сталелитейный завод. Да не где-нибудь, а на особо охраняемой территории, куда без высочайшего разрешения никто не сунется.

— Значит, можно не мучиться с производством в собственном имении, — усмехнулся Тарас, невольно заговорив вслух, — прощай, кустарный метод. Да, теперь шпионы Деметрия в Пеллане умрут со скуки.

— Что нужно сделать, господин Гисандр? — не понял его Инах, стоявший в трех шагах.

— Пока ничего, — отмахнулся Тарас и похвалил управляющего, чтобы тот больше не приставал с вопросами, — молодец Инах, хорошо ты тут все организовал. Пригодится. Покажи-ка мне теперь ту самую деревню, хочу на мастеров посмотреть.

И покинув территорию завода, Тарас неспешным шагом направился за Инахом в деревню, где довольно долго общался с царскими мастерами. Памятуя о том, сколь долго он искал настоящих толковых работников, Тарас решил сам убедиться в их «профпригодности». Прибыв на место, что оказалось по соседству, не таясь, набросал им чертеж баллисты и остался доволен. Мастера действительно оказались сообразительные. Довольно быстро догадались, что к чему, и даже стали предлагать Гисандру идеи, как усовершенствовать конструкцию. Обрато Тарас вернулся уже затемно, но царский пифий ждал его у входа в дом.

— Все осмотрел? — встретил его вопросом вместо приветствия Клеандр.

— Все, — кивнул Тарас, слегка утомленный, но довольный, — и печи посмотрел. И с мастерами виделся.

Клеандр выжидательно молчал, и Тарас понял, что царский пифий ждет от него

авторитетного заключения.

— Хорошие мастерские, — проговорил он, снимая шлем с головы, — и печей и материалов много. Побольше, чем даже в Тиросе. Царь может быть доволен.

Пифий по-прежнему молчал. Поэтому Тарас выдержал паузу и закончил.

— Так что, если что-то пойдет не так... здесь можно спокойно наладить производство баллист. У меня в имении тоже можно их делать, но здесь быстрее будет, да и не надоедает никто из соглядатаев.

— Леонид был уверен, что тебе понравится, — проговорил наконец пифий, делая пару шагов навстречу и слегка улыбнувшись, — оружейники здесь действительно собраны лучшие. Со всей Спарты.

Тарас не стал спрашивать зачем.

— На рассвете ты отправишься в столицу, — напомнил Клеандр и протянул ему небольшой свиток, — вот письмо царя к эфорам.

Тарас бережно взял дощечку и очень осторожно засунул ее за панцирь, понимая, что держит, возможно, свою охранную грамоту. Если Леонид не отступился от своих слов, то в письме должна была содержаться просьба прислать в Дельфы еще одну спартанскую армию. Вместе с ним. Ну и кое-что о подвигах героя Фермопил. Если, конечно, эфоры сочтут Гисандра героем, а не отступником.

— Когда получишь ответ, пришли ко мне гонца, — отдал последнее напутствие пифий.

— А... если эфоры дадут мне не тот ответ, которого я жду? — выдавил из себя Тарас, положив руку на кожаный пояс. Он настраивался на лучшее, но готовился к худшему. Дело было не из простых. Одним богам было ведомо, как все повернется в столице.

— Что бы они тебе ни ответили, сразу пришли гонца, — повторил Клеандр.

— Я понял, — произнес Тарас, отступая на шаг, — пришло.

И добавил уже про себя: «Если меня не приговорят раньше».

Глава шестая Спарта

Столица встретила Тараса и его небольшой отряд непривычной тишиной. Войдя в город с востока, он миновал окраины, состоявшие в большинстве своем из приземистых землянок с плоской крышей, прямо на которых часто паслись козы и свиньи, — назвать эти строения домами у него язык не поворачивался, — прошел памятный Дромос и углубился в центральные кварталы, постепенно приближаясь к месту своего триумфа на Гимнопедиях. Позади не слишком быстро передвигавшегося отряда тащилась телега с врачом, возница которой имел приказ двигаться напрямик в имение геронта Поликарха, если вдруг Гисандр решит ускорить шаг.

Вспоминая о том, как шумел тогда город, полный народа, Тарас с удивлением отмечал, что сейчас Спарта, казалось, будто вымерла. Не считая солдатских патрулей, лишь редкие прохожие попадались ему на улицах. Да и то были это в основном илоты или периеки, бредущие по делам своих хозяев. Пока что он не встретил никого, напоминавшего своим видом чиновников, посетителей апеллы и герусии, и тем более празднующихся граждан. Впрочем, таких в Спарте и не было. Люди здесь отдыхали только по великим праздникам, а сейчас ничего подобного не намечалось. И тем не менее Тарас сразу ощутил атмосферу каких-то перемен. Что-то происходило в Спарте, и весь город словно замер в ожидании важного решения.

«Может, из-за войны власти объявили какой-то траур?» — размышлял на ходу Тарас, осторожно переставляя ноги по мостовой, обильно усеянной засохшими испражнениями животных. Но сам же себе и отвечал: «Нет, не похоже. Даже угроза нападения персов не отвлекла спартанцев от пышного празднования Карней,⁷ а остальных греков — от

⁷ Карней — древнейший спартанский праздник в честь Аполлона Карнейского. Праздновался каждый год в

Олимпиады. Они вообще не любят менять свои планы. Значит, здесь что-то другое. Только вот что? Ох, не нравится мне это».

Приблизившись к центру города и ступив на главную площадь у стадиона, Тарас наконец увидел многочисленные белые колонны, портики и галереи, расплывшиеся от площади во все стороны. Остановившись на Хоросе, он позволил себе немного расслабиться, предавшись воспоминаниям. Пустынный сегодня стадион, свидетель его победы, сейчас казался безмолвной громадой. Перед входом возвышались статуи Аполлона-Пифея, Артемиды и Латоны, строго взиравшие с высоты своего роста на Гисандра. Каменные скамьи стадиона из светлого пористого камня, стоящие полукругом на склоне холма и разбитые на секции, словно ждали нового наплыва народа. Своим внутренним взором Тарас «видел» людей, в белых гиматиях, что бродили меж ними, занимая свободные места. В центре трибун находилось несколько лож. «Здесь я впервые встретил царя Леонида, — пронеслось в мозгу спартанца, которого словно что-то держало на этом месте, — и Елену. Да, сколько воды утекло с тех пор».

Вдруг краем глаза Тарас заметил какое-то движение среди колонн галереи, спускавшейся вдоль дороги с холма. И, повернув голову, увидел, как несколько старейшин в длинных гиматиях прогуливались там, беседуя о делах. Это были не эфоры. Здесь, похоже, проходило какое-то собрание старейшин. Тарас пригляделся, пытаясь рассмотреть среди них своего отца, но не увидел.

— Ладно, — проговорил он, отгоняя размягчавшие душу воспоминания и заметив показавшуюся на площади телегу, — надо поторопиться.

Махнув рукой Этоклу и Никомеду, стоявшим за спиной, он быстрым шагом направился по мостовой к выходу из города мимо округлого храма Зевса и Афродиты Олимпийских. Он знал, где живут эфоры и где они собираются, чтобы обсуждать свои дела. Но решил пока не идти напрямик туда, а наведаться для начала к своему отцу. Пообщаться. На собрании старейшин Поликарха, похоже, не было. А уж он-то должен был знать все последние новости и посоветовать сыну, как лучше поступить.

Путь до отцовского имения показался Тарасу, привычному к марш-броскам с полной выкладкой, недолгим, можно сказать, увеселительной прогулкой. Особенно если вспомнить, что Этокл и Бриант тащили на себе все вооружение, а Темпея он вообще позволил себе потерять из вида, благо того охраняли трое бойцов. Денек стоял прекрасный, солнечный. Окрестные виды настраивали спартанца, привыкшего размышлять только о войне, на лирический лад. Когда же он свернул с мощеной «трассы» на пыльную проселочную дорогу и поднялся на холм, заметив на соседнем поле среди работавших илотов стройный стан Хилониды, то мысли его и вовсе стали далеки от военных действий. Стоило ему вспомнить те жаркие ночи, которые он провел еще до свадьбы с этой крестьянкой, что воображение молодого спартиата мгновенно распалось. И пока он шагал до имения, бросая на нее долгие взгляды, совсем позабыл о том, зачем прибыл сюда.

Однако геронт, узревший его с балкона, быстро вернул сына к земным заботам.

— Здравствуй, Гисандр! — приветствовал его мудрый Поликарх, уже спустившийся вниз и ожидавший его, впрочем, по спартанской привычке не раскрывая объятий, а сложив руки на груди. — Я знал, что ты должен прибыть в скором времени.

— Как же ты узнал, отец? — ответил несколько обескураженный Тарас, останавливаясь у порога и слегка поклонившись. — Ведь еще недавно я и сам не знал, что вскоре прибуду в Спарту.

Илоты и периеки, хорошо знакомые геронту, замерли за спиной своего хозяина, опустив оружие на землю.

— Боги послали мне сон, — ответил геронт, улыбнувшись, отчего морщинистое лицо Поликарха перестало казаться излишне сосредоточенным.

Он направился в дом и взмахнул рукой, жестом приглашая сына за собой.

— В нем я видел великую битву и тебя в окружении тех самых машин, что мы создали с тобой тайком. И понял, боги говорят мне, что скоро ты вновь прибудешь сюда для великой цели...

Услышав это, Тарас резко остановился, едва не ударившись лбом о низкий дверной проем, — сон геронта так походил на тайные замыслы, о которых мог знать только царь и он сам, что в первое мгновение Тарас решил, будто у отца проснулся дар предвидения. Однако затем, прикинув варианты, допустил другую мысль, — а что если его папаша посвящен в дела царя Леонида настолько, что заранее знал о прибытии сына и его задании? Но, соблюдая тайные договоренности, не спешит сообщать Гисандру детали очередной операции Агиадов, которую они держали в секрете от второго царского дома и заодно от эфоров.

«Вдруг все же простое совпадение и мне примерещилось? — слегка озадачился Тарас, входя следом за геронтом в комнату, обставленную в истинно спартанском духе: низкий рубленый стол и пара ничем не укрытых скамеек. — Ладно, будущее покажет».

— А боги не сказали тебе случайно, зачем посылают меня в Спарту в тот час, когда все остальные воины бьются во славу Лакедемона у Дельфийских проходов? — поинтересовался, ухмыльнувшись, Тарас, но отец, казалось, не заметил лукавства.

— Нет, — проговорил геронт, усаживаясь на скамью у стены и поправляя гиматий, — но это был действительно странный сон. Полный неясностей. В нем персы сражались со спартанцами, но сражение происходило на море. И ты отчего-то плыл на корабле, вместо того чтобы биться с врагом на суше, как и подобает настоящему спартиату.

Тарас едва не раскрыл рот от все возраставшего удивления, присев напротив отца.

— Впрочем, — проговорил геронт, внимательно посмотрев на сына, — не будем заниматься гаданием. Для этого есть гаруспики и авгуры. Может быть, Гисандр, ты сам расскажешь, что привело тебя в Спарту в это смутное время?

Тарас взял себя в руки, отогнав все подозрения, и решил сразу прояснить ситуацию. Уж больно много тумана напустил геронт, а Тарас любил ясность.

— О чем ты говоришь, отец? — переспросил он, словно только что до него дошел смысл сказанных геронтом слов. — О каком смутном времени? Разве такие бывают в Лакедемоне, где все давно живут по законам Ликурга и ничто не смущает этого порядка, заведенного нашими героическими предками.

Поликарх перевел взгляд сначала на небольшое оконце под потолком, сквозь которое падал луч света, разгоняя полумрак, царивший в доме даже посреди бела дня. Затем посмотрел на развешанные вдоль стены доспехи, но промолчал, помедлив с ответом. Казалось, ответ уже был готов слететь с его губ, но не слетел. Тогда Тарас был вынужден продолжить беседу сам.

— Царь Леонид послал меня сюда с поручением, — ответил Тарас.

— Надеюсь, это хорошие вести, — пробормотал Поликарх, отчего-то ставший задумчивым, — не хотел бы я, чтобы моего единственного сына постигла плохая участь.

Тарас невольно вздрогнул, вспомнив о судьбе Аристодема и Пантита — двух случайно выживших после Фермопильского сражения спартанцев.⁸ Однако это случилось в той, другой жизни. А в этой, после вмешательства Гисандра, так и не произошло. Оба были еще живы. Реальность изменилась, но об этом никто и не догадывался.

— Царь хочет, чтобы я предстал перед эфорами с рассказом о сражении и наших

⁸ После битвы у Фермопил «случайно» уцелели всего лишь двое спартанцев. Первый — Аристодем — покинул лагерь по приказу Леонида, так как страдал серьезным глазным заболеванием и не мог сражаться со всеми наравне. Вернувшись в Спарту, он встретил обстановку враждебности, несмотря на то что подчинился приказу царя. Его ожидало бесчестие и позор. Согласно Геродоту, «никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним». Чтобы вновь вернуть расположение сограждан, ему пришлось проявить героизм в битве при Платеях и впоследствии постоянно первым бросаться в бой.

Другой спартанец, Пантит, был отправлен царем в Фессалию с поручением и тоже не принял участия в битве. По возвращении в Спарту его ожидал такой же позор и полная изоляция, не выдержав которой Пантит повесился.

смертоносных орудиях, что отправили к богам столько персов.

Тарас подождал реакции отца, но ее опять не было. Поликарх сегодня был на удивление молчалив даже для спартанца. И Тарас решил, что возраст взял свое, старик просто разомлел от жары. Он даже не заинтересовался судьбой орудий, на которые положил столько сил и средств и за которые, кстати, вместе со своим сыном мог быть жестоко наказан теми же эфорами.

— Ты не слишком торопился, — проговорил наконец геронт, вновь поднимая глаза на сына, — недавно начались выборы новых эфоров. И тебе придется долго ждать, пока они примут тебя.

— Долго, — невольно повторил Тарас, не поверив своим ушам, — но ведь каждый день там, в Дельфах, умирают спартанцы. Я хотел вернуться туда как можно быстрее...

Он вдруг осекся и уточнил, словно вспомнив что-то.

— А давно начались эти выборы?

— Два дня назад, — ответил геронт, с удивлением посмотрев на Тараса, — тебе ли не знать, Гисандр, когда выбирают эфоров.

— А долго мне придется ждать, пока выберут новых эфоров и те смогут поговорить со мной? — отмахнулся Тарас от упрека. Несмотря на то что давно жил среди спартиатов, он не слишком следил за выборами новых эфоров. Они менялись каждый год, а цари оставались пожизненно. И Гисандр предпочитал быть ближе к царю.

— До следующей полной луны, — ответил геронт, удивленный такой забывчивостью своего сына, — только тогда, когда новые эфоры пройдут все обряды посвящения и принесут все клятвы спартанскому народу, их власть станет законной.

«Это что же, — подумал уже про себя Тарас, невольно вскакивая со скамьи и делая несколько нервных шагов по комнате, едва вспомнив о том, какой была луна прошлой ночью, — мне тут еще две недели торчать, а то и все три. Да в Дельфах за это время столько всего может произойти. А я тут должен просто сидеть и ждать. Вот угораздило! И ведь могли бы успеть, всего на два дня опоздал!»

Поликарх молча наблюдал за тем, как его сын нервно измеряет шагами небольшую комнату, не понимая, что его так взволновало. Подобный обряд проводился ежегодно и был всем хорошо известен. Но Тарас не обращал на отца сейчас никакого внимания, а геронт, чувствуя, что с сыном происходит нечто странное, не мешал его чувствам вырваться на волю. Но и не торопил.

И вдруг, когда Тарас вспоминал о том, как проходило плавание и как Клеандр отправлял тайных гонцов куда-то лишь по ему одному ведомым делам, Тараса посетила странная мысль. «А ведь он хотел, чтобы я опоздал, — вдруг подумал спартанец, вновь усаживаясь на скамью и едва не хлопнув себя по коленям, — зуб даю, хотел. Оттого и не торопился. Специально все рассчитал так, чтобы мы слегка опоздали. А теперь каждый день опоздания мне в неделю ожидания выйдет. Только вот зачем ему все это? Не мог сразу сказать, патриот хренов».

Тарас был обескуражен своими размышлениями и очень хотел бы обсудить это с отцом, но не знал, о чем ему стоит говорить, а о чем нет. Вроде бы с обеих сторон были друзья — пифий царя и отец-геронт. Но оба были облечены властью и могли вести свою игру, в которой Тарас был простой пешкой. И все же надо было кому-то довериться больше. В этой ситуации Тарасу были нужны союзники. И он решил довериться отцу.

— Честно говоря, отец, я не знаю, чего боги хотят от меня, — пробормотал он, поднимая глаза на Поликарха, — ты мудр, и мне нужен твой совет.

— Говори, — подбодрил его геронт.

— Я прибыл с письмом царя к эфорам, но не знаю, чего от них ждать. Разговор должен был пойти о Фермопилах и том оружии, что мы применили там впервые, рискуя прогневить богов, — начал Тарас неуверенно, но по мере того, как он говорил, уверенность звучала в его голосе все отчетливее, — Я готовился к этой встрече, но не очень-то хотел на нее попасть. Ведь эфоры хранят традиции старины и могли не одобрить того, что я сделал...

— Мы сделали, — поправил его Поликарх, усмехнувшись в бороду.

Тарас посмотрел на него с благодарностью, — отец, похоже, был готов разделить с ним его участь в случае «неудачи». А вариантов тут было немного.

— Но мне кажется, что у царя есть еще какой-то тайный план, которым он не желает делиться с эфорами, — выдавил из себя Тарас, — со мной прибыл Клеандр, который должен помочь мне как можно быстрее сделать новые орудия взамен разбитых персами. Он остался в царском имении, том самом, что мы с тобой «проверяли» когда-то в поисках мастеров. Там у Леонида целый завод, который может сделать множество баллист. Он гораздо быстрее справится с этой задачей, чем люди в нашем имении. И теперь Клеандр ждет от меня гонца с известием о моей встрече с эфорами.

Тарас помолчал, затем вновь встал и прошелся вдоль стола, выдержав паузу.

— Теперь ясно, что встреча состоится не скоро. Но, видят боги, царский пифий управлял нашим кораблем и не слишком торопился привести его в Спарту. Что же мне теперь делать, отец? Просто ждать?

Геронт молчал недолго.

— Зачем же терять драгоценное время, — изрек он, — если царь прислал с тобой Клеандра, значит, он уже решил действовать. Старые эфоры наверняка запретили бы тебе это, но... их власть кончилась.

Геронт весело подмигнул сыну.

— Значит, ты опоздал не зря. А новые эфоры еще официально не выбраны, и лишь богам известно, как они отнесутся к твоему оружию. Так что, если царю Леониду для победы над врагами Греции нужны орудия, Гисандр, то ты можешь начинать делать их прямо сейчас.

— Как, — воскликнул Тарас, не поверив своим ушам, — прямо сейчас?

— Ну конечно, сперва не забудь навестить Елену с ребенком, — добавил геронт, вставая и выходя на крыльцо. — Они будут рады тебе. Мальчик уже подрос. А затем, как побываешь в Пеллане, отправляйся в царский темен. И заодно можешь забрать туда всех мастеров, если Клеандру их не будет хватать.

— Даже не дожидаясь ответа эфоров? — все еще не верил своему счастью Тарас, последовавший за ним. — А если они все же решат запретить новое оружие?

Бойцы из «спецназа», оставшиеся снаружи, ожидали хозяина в тени стены. Едва появился геронт и Гисандр, как они вскочили, похватав свое оружие.

— Греция уже воспекает твой подвиг у Фермопил, — проговорил Поликарх, который, прищурившись, смотрел на медленно опускавшееся солнце, и поле, где еще работали илоты, — там персы были остановлены свободными греками. И если Леониду вновь удастся преградить им путь с помощью твоих орудий или даже отбросить назад, то Греция вновь будет тебе благодарна. Так что новые эфоры не рискнут пойти на это.

Он глубоко вдохнул и добавил, обернувшись к сыну.

— Но есть еще царь Леотихид, который спит и видит, как бы навредить своему соправителю. И среди новых кандидатур эфората, я знаю, есть его друзья. Так что, Гисандр, твои опасения вполне могут сбыться.

— И что тогда? — не унимался Тарас, то и дело поглядывавший с порога в сторону Хилониды, чей стан мелькал среди золотистых колосьев.

— Царь не рассказывал мне о своих планах. Но, я уверен, он не зря послал с тобой своего пифия. Клеандр скажет тебе, что делать тогда. А пока не теряй время. Уверен, этот случай выпал тебе не зря.

И перехватив сладострастный взгляд Гисандра, направленный в сторону Хилониды, также давно заметившей молодого хозяина у порога, добавил:

— Об этом забудь. Отправляйся в Пеллану.

Тарас, собиравшийся уже провести ночь в местном амбаре среди отцовских невольниц, даже опешил. Но отец свое слово, данное до свадьбы, держал. Порасслаблялся, мол, на «мальчишнике» и хватит. Держись теперь своей жены. Тарас, вздохнув, подчинился. Слово

старшего в Спарте закон.

— Ты можешь, конечно, переночевать здесь, — добавил геронт, слегка смягчившись, — а в путь отправишься поутру. Пока ты будешь в дороге, я постараюсь узнать все последние сплетни о том, что творится вокруг выборов эфората. Заглянешь ко мне, когда пойдешь назад.

Но Тарас отказался от этого предложения. Когда ночь опустилась на окрестности Спарты, небольшой отряд под предводительством Гисандра уже миновал столицу и бодро вышагивал на север в сторону Пелланы. Слегка раздосадованный Тарас решил идти всю ночь, тем более что та выдалась звездной. А уж о том, как был расстроен Темпей, едва успевший достигнуть на своей телеге имения, и говорить не приходилось. Он долго жаловался Тарасу на то, как он устал сидеть и трястись в ней, пока разозленный спартиат не пригрозил ему отрезать «ненужные» при таком движении ноги, если тот не перестанет жаловаться.

Глава седьмая

Тень Леотихида

Когда показались горные отроги, а на одном из них вскоре возникла Пеллана, Тарас невольно обрадовался. Скоро увидит жену и ребенка. Не часто выдавалось ему это за последние месяцы. Отправляясь в поход к Фермопилам, он уже и не чаял увидеть ее. А тут, на тебе, такое счастье.

Сейчас Тарас находился на особом положении, а потому по прибытии в город не должен был немедленно явиться к своему пентекостеру с докладом. Тем более что его воинская часть в полном составе находилась в Дельфах и обороняла проходы в горах у святилища. Поэтому, минуя город, он направился напрямик к себе домой.

Приблизившись к своему имению, Тарас прошел мимо илотов и вскоре был у порога дома. Первым его прибытие заметил вездесущий Талай, обретавшийся неподалеку и надзиравший за илотами, которым он не позволял лениться. Вообще-то имение давало хороший доход, и Тарас был доволен своим управляющим, которому в свою очередь не давала расслабляться Елена. Жена Гисандра оказалась на редкость сообразительной хозяйкой. Деловой хватки ей было не занимать. И он даже мысленно представлял, что она вполне могла бы открыть собственное дело, — какую-нибудь гончарную лавку, ферму или расширила сельскохозяйственные угодья, — если бы, конечно, в Спарте не были запрещены ремесла и деньги.

— К нам прибыл господин Гисандр! — возопил Талай, едва увидел своего хозяина, шествовавшего во главе телохранителей.

— Не кричи зря, — зашипел на него Тарас, который не хотел привлекать к своему прибытию излишнего внимания. Хотя Деметрий и находился далеко отсюда, пребывая вместе с армией спартанцев, здесь у него вполне могли оставаться соглядатаи. А после заявления геронта о возможных кознях Леотихида Тарас не хотел давать им пищи для размышлений. В его планы входило лишь короткое свидание с женой, рекогносцировка на местности и убытие назад в царский темен.

Талай умолк, но его крик сделал свое дело. Гисандр услышал неуверенные мелкие шажки, и на пороге возник его сын, который обхватил косяк двери и уставился на отца так, словно видел его впервые. Парню шел третий год и одет он был по-спартански — в чем мать родила. Тараса это не смутило, он все же подхватил сына на руки и прижал к себе, ненадолго дав волю отцовским чувствам.

— Ну здравствуй, сын, как ты вырос уже, — проговорил он, заметив одетую в простую белую тунику Елену, что тоже показалась в дверях, — настоящий воин.

А затем, смутившись, оторвал парня от запыленных доспехов и поставил на землю. Тот, отбежав назад, спрятался за мать и теперь поглядывал из-за нее на Тараса своими серыми глазами со смесью любопытства и страха.

— Прости, он давно не видел тебя, — произнесла она, небрежно откидывая прядь волос со лба, — ты появился так неожиданно. Надолго ли?

— Я не хозяин своей судьбы, — ответил Гисандр, делая пару шагов вперед, — царь прислал меня в Спарту с поручением, и вскоре я должен отбыть назад в столицу. Но...

Тарас скользнул взглядом по соблазнительным формам своей супруги, не потерявшей стати за это время, и добавил:

— ...пару дней я, пожалуй, задержусь.

Елена отлично поняла его. Она и сама соскучилась по ласкам.

— Талай, погуляй с ним, — сказала она, легонько подтолкнув сына к управляющему.

Талай слишком хорошо знал своих хозяев, чтобы ему нужно было повторять дважды. Он немедленно увел удивленного мальчугана на улицу, а Тарас, не теряя времени, устремился за своей женой в глубину дома. Там, в дальней комнате, на ходу успев сбросить с себя доспехи, он настиг ее, повалил прямо на стол и с таким наслаждением овладел ею, что сам стонал едва ли не громче супруги. Их стенания были слышны далеко за пределами жилища. «Вот илоты повеселятся, — пролетело в мозгу у Тараса, когда он, дав себе небольшой отдых, вновь обхватил спортивную фигуру Елены и вошел в нее, не насытившись за один раз, — а и пусть себе веселятся. Когда хозяевам хорошо, то и работникам можно немного расслабиться».

Так Тарас развлекался до вечера, совершенно позабыв про войну и все, что с ней было связано. Даже упустив из вида алхимика. Но успев, правда, отдать тому приказ немедленно взяться за изготовление взрывчатого «лекарства от персов», чем тот и занимался, закрывшись в дальнем амбаре.

Наутро, отдохнув от дороги и побывав в городке, Тарас вернулся в имение в приподнятом настроении, после чего сразу же вызвал к себе Этокла. Для этого разговора он выбрал амбар подальше от людских глаз.

— Я видел сегодня в городе сразу нескольких слуг Дементрия, — сообщил он прибывшему «спецназовцу», — но самое неприятное, что и они меня видели. И мне даже показалось, что один из них долго шел за мной.

Этокл слушал не перебивая. Ему уже было ясно, куда клонит хозяин.

— Мне не нравится такой интерес. Хотя я и не собирался долго задерживаться здесь, стоит узнать последние новости, — проговорил он, скользнув взглядом по яслям с соломой, неподалеку от которых стояла телега.

Помолчав немного, словно собирался с мыслями, Тарас продолжил:

— Ты должен немедленно разыскать нашего человека Гимория и порасспросить его о том, чем заняты люди Дементрия в его отсутствие. Надеюсь, что Дементрий не взял его с собой в Дельфы. Во всяком случае, я его там не видел.

— Я немедленно отправляюсь, — ответил Этокл, и, поклонившись, вышел.

Пока Этокл бродил по окрестностям Пелланы, — на удивление Тараса, это заняло у него немало времени, — спартанец успел поразвлекать собственного сына метанием копья. Для этой игры он приказал выпустить на склон несколько коз и метким броском поразил одну с далекого расстояния. Ребенок был в восторге. Он даже подпрыгнул несколько раз от удовольствия и метнул в том же направлении длинную палку, желая подражать отцу.

Тарас остался доволен. «Пусть лучше с детства привыкает к виду крови, — решил он, выдергивая обгаренное алым копье из мертвой туши, — ему все равно быть солдатом. Пройдет еще несколько лет, и педономы заберут его в лагерь. А там и до криптий недалеко».

Затем он вновь уединился с хозяйкой дома в спальне, на этот раз наверху, и оттуда они долго не появлялись, пока вконец изможденный любовными играми Тарас не выполз на балкон и не узрел Этокла, быстрым шагом возвращавшегося в имение.

— Ну что говорит наш друг? — расслабленно поинтересовался Тарас, спускаясь вниз. — Видел ты его?

— Видел, — кивнул Этокл, переводя дух, — пришлось долго ждать. Он все время был занят в имении, а затем отправился на рынок в сопровождении еще троих слуг Дементрия, и

мне пришлось последовать за ними. Но там, на рынке, он заметил меня и, улучив момент, шепнул, что очень хотел бы встретиться с вами лично.

— Он знает, что я здесь? — Брови Гисандра поползли вверх.

— Нет, он спросил меня об этом, едва увидев, — проговорил Этокл, — он был очень напряжен и боялся, что нас заметят.

— Не тяни, — оборвал его Тарас, обхватив себя руками за плечи. — Что он тебе сказал?

— Почти ничего. Успел лишь шепнуть, что есть новости о Леотихидах, — ответил Этокл, — но настаивал, что должен сообщить их лично вам. Завтра утром его отправляют с поручением в Спарту, он попытается вырваться на встречу сегодня вечером. И я взял на себя смелость пообещать, что вы согласитесь, хозяин.

— Ого! Ты правильно сделал, — кивнул Тарас, услышав о том, что речь пойдет о кознях второго царя, — хотя это и против наших договоренностей, но я, пожалуй встречу с ним. Где вы условились?

— За городом у ручья, там, где растет кривой дуб и к дороге примыкает горная тропа. На закате.

— Что же, — кивнул Тарас, нахмурившись, что-то его смущало во всем этом, — подходит. Место темное и безлюдное. Особенно на закате.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, что все это могло быть не так безобидно. Кто знает, что произошло с тех пор, как Гисандр покинул Спарту вместе со своими слугами. Гиморий надолго остался без надзора. И вполне может быть, его тайная служба Тарасу была раскрыта. А значит, эта встреча в ночи могла нести не столько новую информацию, сколько опасность для жизни. «Может быть, это просто западня? — промелькнуло в мозгу Тараса. — С чего вдруг этот Гиморий так захотел встретиться лично со мной, не желая рассказать все Этоклу. Ведь именно так он и жил до сих пор».

Да и место встречи у ручья было идеально выбрано — не слишком далеко от имения Деметрия, но зато на значительном удалении от дороги. Все вокруг поросло лесом. Примыкает к скалам, где легко укрыться. Идеальное место для засады.

«А впрочем, может, я зря беспокоюсь? — попробовал усмехнуться Тарас, прохаживаясь в задумчивости вдоль порога. — Деметрия, конечно, здесь нет. А его слуги для меня неопасны».

Но сомнения все же не покидали его.

— Вам не стоит отправляться туда одному, — словно услышав его мысли, осмелился проговорить периек, переминаясь с ноги на ногу, — может случиться всякое. Мне не понравились те слуги, что сопровождали Гимория на рынок. Я их раньше не видел среди людей Деметрия. Слишком уж они выглядели воинственно для простых крестьян. Возьмите с собой хотя бы меня.

Тарас медлил с ответом, а Этокл, увидев показавшуюся на балконе хозяйку, добавил.

— Так и госпоже Елене будет спокойнее.

Тарас оглянулся и, проследив за его взглядом, не смог сдержать улыбки.

— Ну ладно, подхалим, — усмехнулся он, расслабившись, — возьми с собой Брианта и оба отправитесь со мной на эту прогулку.

Этокл просиял. А Тарас, вновь направляясь в дом и остановившись на мгновение у порога, добавил:

— Я и один справлюсь с любым врагом, но вдвоем нам вообще никто не страшен. Сколько бы их там ни оказалось. А вообще-то я думаю, что Гиморий просто трусит, но...

Тарас замолчал на мгновение, раздумывая, не отменить ли вооруженный эскорт. Как-то стыдно ему было кого-то бояться в двух шагах от собственного дома. Но внутренний голос нашептывал ему, что опасения возникли не на пустом месте, напомнив о нападении, что случилось с ним по дороге к Дельфам.

— Решено, — отрезал Тарас, — как начнет темнеть, выступаем. Идти тут недалеко.

В назначенное время три фигуры в алых плащах, осторожно вышагивали по краю

пустынной в этот час дороги, уводящей от Пелланы к северным границам Спарты. Туда, где находились земли соседней Аркадии. Именно там, где заканчивались имения спартиатов Пелланы, и было условленное место встречи с «агентом» в стане Деметрия. Гастрафеты Тарас приказал не брать, это было уж слишком. Хватало копий и щитов, которые сжимали его оруженосцы. Сам же Гисандр был облачен в панцирь и вооружен лишь мечом и кинжалом.

— Уже недолго осталась, — проговорил Этокл, вглядывавшийся в темноту. Сумерки быстро сгущались, а ночь в предгорьях наступала мгновенно. Поэтому время встречи «на закате» по сути означало «ночью». Но это никого не удивляло. Ночь — время спартанцев. Однако именно эта мысль вдруг опять неприятно кольнула сознание Тараса. Илоты предпочитали передвигаться днем.

«У него, похоже, не было выбора, — отогнал от себя эту мысль Гисандр, переступая через камень у дороги, который почувствовал раньше, чем увидел, — завтра ведь его должны отправить с каким-то поручением в Спарту. Не о нем ли он захотел мне поведать? Я и сам скоро буду там, но „светиться“ в столице с такими контактами вообще глупо. Так что закончим это дело прямо здесь».

Вскоре Гисандр услышал шум ручья, достигнув которого воины остановились.

— Тропа ведет налево, — указал Этокл копьем на едва видневшуюся на траве светлую полосу земли, ответвлявшуюся от главной дороги, — нам сюда. Еще немного осталось.

— Скоро выйдет луна, — добавил Бриант, указав в свою очередь на поросший кустами и деревьями берег, — и на тропе нас будет хорошо видно. Может быть, пройдем вдоль воды.

— Бриант прав, — кивнул Тарас, который, в отличие от остальных спартиатов, позволял своим слугам иногда давать себе советы, — пойдем вдоль воды. Пусть лучше Гиморий заметит нас позже. Мало ли что.

И сойдя с тропы, они углубились в кусты, росшие здесь не слишком плотно. Широкий горный ручей, стекавший с отрогов Тайгета, шумел справа, заглушая их шаги. Хотя спартанцы были с детства приучены перемещаться почти бесшумно. Постепенно земля под ногами стала более каменистой, а кусты раздвинулись. Их ветки перестали слишком часто хлестать Тараса по лицу и цепляться за плащ. Скоро должна была показаться нужная поляна. И тут Тарасу вдруг послышался сдавленный крик, достигший его ушей даже сквозь шум ручья.

— Стоять! — прошипел он, подняв руку, и его бойцы замерли, как изваяния из камня.

Несколько секунд он прислушивался, но ничего больше не услышал. «Может быть, показалось», — неуверенно подумал он. Но Бриант добавил масла в огонь подозрений.

— Хозяин, я слышал какой-то крик с той стороны. — Он указал рукой влево от ручья.

— Именно там мы и должны повстречаться с Гиморием, — проговорил Этокл, отодвигая ветку копьем, — это место уже совсем рядом.

— Вперед, — решился Тарас, у которого возникло очень нехорошее предчувствие, — вали на землю всех, кто попадется. Потом разберемся.

Вывхватив меч, он проскользнул меж двух раскидистых кустов и, пробежав метров двадцать, первым оказался на небольшой поляне, посреди которой темной громадой рос кривой дуб. Ему показалось, что ветки деревьев на другой стороне поляны всколыхнулись, скрывая чье-то бегство. Не раздумывая, он выхватил кинжал и метнул его вдогон неизвестному гостю. Из кустов тотчас послышался едва различимый стон, ветки вновь всколыхнулись, но больше ничего не произошло. «Может, это был зверь, — пронеслось в мозгу спартанца, который не видел даже силуэта своего неизвестного врага и не был до конца уверен, что поразил человека, — кабанов здесь много».

Но чуткий слух Тараса, приученный различать звуки в ночи, мгновенно определил, что вскрикнул явно раненый человек. «Надо бы глянуть, что там», — подумал он, однако не бросился сразу в кусты, а решил осмотреться на поляне. Если в кустах прятались люди, то можно было и в ответ получить такой же гостинец. Тем более что в это мгновение на небе засияла луна.

— Смотрите, хозяин, — прошептал Этокл, указав в сторону дуба, — там кто-то есть.

— Присмотри за кустами, — приказал спартаец второму оруженосцу, — мне кажется, мы не одни пришли на эту встречу.

Бриант прикрылся щитом и перехватил покрепче копье, став на страже. Сам же Гисандр вместе с Этоклом осторожно приблизился к дубу и в ярком свете луны, залившей всю поляну своим неземным светом, увидел чье-то тело, распластавшееся на каменистой земле. Из груди незнакомца торчала рукоять кинжала, а вокруг горла растеклась какая-то темная жидкость. Ее было много, очень много, натекла целая лужа, еще не успевшая впитаться в землю.

— Рана свежая. Посмотри, кто это? — уточнил Тарас, хотя почти не сомневался в том, что услышит в ответ.

Этокл наклонился над мертвецом и, обернувшись, подтвердил его опасения.

— Это Гиморий. Он мертв.

Сделав шаг к мертвецу, Тарас добавил, присмотревшись внимательнее к изуродованному лицу илота.

— Он не просто мертв. У него отрезан язык, — проговорил он с досадой, отбросив носком сандалия окровавленный кусок человеческого мяса, валявшийся рядом с лужей крови, — это ясный знак. Мне дали понять, что знают обо всем, что он для меня сделал. И его наградили, как и следует наградить предателя.

Обведя взглядом поляну, Тарас все же рискнул углубиться в кусты, но ничего не обнаружил там, кроме своего кинжала, тускло блестевшего в лунном свете на одной из кочек. Подняв его, он с удовлетворением заметил кровь на острие. И, приняв решение, приказал.

— Уходим. Никто, похоже, не собирается на меня нападать. Они предпочитают пока оставаться неузнанными.

— Может быть, пройдем вверх по тропе? — предложил Этокл, видя, как раздосадован неудачей его господин. — Гиморий убит совсем недавно. А его убийцу вы ранили. Быть может, мы успеем...

— Он наверняка не один. Те, кто это сделал, уже далеко отсюда, и сейчас мы их не догоним, — оборвал его Тарас. — Они знают этот лес и хорошо передвигаются по ночам. Пожалуй, слишком хорошо для илотов. Я не видел ни их лиц, ни хотя бы их одежд, чтобы опознать их при новой встрече. Хотя...

Перед тем как покинуть поляну, где нашел свою смерть его соглядатай, Тарас выдернул кинжал из груди мертвеца и, осмотрев рукоять, протянул его Этоклу.

— Это не оружие илота. Узнай, кто мог «позабыть» его здесь.

Глава восьмая

Секретный проект

На следующее утро Тарас, не задерживаясь более в имении, направился в сторону Спарты со своим отрядом. Происшедшее лишний раз убедило его, что кто-то из окружения Деметрия, даже в отсутствие самого хозяина, очень живо интересуется его делами. При этом, правда, предпочитая сохранять свои дела в глубокой тайне. Причем любой ценой.

Поэтому Тарас оставил здесь на время четверых «спецназовцев» для усиления «гарнизона» и охраны своей семьи. Больше оставить не мог, слишком уж долго он готовил своих бойцов, и все они могли ему пригодиться в ближайшее время. Гисандр не верил, что люди Деметрия осмелятся причинить вред его семье, но печенкой чуял, что над Леонидом, а значит, и над ним самим сгущаются тучи. И хотя ничто пока не предвещало бури, ее приближение он ощущал как наяву. Слишком уж много странных событий и совпадений произошло в последнее время. Недомолвки Леонида, странное поведение Клеандра, догадки отца, смена эфорта и убийство Гимория, который хотел ему сообщить что-то о делах царя Леотихида, — все это очень походило на обострившееся противостояние двух группировок.

И все это не могло долго держаться в тайне. Рано или поздно гром должен был грянуть. Однако пока это были только догадки. Убийцу Гимория Тарас не видел, хотя и смог ранить. Доказательств, что это сделали посланцы Леотихида, у него не было. Может быть, это был кто-то из «своих». Хотя Тараса не покидало ощущение, что ему действительно подали знак, чтобы не слишком совал свой нос в темные дела Деметрия.

Придя к такому выводу, Тарас даже усмехнулся, пробормотав себе под нос:

— Как будто это меня сможет остановить.

— О чем ты говоришь? — удивилась Елена, которая стояла на крыльце дома, держа ребенка за руку и провожая Гисандра в дорогу.

— Не обращай внимания, — отмахнулся он, надевая на голову шлем и оглядываясь на «спецназ» с гастралетами, уже выстроившийся на дороге вдоль телеги, на которой вновь гордо восседал Темпей, погрузивший в нее целых четыре горшка со смесью, — я иногда беседуую вслух сам с собою.

— Станный обычай для лакедемонянина, — в свою очередь усмехнулась девушка, и добавила, слегка погрузнев: — Ты уже должен идти?

— Да, мне нужно в Спарту, посетить царского пифия, — ответил Тарас. — Если смогу, то я навещу тебя еще раз перед отбытием на войну.

— Ступай, — проговорила скрепя сердце Елена, скользнув взглядом по четверем бойцам, которые оставались в имении, — с нами все будет хорошо.

Обняв жену и сына, Тарас поправил плащ и зашагал по пыльной дороге прочь. Небо немного хмурилось, обещая редкий в этих местах дождь.

К вечеру второго дня Тарас вновь был уже в отцовском имении, где узнал неутешительные новости о том, что как минимум трое новых эфоров будут приверженцами Леотихида.

— Ты уверен? — уточнил Гисандр, понимая, что ничего хорошего это не принесет Агиадам. Незадолго до этого он рассказал об убийстве Гимория и своих подозрениях насчет тайной деятельности людей, служивших второму царскому роду Спарты.

— Таковы последние слухи, — пожал плечами Поликарх.

— А стоит ли доверять слухам, отец? — немного напрягся Тарас, желавший получить более точные сведения от своего высокопоставленного отца.

— Эти «слухи» дошли до меня через нужных людей, — ответил геронт, невозмутимо изучавший небо сквозь небольшое окно и не смотревший на сына, — а я привык им доверять. За много лет они меня еще не подводили.

Тарас молчал, ожидая продолжения. А геронт наконец оторвал взгляд от окна и перевел его на стоявшего перед ним гоплита.

— Впрочем, обо всем знают лишь боги.

— Мне стоит еще чего-то ждать? — напрягся Тарас, не терпевший длительных ожиданий и даже раздраженный отцовским спокойствием.

— Не думаю, — перестал тянуть с разговором Поликарх, сев на скамью. — Имена новых эфоров назовут через десять дней, потом начнутся многочисленные обряды. Так что ты можешь отправляться прямоком в клер царя Леонида и делать то, что должен. А дальше... пусть решают боги.

— Ну что же, — усмехнулся Тарас, — ты прав. Будь что будет.

На следующий день, обогнув столицу, где его еще никто не ждал, он был уже в обширном имении Леонида, где пифий встретил его с распростертыми объятиями. Клеандр был настолько рад и сиял как начищенный щит гоплита, что у Тараса не осталось и тени сомнения в том, что все идет по заранее разработанному сценарию, в котором он просто пешка. Пифий ничуть на него не сердился за то, что Гисандр за эти дни не прислал к нему ни одного гонца, но Тарас и не особенно раскаивался. О своей жизни ему было сообщать особенно нечего, с эфорами он не виделся, зато успел отправить людей в Кифанту, чтобы «выписать» оттуда в имение царя своих главных творцов оружия победы над персами. Поликарх даже посодействовал ему в этом своей властью. Не каждый день город периеков

должен был лишаться своих лучших мастеров-оружейников.

— Поликрат и Еврон уже прибыли, — «доложил» ему Клеандр, — обучают других мастеров искусству создания твоих смертоносных машин. Я собрал здесь немало искусных ремесленников, но твои мастера самые лучшие. Я доложу об этом царю при встрече.

— Мне кажется, что мы еще не скоро увидим царя, — не удержался от высказывания Тарас, немного обиженный, что его разыгрывают «втемную», — ведь мы совсем позабыли о том, что сейчас выбирают новых эфоров. Меня никто не спешит принять.

Клеандр сделал вид, что впервые об этом слышит, но Тарасу показалось, что тот принял упрек в свой адрес. Однако Клеандр не спешил извиняться или объяснять что-либо. А на сообщение о новых эфорах, приверженцах Леотихида, переданное геронтом, ответил так, словно не был удивлен.

— Тем более, Гисандр, нам нужно поторопиться.

Разговор проходил под вечер. Пифий вывел Тараса на воздух из дома, в котором жил, и, указав в сторону «зернохранилищ», сказал:

— Царь в Дельфах очень ждет от нас баллисты. И никакие эфоры не должны тебя беспокоить сейчас больше, чем приказ царя и свобода Греции. Приступай завтра же поутру.

Тарас едва не возмутился. «Легко тебе говорить, — подумал он, глядя на самодовольную физиономию пифия, — это не тебя казнят, если вдруг новые эфоры по привычке решат наказать героев и спасителей отечества только лишь за то, что они отступились от традиции и посмели замахнуться на силы огня и грома, которыми в Греции управляют лишь боги. Ну отлучат Леонида от власти, ну потеряешь ты должность, не голову ведь. Эх, мне бы твое спокойствие. Попробовал бы спасти Грецию против ее воли, я бы на тебя посмотрел. Тут ведь одно неверное движение и все, как у саперов».

Но хитрый Клеандр лишь молча ухмылялся, искоса поглядывая на рослого гоплита и как бы говоря: «не бойсь, парень, за нами стена». Словно был заранее уверен в успехе, который придет независимо от результата выборов нового эфората.

«Что-то он уж слишком спокоен, — не мог понять его Тарас и оттого продолжал нервничать, — словно знает все наперед, да только мне не говорит. Ну да ладно, что мне эфоры, я уже столько раз под смертью ходил, и на этот раз обойдется».

Пифий молчал, глядя на бараки, у которых копошились мастеровые люди, не очень уверенно изображавшие крестьян. Тарас так ушел в свои мысли о будущем, что вынырнул из них, лишь когда сбоку послышались торопливые шаги и вежливое покашливание. Рядом стоял Инах, управляющий царского имения, и явно хотел о чем-то поговорить. Он выглядел немного взволнованным и запыхавшимся, словно только что пробежал стометровку.

— Я хотел обратиться к господину Гисандру, — неуверенно пробормотал он, поглядев на пифия.

Клеандр смерил его взглядом и, ни слова не сказав, вернулся в дом, оставив их наедине.

— Чего тебе? — бесцеремонно уточнил Тарас, стараясь отогнать черные мысли, которые буквально роились в его голове. Его взгляд просто метал молнии, часть которых тут же «угодила» в Инаха, заставив того еще больше занервничать.

— Понимаете, господин, Гисандр, — он запнулся, казалось, подбирая выражения, — ваш лекарь...

— Ну, что еще натворил этот бездельник? — выдохнул Тарас, сменив гнев на милость. Слишком уж озадаченным показался ему сейчас управляющий царского темена, раболепствующий перед простым гоплитом.

— Он попросил дать ему помещение для опытов ... — медленно выдавил из себя Инах, теребя бороду, — и я дал.

— И что с того? — рявкнул Тарас.

Он вновь начинал злиться, — управляющий так долго выражал свою мысль, что Гисандру невольно захотелось дать ему хорошего пинка, чтобы подстегнуть красноречие Инаха. Вместо этого он невольно положил ладонь на рукоять меча, но и этого оказалось достаточно. Управляющий заговорил быстрее.

— Я хотел сказать, что выделил ему помещение для опытов, но... — Инах опять запнулся, однако на этот раз быстро преодолел препятствие, — одно оказалось совсем рядом с помещением, где работают кузнецы. Там горит огонь.

— Ну, — пока еще «не догонял» Тарас, хотя какие-то подозрения при слове «огонь» уже начали закрадываться в его голову.

— Я был уверен, что он будет ставить опыты со своими травами, но оказалось, что он тоже знаком с оружейным делом...

— Не томи! — поднажал Тарас, вперив взгляд в Инаха, который места себе не находил под тяжелым взглядом привыкшего убивать гоплита.

— В общем, случилось так, что когда он случайно рассыпал по полу свой порошок, кузнецы из соседнего помещения уронили раскаленную заготовку. Она оказалась тяжелой, покатилась, пробила стену, и порошок вспыхнул.... А лекарь стал кричать, что сейчас все взорвется, и... я поспешил за вами, не зная, что и думать.

— Так что же ты молчал? — крикнул Тарас, увидев разгоравшийся вдалеке за спиной Инаха пожар.

Оттолкнув обомлевшего управляющего, он бросился бежать в сторону полыхавшего барака. Зарево было уже отлично видно на фоне быстро темнеющего неба. Когда он приблизился к месту событий, то увидел столпившихся у входа оружейников, часть которых еще выскакивала из задымленного помещения. Последним из дыма и огня, что быстро распространялся по торцевой стене здания, появился Темпей, тащивший в руках два горшка со взрывчатой смесью. Когда он выбежал навстречу Тарасу, тот невольно отскочил в сторону, узрев на своем подопечном тлевшую одежду.

— Успел спасти! — радостно доложил тот, аккуратно, как ни в чем не бывало, устанавливая горшки на каменистую землю и стряхивая рядом искры с дымившейся одежды.

— Все? — напрягся Тарас, поглядывая на пожарище, охватившее уже весь дальний край здания, и взглядом пересчитав горшки. — А их не больше было?

— Еще один остался, господин Гисандр! — воскликнул Темпей и уже развернулся, чтобы бежать обратно, когда железная рука гоплита ухватила его за обожженный локоть.

— Стоять! — рявкнул он, не давая Темпею шанса вырвать руку. — Поздно уже. Горшков новых наделаешь. А если сам сгинешь, кто мне вместо тебя будет снаряды для баллист готовить?

В этот момент прогоревшая крыша барака зловеще затрещала, готовая обвалиться.

— Точно, там же были две почти готовые баллисты, — пробормотал горе-оружейник и добавил, вытерев сажу с лица. — Я сам видел... недалеко от входа.

Оружейники загомонили, соглашаясь с Темпеем, но лезть в огонь не спешили.

— Чего стоите! — заорал на них Тарас. — Сами пожар устроили, а тушить кто будет? Думаете, царь вас за это наградит? Быстро тащите ведра, песок и воду, а не то я вам кишки выпущу!

Он даже выхватил меч для острастки.

— Да тут все рядом! — загомонили периеки, стушевавшиеся в момент возгорания, но при виде оружия, сверкавшего в отсветах пламени, вновь «поверившие» в себя. — Мы мигом!

Несколько человек бросились за угол дома, где на самом деле хранились противопожарные инструменты. Еще в день первого осмотра Тарас обратил внимание, что в царском имении с этой точки зрения все было сделано по последнему слову: багров и песка имелось в избытке. Оружейники — народ к пожарам привычный. Даже чан с водой стоял в десятке метров от стены на случай возгорания. Только вот, как заметил Гисандр, реальных учений никто не проводил. В обычном случае раскаленную болванку быстро потушили бы имевшейся и внутри помещения водой. Но никто, естественно, не мог просчитать появления здесь «лекаря» со взрывчаткой. И если бы не роковая случайность, то ничего подобного и не случилось бы.

Едва первые люди скрылись за углом объятых пламенем здания, как раздался взрыв,

которым вышибло стену, и оставшаяся без поддержки крыша с треском обрушилась внутрь. Все, кто был рядом, в страхе повалились на землю. Привычный к такому Тарас лишь пригнулся, закрыв лицо рукой, а Темпей вообще смотрел во все глаза на «дело своих рук» — зрелище взрывов и пожаров было для него лучшим на свете. Он даже забывал в такие минуты, что может сам сгореть заживо.

Почти четверть здания была снесена. Зато пожар почти потух. Появившиеся периеки с баграми и ведрами быстро забросали песком и залили водой оставшиеся очаги возгорания, обезопасив примыкавшие к кузне склады «драгметаллов».

— Это твой горшок так гроыхнул? — поинтересовался у Темпея один из подошедших кузнецов из тех, что работали над баллистами.

Темпей, зачарованно смотревший на тлевшие головешки, кивнул.

— Знато, — похвалил мастер и, осторожно скользнув взглядом по доспехам спартанского гоплита, почел за благо удалиться в темноту.

Тарас, в тот момент размышлявший над тем, кого бы казнить за все случившееся — Темпея или одного из мастеров, уронивших болванку, все же позволил ему уйти. «Баллист, как и горшков, не вернешь, — подумал он, сдерживая гнев и глядя, как периеки разбирают дымящиеся завалы, — а мастера еще пригодятся. Однако взбучку надо устроить. А то совсем страх потеряют».

Решив, он сделал шаг вперед и рывкнул так громко, что его стало хорошо слышно всем.

— Чтобы завтра же те, кто работал над сгоревшими баллистами, выковали новые детали и собрали все, что сгорело. Вечером проверю.

Подняв руку с мечом вверх, добавил:

— И, Аполлон свидетель, казню всех, если не успеете.

Отдав такой наказ, Тарас немного успокоился, вернул меч в ножны и, слегка пнув Темпея, добавил:

— Бери свои горшки. Сегодня будешь спать в моем доме. А то спалишь мне тут половину царского темена, отвечай потом за тебя.

На следующий день Тарас, как и предлагал ему пифий, приступил к производственному процессу, отогнав опасения насчет эфоров подальше. Первым делом он встретился с Поликратом и Евроном, которые уже находились в имении. Встретился на берегу моря, до которого было от деревни рукой подать. Царское имение, в отличие от наделов «равных» спартиатов, было обширным. Оно включало в себя несколько деревень и даже городов периеков, всегда надевавшихся на поддержку и защиту Леонида и плативших ему исправно «дань» своими работами и товарами. Благодаря чему спартанский царь имел гораздо больше личных средств и мог даже открыто хранить дома деньги в обход большинства законов Ликурга, накрепко сковавших общину гомеев.

Мастера прибыли из Кифанты накануне и были размещены Инахом в небольшой деревеньке, что стояла на берегу моря. Здесь же размещалась еще одна кузница и склады древесины и медных заготовок, осмотрев которые Тарас опять остался доволен, — Леонид явно оставил своему пифию наказ всемерно содействовать производству нового оружия. И как теперь догадывался Тарас — Леонид решил заполнить его во что бы то ни стало.

«Интересно, насколько далеко он решил зайти, — поймал себя на мысли Тарас, сидя в окружении мастеров и Темпея прямо на камнях у самой воды и глядя на ленивые волны, медленно, словно нехотя, набегавшие на берег, — хотел бы я знать, что он сделает, если эфоры вдруг пойдут против него».

Но утро сегодня было таким радостным, море спокойным, а солнце так ласково пригревало, что Тарас не стал додумывать эту мысль. Отличная погода быстро вытеснила беспокойство из его души, и он решил вернуться к понятным вопросам.

— Сколько орудий и как быстро вы сможете собрать? — начал с постановки задачи Тарас, любивший во всем армейскую четкость.

Еврон поправил тунику, потерял свою кудрявую бороду, прищурился на солнце и, бросив взгляд на своего коллегу-оружейника, начал первым.

— Я едва успел осмотреть вчера склады, — проговорил он, прокашлявшись, — видел не все, но запасов древесины хватает. Да и работники не спят, быстро заготовки для корпуса и основания строгают, правда криво. Править надо много.

— Вот вы и подучите, — сообщил им Тарас, скользнув по лицам мастеров, — для того вас сюда и выписали. Они же тут, до вашего приезда, по моим чертежам сами пытались баллисту собрать. Но с первого раза не так аккуратно выходит.

— Оно понятно, — кивнул Еврон, — мы сколько дерева извели, пока научились. Дело новое.

— А с канатами что? — уточнил Тарас, не успевший сам посетить хранилище, о котором ему только намекнул пифий, сообщив, что запасов и там предостаточно, как и везде.

— Я видел склады белого льна,⁹ — подал голос смуглолицый Поликрат, сидевший на камне напротив Тараса, — да вон они, у самого пирса.

Тарас перевел взгляд в указанном направлении и узрел там целую небольшую гавань, оборудованную вполне прилично. К длинному пирсу примыкали обширные склады, от которых в глубь имения вела неширокая, но зато мощеная дорога, по которой вполне могла проехать одна телега. Как раз сейчас у пирса разгружались сразу два торговых корабля. Там царила настоящая суeta. Множество илотов перетаскивали тюки с кораблей на пирс и дальше распикивали их по складам под присмотром охранников из числа периеков. «Да у царя тут даже собственный торговый порт есть, — ухмыльнулся Тарас, который в своей предыдущей поездке по имению осмотрел только сельскохозяйственные угодья, упустив из виду возможность морских сношений с заграницей, которая ему и в голову не пришла, — полная автономность. Это хорошо».

— И что там? — просто спросил он.

— Два барака забиты белым льном так, что место есть лишь под самой крышей, — с восхищением произнес оружейник, — никогда не видел столько белого льна сразу.

— Три плефра¹⁰ наберется? — уточнил заинтригованный гоппит.

— Там все десять будет, — ответил Поликрат, всматриваясь в царившую на пирсе суматоху, — да еще медимнов¹¹ восемь папируса.¹² Хотя если то, что выгружают сейчас, тоже лен и папирус, то запасы будут такие, что можно наплести канатов и на сорок баллист, а может и больше.

«Вот это номер, — усмехнулся по-настоящему заинтригованный Тарас, — это что же получается. Судя по тому, что корабли с сырьем уже здесь, наш царь отдал поручение о поставках пифию уже давно. И Поликрат, похоже прав. Судя по объемам товаров здесь сырья столько, что хватит на канаты для пяти дюжин баллист, а я-то надеялся успеть собрать не больше дюжины. А остальное куда? Уж не собрался ли он создавать отдельный артиллерийский полк, чтобы прогнать персов из Греции?»

Тарас перевел взгляд с пирса на море, заметив еще один торговый корабль, приближавшийся со стороны побережья Арголиды. «Ого, да это еще не все, — не переставал удивляться гоппит. — Леонид развил такую активность в артиллерийском деле, что это меня не только радует, но уже настораживает. Не забыл ли он в пылу сражения про эфоров. Одобрения-то пока еще нет».

⁹ Белый лен — волокно произраставшего в Испании растения под названием *спартия*, т. е. конопля, из которой плели канаты карфагеняне.

¹⁰ Плефр — 29,6 м.

¹¹ Медимн (аттический) — 52,2 л.

¹² Согласно Геродоту, под папирусом подразумевается кора (лыко) сирийского папируса, из которого изготавливали канаты. Впоследствии, когда жители ионийского побережья познакомились с писчим материалом из папируса в Египте, то и его также стали называть папирусом.

Однако, рассудив, как и всегда в таких случаях, что царю виднее, а ему нечего ломать голову над вопросами большой политики, Гисандр вернулся к обсуждению насущных дел.

— Значит, если с сырьем проблем не будет, — подытожил он, — а кузнецы и подмастерья не подведут, а они не подведут, сколько успеем изготовить дней за десять?

Мастера переглянулись, прикидывая в уме сроки выполнения царского наказа.

— Дело уже знакомое. Думаю, господин Гисандр, — начал отвечать за двоих Еврон, — медные заготовки и деревянное основание мы подготовим для шести, может восьми баллист.

— А что так мало? — удивился Тарас и даже хлопнул себя по коленям. — Подмастерьев и кузнецов вам пришлют столько, сколько потребуется. Можете давать им любые работы, самим ковать не обязательно. Ваша задача — обучить как можно больше мастеров тому искусству, что сами недавно узнали. Сейчас его хранить в тайне уже не надо, время изменилось. Так что придется поторопиться.

— Ну, — пробормотал Еврон, — тогда, может, и осилим штук десять. Главное, чтобы мастерские, что канаты плетут, не подвели. Это ведь дело не быстрое.

— Не подведут, — успокоил их Тарас, погладив ножны своего меча, — я об этом позабочусь лично. Вы свое дело делайте хорошо, а об остальном забудьте.

Мастера настороженно переглянулись — им еще никогда не приходилось так быстро работать, — но кивнули. А что им оставалось делать.

— Ну а ты начнешь немедленно готовить свои порошки, — наказал Тарас, обернувшись к лекарю-оружейнику, пока не участвовавшему в разговоре.

— Да где же я начну, господин, — всплеснул руками Темпей, даже вскочив с теплого камня, — все же сгорело. Всего два горшка осталось. Ни трав, ни заготовок каких, кроме небольшого количества, что я в телеге, к счастью, оставил.

Тарас призадумался. Про вчерашний пожар он уже успел позабыть. Но такая мелочь не могла остановить выполнение госзаказа. Он уже «закусил удила».

— Ничего, помещение мы тебе найдем, — решил он, — это не проблема, — а вот сырье собирать сам будешь. Возьмешь себе подмастерьев столько, сколько захочешь, можешь хоть всех свободных илотов забрать и обшарить все окрестности, но к исходу десятого дня с тебя не меньше пяти горшков на каждую баллисту. А не то... сам понимаешь, что с тобой будет. Я царю обещал все сделать быстро.

Тщедушный Темпей хотел что-то возразить, но встретив непреклонный взгляд господина, испустил только вздох. Его глаза покорно отвечали: «Ну надо, так надо». Тарасу этого было достаточно. Если Темпею хорошенько пригрозить, то работал он гораздо лучше. Впрочем, не он один.

Следующая неделя пролетела для Тараса как один день. Каждое утро он начинал с обхода мастерских, разбросанных на приличной территории, между холмами и морем, а заканчивал с посещения новой лаборатории алхимика, которому отвели сразу несколько периекских лачуг на самом берегу моря. Вдали от остальных, чтобы не спалил невзначай еще что-нибудь ценное. Ближе всех к нему располагалось производство «главных инженеров проекта» Поликрата и Еврона, которые ежедневно, в отведенной им деревне, проводили «мастер-класс» перед остальными оружейниками и кузнецами, рассказывая, как именно нужно изготавливать детали, чтобы баллиста получилась надежной. Опыт у них уже, хвала богам, был немалый. Так длилось три дня подряд, а затем оружейники разошлись по своим деревням, и два грека из Кифанты сами принялись обходить все бараки, в которых ковалось оружие победы. Втайне от эфоров и всей остальной Греции.

Это обстоятельство радовало и настораживало Тараса одновременно. Он никак не мог понять замыслов царя. После уточнения «плана производства» Тарас замахнулся на изготовление пятнадцати баллист в ближайшее время. Но сырья и материалов в его распоряжении было — Гисандр посетил еще несколько отдаленных складов, в числе которых были те, что он видел на берегу — минимум на пять или шесть дюжин метательных орудий. А запас белого льна превосходил эти цифры чуть ли не вдвое. Такой арсенал мог пригодиться только для вполне масштабных действий. Впрочем, в данный момент шла война

с Персией, а более масштабного предприятия было не придумать. Мысли о том, что все это не совсем стыкуется с военной политикой патриархальной Спарты, Тарас старательно гнал от себя, полностью погружаясь в ежедневные заботы и старясь забыть обо всем, что мешало выполнению задачи. И преуспел в этом.

Когда спустя почти три недели как снег на голову к нему явились гонцы из столицы, он и думать забыл о выборах эфората, втайне мечтая, чтобы и о нем в Спарте все позабыли. Работы над «секретным проектом» шли полным ходом, все набирая обороты. К этому моменту у Тараса было готово уже восемнадцать баллист, и еще две должны были собрать на днях. Запаздывали канаты. Для большинства орудий он даже провел ходовые испытания и пристрелялся по мишеням, разнеся в пух и прах каменными ядрами большое количество телег и специально сколоченных щитов, изображавших персидских солдат. Однако оказалось, что изготовить метательные орудия гораздо проще, чем огненную начинку к ним. Темпей оказался слабым звеном и никак не мог изготовить нужное количество порошка в столь короткие сроки. На каждую баллисту пока приходилось не больше одного горшка.

— Новые эфоры хотят видеть у себя героя Фермопил и защитника Дельфийских проходов, Гисандр, — сообщил ему затянутый в доспехи гоплит, за которым стояли еще пятеро таких же. Целое посольство, разыскившее его в доме у царского пифия.

С гордым видом от сознания собственной важности гоплит отвел рукой свой алый плащ в сторону и, вынужден из-за нагрудника табличку, протянул ему с поклоном.

— Завтра же, — добавил он, когда Тарас взял ее в руки.

Глава девятая

Прощай, оружие

Минута, может больше, прошедшая с того мгновения, как перестал звучать голос эфора, показалась Тарасу вечностью. Его разум отказывался верить столь четкому и необратимому приговору.

— Понял ли ты нас, Гисандр? — снизошел до разъяснений эфор по имени Фидий, сухощавый старик с козлиной бородкой, облаченный в простой гиматий. — Слышал ли ты ясно, что решили спартанцы?

Он пристально вглядывался в лицо стоявшего перед ним гоплита, словно все еще сомневался в том, что Гисандр его действительно услышал. Слишком уж отрешенным было лицо победителя Гимнопедий.

— Да, — наконец выдавил из себя Тарас, и собственный голос показался ему каким-то шепотом мертвеца из загробного мира, — я все слышал ясно.

Он сделал усилие и обвел взглядом всех эфоров, говоривших с ним от имени спартанского народа. Это происходило в небольшом круглом зале с колоннами для тайных совещаний, примыкавшем к зданию народного собрания, где принимались все важнейшие решения. Здание находилось недалеко от Хороса. Со своего места Тарас мог видеть статуи Артемиды и Латоны, возвышавшиеся на пьедестале и грозно взиравшие на него, словно он был не прославленным гражданином, а предателем родины. В обычное время народных собраний здесь бывало шумно, но сейчас в соседних домах было пусто. Все разговоры в апелле и герусии отшумели еще вчера, и Тарас был вызван лишь для того, чтобы узнать окончательную волю «народа».

— Спартанцы постановили, — напомнил еще раз Фидий, говоривший от имени остальных эфоров, — что победа при Фермопилах над персами была одержана лишь силой спартанского оружия и несгибаемого духа ее воинов. Лакедемон прославляет царя Леонида и тебя, Гисандр, как героев этого сражения, а также защитников нашей святыни в Дельфах. О царе и твоих подвигах сложат песни.

Фидий замолчал ненадолго и даже встал от волнения со своей скамьи, сделав шаг навстречу Тарасу, стоявшему посреди круглого зала в полном боевом облачении.

— Но о... повозках, — продолжил он, — метаящих гром и огонь, тебе приказано

забыть. Не может смертный вмешиваться в дела богов. Наша сила в мече и копье. Так завещал нам Ликург, и мы будем хранить его заветы.

Тарас едва не выпалил, глядя в холодные глаза эфора, что эти «повозки» несколькими залпами уничтожили столько персов, сколько не смогло бы уничтожить спартанское войско за день сражения, но, хвала богам, сдержался. Хотя губы его все же дрогнули, и это не ускользнуло от Фидия.

— Так завещал нам Ликург, — с нажимом в голосе повторил Фидий, — или ты, Гисандр, хотел оспорить его мудрость?

— О, нет. — Гисандр преклонил колено, вперив взгляд в каменный пол. — Нам стоит биться только копьем и мечом. В этом наша сила.

— Ну что же, — смиловился эфор, обводя довольным взглядом остальных собравшихся с видом человека, который только что избавил общество от страшной опасности, — так и передашь царю Леониду, когда вернешься в Дельфы. Встань.

Тарас повиновался, хотя ноги его были сейчас как ватные. Внутри все klokотало от гнева, но общение с политиками научило его скрывать свои эмоции, хотя сейчас сделать это было особенно трудно.

— Царь просит помощи, — подал голос эфор по имени Ипполит, мужчина средних лет с мясистым лицом, которое по левой щеке пересекал глубокий шрам, «подарок» аргивцев, — персы атакуют его непрерывно.

«Второй враг царя среди новых эфоров, — как-то отстраненно отметил про себя Тарас, скользнув взглядом по колоннам и пылавшим жаровням, — о нем отец тоже предупреждал меня».

— Мы отправим в Дельфы еще одну армию, которая будет готова через три дня. Ты вернешься к царю вместе с ней, — закончил он излагать хорошие новости, — и поможешь своим грозным копьем сокрушить персов.

«С баллистами сокрушить их было бы гораздо легче, — с горечью подумал Тарас, сиюминутно скрыв свое разочарование и запахиваясь в алый плащ, — одним копьем против такой толпы много не навоюешь, будь ты хоть трижды герой Спарты».

Но вслух ответил с подобающей учтивостью:

— Мы прогоним персов или все умрем на поле боя. Другой судьбы у спартанцев нет.

— Возвращаясь с победой и помни, — кивнул на это Фидий, ухмыльнувшись с видом полного превосходства над собеседником — что отныне ты забудешь про свои огненные горшки. Если у тебя остались еще готовые повозки — ты уничтожишь их, повинаясь приказу. А прибыв в Дельфы, передашь царю Леониду нашу волю.

Тарас позволил себе лишь секунду сдерживать этот взгляд — холодный и умный, гипнотизирующий, как у змеи — и затем быстро отвел глаза в сторону. Иначе его уличили бы в дерзости.

«Да ты искренне стремишься властвовать над царями, — подумал Тарас при этом, — как и еще двое. Мало друзей осталось у Леонида среди эфоров. Ну да ничего, царем становятся на всю жизнь, а вас через год уже не будет».

Впрочем, это соображение мало успокоило Гисандра. Этот год еще предстояло прожить. Война с Персией была в самом разгаре, и чем она закончится, не знал никто. За год эфоры вполне могли сильно изменить судьбу самого Леонида и всех его приближенных, что отнюдь не радовало Тараса. Так что сейчас никто, кроме самого Аполлона, не мог предугадать финала этой истории.

Тарас вновь поймал на себе пронизывающий взгляд Фидия и почувствовал, что тот не верит ему до конца. «Не зря же Фидий стал эфором. Дураков здесь не держат. Значит, будут следить, — решил Тарас, направляясь к выходу и поправляя застёжку шлема, — если уже не следят. Надо будет вести себя осторожнее. Впрочем, первым делом надо все обсудить с отцом и пифием, а там видно будет».

— Гисандр! — окликнул его у самого выхода третий эфор, молчавший до сих пор.

Тарас остановился, как вкопанный. Этого эфора звали Тидей, и он был, пожалуй,

единственным другом царя в новом составе эфората.

— Не забудь, что ты должен принести очистительные жертвы и готовиться к выступлению в поход вместе со второй армией, — проговорил Тидей, не вставая с места, — где бы ты ни провел ближайшие три дня, тебе надлежит вернуться в Спарту в срок.

Это было явно излишним напоминанием, Тарас отлично знал, что ему следует делать согласно обычаям Лакедемона перед походом. А очистительные жертвы предлагалось провести из-за того, что он согрешил в глазах общины, замахнувшись на промысел богов. Выступать на новую битву он мог, лишь очистившись от этой скверны свободомыслия. Но Гисандр понял и тайный смысл сказанного. Тидей привлек его внимание, чтобы напомнить — у царя все же есть друг среди эфоров.

— Я исполню все обычаи, — подтвердил Тарас, слегка наклонив голову в шлеме с красным гребнем, — и вовремя вернусь в расположение армии.

— Ступай, — царственным жестом отпустил его Фидий, — мы сказали все.

Если бы мог, Тарас с большим удовольствием выматерился бы по-русски, едва оказавшись на улице. Но здесь стояли охранники, а кроме того, несколько членов герусии наблюдали за ним, когда он покидал эти неуютные стены. Поэтому Тарас бодрым шагом прошествовал мимо небольшого скопления людей и направился к выходу из города. Лишь там, оказавшись на окраине, он громко выругался и послал эфоров ко всем чертям, каких только знал. Особенно досталось Фидию.

— Вот надменная сволочь, — ругался Тарас, пружинящим шагом передвигаясь в сторону отцовского имения, — ведет себя так, словно это он царь, а Леонид у него на побегушках.

Он ругался вслух почти всю дорогу, дав выход накопившим за время долгожданной аудиенции чувствам, и успокоился лишь тогда, когда завидел поля родного имения, где велел дожидаться себя своим «спецназовцам». Все они были здесь. Отца, однако, на месте не оказалось. Как сообщил Панорм, встретивший его у порога, геронт Поликарх еще вчера немедленно отбыл по приказанию эфоров с проверкой в южные области Спарты, откуда должен был вернуться не раньше чем через пять дней.

— Он очень сокрушался, что не сможет увидеться с вами в ближайшие дни, господин Гисандр, — проговорил погрустневший Панорм, — но выбора у него не было. И велел передать вам это.

Управляющий протянул небольшую табличку для письма Тарасу и учтиво удалился в дом. «Опять эти эфоры», — подумал Тарас и нервно взломал печать. На иссеченной поверхности было вычерчено всего несколько слов: «До моего возвращения ты можешь доверять только пифию».

— А кому же еще мне теперь доверять, — вздохнул Тарас, глядя на пустой дом, — больше никому. Боюсь, отец, теперь мы долго не увидимся. Пусть хранят тебя боги.

Сделав знак своим людям следовать за ним, Тарас направился вниз по дороге. Спустившись с холма, он остановился и несколько секунд поглядывал в сторону Пелланы, размышляя, не наведаться ли еще разок перед отправкой на фронт к Елене. Но даже быстрая дорога туда и обратно могла занять все оставшееся время, а ситуация с баллистами, казалось решенная раз и навсегда, почему-то беспокоила Тараса все сильнее. И, вздохнув еще раз, он приказал, обернувшись к Брианту:

— Мы идем в царское имение. А ты отправляйся в Пеллану. Скажешь госпоже Елене, что я вновь отправляюсь воевать в Дельфы и приказал забрать своих людей. Вернешься вместе с ними в царский темен. Торопись.

Посмотрев в спину Брианту, который немедленно затрусил в сторону северных провинций, Тарас тоже перешел на легкий бег. Предстояла новая разлука с семьей, но поделаться было нечего. Он был солдатом. И ему нужно было спешить.

Когда они прибыли в имение, пифий был у себя, казалось, уже ждал его, словно знал, что спартиат прибудет с минуты на минуту. Однако поведение Клеандра, спокойно

разбавившего какие-то папирусы на столе, озадачило гоплита.

— Ты решил не присылать гонца, а явился сам, — поинтересовался он веселым тоном, который обескуражил и без того расстроенного Тараса, всю дорогу размышлявшего о том, что же теперь делать со всей этой артиллерией, так опрометчиво изготовленной загодя.

— Не хотел подвергать его жизнь опасности, — мрачно пошутил Тарас, усаживаясь на скамью и поправляя ножны меча, — за плохие новости у нас обычно убивают.

— А что, разве ты принес мне плохие новости? — вновь усмехнулся Клеандр. — По моему, все идет великолепно.

Тарас ушам своим не поверил, но решил не играть больше в слова — в Лакедемоне это было не принято — и, собравшись с духом, выпалил:

— Эфоры запретили царю использовать метательные машины. Это конец. Мы зря все затеяли и теперь должны сжечь все баллисты.

— Но ведь тебя не казнили? — как ни в чем не бывало, осведомился Клеандр, отрывая взгляд от папируса. — Значит, хорошие вести все же есть.

— Да, мне сохранили жизнь, — нехотя признал Тарас, переводя взгляд с папирусов на лицо пифия, который словно пропустил мимо ушей известие о полном провале блестящего предприятия, — даже назвали героем. Но я шел туда не для того, чтобы услышать это.

— Разве это плохо, Гисандр, быть прославленным героем Греции? — продолжал ерничать царский пифий, окончательно сбив его с толку. Клеандр отнюдь не выглядел расстроенным или обескураженным, услышав о том, что ему следует уничтожить все, что он успел изготовить за последние дни напряженной работы.

— Я надеялся, что боги вразумят эфоров и они разрешат нам использовать баллисты для усиления мощи спартанской армии, — проговорил Тарас, — а они твердили лишь о том, что нужно соблюдать заветы Ликурга.

— Все спартиаты должны чтить законы и обычаи, оставленные Ликургом, — подтвердил пифий, став нарочито серьезным, — на этом и стоит наша община.

— Но Ликург не завещал нам ни флота, ни баллист, — выпалил, не сдержавшись, Тарас, вскочив со своего места, — а именно благодаря им мы победили у Фермопил.

Он вперил обезумевший взгляд в Клеандра, который спокойно смотрел на него, не вставая из-за стола.

— Что будет, если вторая армия опоздает? — почти выкрикнул Тарас ему в лицо, опершись руками о стол. — Или в конце концов флот Ксеркса разобьет афинян и появится у этих берегов? Ведь их флот огромен, персам служат лучшие моряки восточных стран — египтяне и финикийцы, — а у нас флота нет. Чем мы будем защищаться, ведь у наших городов, согласно заветам Ликурга, нет даже крепостных стен!

Выкрикнув все это, Тарас вдруг осознал, что разговаривает с представителем самого царя, а не с другим гоплитом, своим собратом по оружию. Он резко умолк и взял себя в руки. Распрямившись, он стоял теперь молча, ожидая гневной отповеди за свою истерику, недостойную сдержанных спартанцев. Но пифий не торопился его казнить.

— Царь не ошибся в тебе, — изрек он наконец и, указав на скамью, добавил спокойным голосом: — Сядь, Гисандр. Разговор будет долгим. Мне много нужно тебе рассказать, так как час настал.

Пифий отложил в сторону папирус, который урывками читал во время беседы с Тарасом, и заговорил неспешно, словно и не было никаких срочных дел и плохих известий за последние дни, угрожавших его интересам.

— Еще отправляясь сюда, Леонид предвидел, что новые эфоры начнут интриговать против него. Царь даже не надеялся на то, что они позволят принять грозное оружие, которым ты помог нашей малочисленной армии сокрушить персов у Фермопил, — произнес Клеандр, посмотрев на притихшего Тараса, — царь отлично понял, на что способно твое оружие, и поверил в него. Иначе здесь не было бы ни меня, ни тебя.

— Но, — робко пробормотал Тарас, — как же заветы Ликурга...

— Они давно устарели, — спокойно заметил на это Клеандр, — как и многие наши

обычаи. Пришла пора многое изменить в жизни Лакедемона.

— Изменить? — переспросил Тарас, который не поверил свои ушам.

Он в ужасе взирал на Клеандра, который спокойно и открыто говорил ему такие «богохульные» вещи, за которые в Спарте полагалась немедленная смерть. За последние годы гражданин Лакедемона Гисандр, с детства воспитанный в лагере палками педономов, привык к тому, что здесь никто и ничто не может измениться. Законы Ликурга незыблемы. Они предопределили историю Спарты на сотни лет вперед. И при жизни здесь ему оставалось лишь плыть по течению в этой «застывшей стране», мечтая, как и все остальные, о героической смерти во имя Лакедемона. Смирившись во многом, он уже преуспел на этом пути, предначертанном всем до одного спартиатам. Но все же в глубине души, рожденной далеко от этого мира, еще теплилась надежда на другой исход. И потому, услышав из уст Клеандра слово «изменить», он вздрогнул, словно получил оплеуху.

— Но ведь, когда мы плыли сюда, я слышал от мудрого Клеандра совсем другие речи... — пробормотал Тарас, не сводя глаз с пифия.

— По дороге в Спарту я не мог тебе еще всего рассказать, — ответил Клеандр, в задумчивости слегка погладив бороду, — так как еще не произошло того, о чем мы договорились с царем Леонидом. А теперь...

Тарас не перебивал, понимая, что настал момент истины.

— А теперь, — продолжил пифий, медленно подбирая слова, — после того как я расскажу тебе все, тебе придется выбрать....

Их взгляды встретились. Тарас понял, что на этот раз Клеандр и не думал шутить. Вопрос действительно стоял о жизни и смерти. Но Тараса это не пугало, хоть какая-то определенность лучше, чем томительное ожидание. И он кивнул, глядя в глаза пифию.

— Царь решил не отказываться от той мощи, что дает твое оружие на войне. А на тот случай, если эфоры все же запретят тебе его создавать, — как и произошло вчера, — у меня есть тайный приказ.

Пифий встал, сделав несколько шагов к стене, и, развернувшись, закончил мысль.

— Ты немедленно должен покинуть Спарту.

— Я? — не сразу понял смысл сказанного Тарас. — Но ведь через два дня я и так должен вернуться в столицу и вместе со второй армией отбыть в Дельфы.

— Нет, Гисандр, — замотал головой пифий, — ты не пойдешь в Дельфы. Во всяком случае, не сейчас.

Он вновь шагнул к столу, на котором были разложены папирусы, — Тарас даже подумал, не тайные ли это оракулы Аполлона изучает пифий, — и сел на свое место.

— Вместо этого ты погрузишь на корабли в порту все готовые баллисты и отплывешь на Итаку.

— Но ведь это... — пробормотал Тарас, понимая, что его втягивают в открытое неповиновение эфорам, которые такого не прощают.

— Да, — спокойно кивнул Клеандр, — эфорам твое исчезновение не понравится. Но я же говорил, тебе придется выбрать, кому служить. Царь Леонид верит тебе и ценит твой ум, силу и ловкость. Он же дает тебе возможность выбора. Ведь и для Спарты настают дни выбора новой судьбы. Ты можешь отказаться и присоединиться через два дня к армии, которая направится в Дельфы. Либо выполнить то, что он тебе приказывает сейчас через меня. Леонид умеет благодарить своих людей. Но решать тебе, Гисандр.

Пифий замолчал, выжидая. А у Тараса вдруг появилось четкое ощущение, что именно такого исхода он и ждал. Давно ощущая в глубине души, что должно произойти нечто подобное. И, когда это случилось, ответ сам собой всплыл на поверхность, ведь особенно размышлять ему было не о чем. Он давно находился там, где хотел.

— Я решил, — кивнул он, — во славу Аполлона я выполню все, что прикажет мне царь Леонид.

— Если начать погрузку немедленно, то завтра на рассвете ты сможешь отплыть, — проговорил пифий, кивнув, словно иного ответа от Гисандра и не ожидал, — я дам тебе

письмо к Иксиону, который встретит тебя на острове и даст все, что тебе потребуется. Он наш должник. Но письмо не должно попасть в чужие руки. Поскольку сейчас мы еще «дружим» с эфорами, которые не должны узнать о тайных делах царя. А твое исчезновение — это лишь странность, которая будет волновать их до поры до времени, а потом либо забудется, либо нас уже не будет волновать их мнение.

Тарас кивнул, жадно внимая словам пифия. Для него неожиданно вырисовывалась очень интересная экспедиция.

— Ты помнишь тот флот в гавани Ватхия из пятнадцати новехоньких триер, который так заинтересовал тебя? — прищурился пифий.

— Неужели... — не поверил своему счастью Тарас.

— Да. Это тайный флот царя Леонида, который он создал вдали от своих берегов, — огорошил его таким известием Клеандр. Пифий невольно усмехнулся, глядя на неподдельную радость гоплита, так мечтавшего, чтобы у Спарты появился флот. И вот он совершенно неожиданно появился.

— Но, — продолжал пифий раскрывать перед Тарасом горизонты тайной политики одного из спартанских царей, — у этого флота еще нет команды. Лишь небольшая группа моряков, нанятая, чтобы содержать его в порядке в гавани Итаки.

Тарас замер в ожидании еще одного задания. И оно не заставило себя долго ждать.

— Тебе придется набрать из людей Иксиона команду и обучить ее драться по-спартански, — приказал Клеандр, — или чтобы они хоть немного были похожи на настоящую армию.

— Но ведь это пираты, — припомнил Тарас давний разговор о вожде Иксионе и его людях.

— Это так, — не моргнув глазом согласился царский пифий, — но других людей на Итаке у тебя не будет. Я напишу Иксиону, чтобы он помогал тебе во всем. Он умелый вождь, хотя и не спартанец. Однако обуздывать этих пиратов тебе придется самому.

— Мне учить их только спартанскому бою? — уточнил Тарас, которому в голову сразу же полезли всякие мысли о строевой подготовке морпехов. Ведь ему предстояло подготовить соединение солдат, которые должны были передвигаться именно на кораблях.

— Можешь учить их как хочешь, — отмахнулся пифий, — мир меняется. Главное чтобы в скором времени на наших кораблях появилась боеспособная команда. А кроме того...

Пифий отложил в сторону один из папирусов и немного наклонился вперед.

— А кроме того, подумай, как еще можно использовать в бою те метательные машины, которыми ты громил в горах персов. Я не думаю, что наши корабли долго простоят без дела на Итаке.

Тарас едва не поперхнулся, услышав такой новаторский подход к войне. Пифий недвусмысленно намекал ему о том, что можно попытаться использовать баллисты в морском бою. «Интересно, он сам додумался или подсказал кто?» — мысленно улыбнулся Тарас, но вслух насмехаться не стал. За эти двадцать минут он зауважал пифия еще больше. Мужик был толковый. Да еще новатор в военном деле, не боявшийся идти вместе с царем против воли эфоров. Для Спарты это было большой редкостью.

— Я думал об этом раньше, — поделился соображениями Тарас, положив руки на колени. — Если баллисты установить на кораблях, то они из лодок, которыми можно только таранить, превратятся в смертоносное оружие такой мощи, которой нет еще ни у кого в Греции. Но для этого надо немного переделать корабли.

— Что ж, — рассудил Клеандр, — можешь попытаться выполнить свой замысел, пока будешь находиться на Итаке.

— А как быть с грузом, что мы привезли на остров? — вновь осмелился спросить о царском золоте Тарас. — Иксион будет и дальше охранять пещеру со своими людьми или мне сменить его охрану.

— Иксион встретит тебя и даст тебе кров, — ответил Клеандр, немного подумав, — он

один из местных вождей и будет во всем помогать тебе, но я назначаю тебя командующим всеми новыми спартанскими силами на суше и на море, которые будут созданы на Итаке. Это значит, что и сам Иксион должен будет подчиниться тебе, хотя это и не очень придется ему по нраву. Кроме него, там есть несколько вождей помельче, оспаривающих власть Иксиона. Некоторые из них опасны. Но в данной обстановке тебе лучше не влезать в местные дрязги. Твоя задача — оснастить флот и подготовить команды кораблей, не вызывая смуты на острове.

«Это нелегко будет сделать, не привлекая к себе вообще никакого внимания. Пятнадцать триер не иголка. С такими силами можно и весь остров захватить. Но я так и не услышал, а как же золото?» — подумал Тарас.

Он не решился повторить вопрос, но пифий прочел его по глазам собеседника.

— Первое время, пока будешь разбираться, что к чему, пещеру будут охранять воины Иксиона, ему хорошо заплачено, — разъяснил пифий после недолгих размышлений, — а потом... Впрочем, до этого не дойдет.

Пифий встал.

— Все. Можешь идти, готовиться к отплытию.

— А долго я пробуду на Итаке? — задал еще вопрос гоплит, поправив доспехи.

— До тех пор, пока я не приплыву за тобой, — ответил пифий и добавил, став серьезным: — Однако я собирался посетить этот остров еще не скоро. Надо подождать, пока уйдет армия и улягутся все волнения.

— Я не успел предупредить семью, — вспомнил Тарас.

— Твоему отцу и жене я сообщу, — успокоил его пифий.

«Дело серьезное, — подумал Тарас, — раз больше никто об этом не знает. Попал ты, брат, в самое пекло. Да и семью, похоже, втянул».

За остаток ночи предстояло сделать немало. К счастью, оказалось, что пифий, предупрежденный своими шпионами о последних изменениях настроений эфоров, заранее отдал приказ готовиться к погрузке, и часть баллист была уже размещена на кораблях. В распоряжение Тараса поступали два корабля, те самые, что привезли груз белого льна и до сих пор находились в личной гавани царя Леонида. Как выяснилось, это тоже были его корабли, лишь для вида принадлежавшие местной общине периеков.

— Мы поплывем вон на том, — указав на нужное судно, наставлял вечером Тарас алхимика, удивленного поворотом судьбы не меньше, чем он сам, — охрана предупреждена. Так что можешь хоть прямо сейчас нести туда все свои горшки, что уже успел приготовить. Только смотри осторожнее.

Темпей, привыкший к постоянным перемещениям за последние месяцы своей жизни, лишь вздохнул и отправился выполнять приказание. Он сразу понял, что спать ему в эту ночь не придется.

Погрузка продолжалась даже после захода солнца при свете факелов. А когда рассвело, Тарас отдал приказ грузиться на корабли небольшому отряду из наиболее проверенных и преданных царю периеков, которых пифий решил отправить вместе с Гисандром на Итаку. Пятьдесят человек не слишком большая сила, но все же лучше, чем ничего на острове, населенном бывшими пиратами. Его собственная охрана из «спецназа» была, как всегда, при нем.

— Отплываем, — махнул рукой капитану Гисандр, когда последний солдат в алом плаще, сжимая в руках копье и щит, поднялся на палубу груженных орудиями кораблей.

Небольшой караван быстро отчалил в предрассветной мгле и направился на юг, вдоль берегов Лакедемона, но на всякий случай отклонившись от них на приличное расстояние. Тарас, уже прибывший сюда этой дорогой, рассчитывал, что в местных водах они вряд ли повстречают множество других спартанских кораблей. Однако почел за благо не дразнить судьбу еще до прибытия на отдаленный остров, который на ближайшее время должен был стать его домом.

Сам пифий оставался в Спарте «прикрывать» его бегство и распространять самые

нелепые слухи о его исчезновении, чтобы отвлечь внимание и отвести подозрения от его семьи. Ведь здесь оставались его отец Поликарх и Елена с сыном. Главной пока была выбрана легенда том, что Гисандр пропал в горах во время охоты на дикого кабана, на которую решил отправиться незадолго до возвращения в столицу. Такие кровавые развлечения в Спарте поощрялись, а дикий зверь иногда мог оказаться сильнее любого тренированного человека. Но подтвержденных известий о смерти не должно было поступить быстро. «Знал бы ты, как я сюда попал, — невесело ухмыльнулся Тарас, когда пифий предложил ему эту легенду, — и что стало с настоящим Гисандром. Вот удивился бы».

А кроме того, Клеандр намеревался ни на минуту не прекращать тайное производство баллист, уже набравшее хорошие обороты.

— А если эфоры пронюхают о том, что здесь творится? — поинтересовался Тарас, когда они виделись последний раз на пирсе, куда пифий пришел проводить беглецов. — Теперь ведь эти работы под запретом.

— Не беспокойся, Гисандр, здесь все же царская земля, — ответил пифий, как ни в чем не бывало, и как-то загадочно улыбнулся, — не каждый посмеет сюда сунуться. Охрану я устроил. Ну а если сюда задумают явиться сами эфоры с проверкой, я успею подготовиться к встрече.

«Интересно, что он задумал, — размышлял Тарас, не понимая до конца, к чему клонит пифий, — ну да ладно, этот парень с двойным дном, от него всего можно ожидать. У меня и своих проблем хватит. Я же теперь и мертвец, и беглец одновременно. А это дело хлопотное. Жаль только, Елену с отцом лично предупредить не успел, но Клеандр обещал это сделать в ближайшие дни».

Тарас машинально нащупал под панцирем небольшой папирус — письмо пифия к Иксиону. Это была не дощечка, и в случае чего его можно было просто бросить в воду, чтобы уничтожить. Берег Спарты быстро исчезал из вида. Пора было подумать о будущем.

— Успею еще, — тихо произнес Тарас, отворачиваясь от берега и направляясь к своему месту под тентом на корме, укрывавшим его от солнца и дождя на этом небольшом торговом корабле, — надо выспаться. Всю ночь глаз не сомкнул.

И перепоручив капитану из периеков следить за курсом, а своим «спецназовцам» охранять покой, провалился в сон.

Глава десятая

По стопам Одиссея

Бегство из Спарты прошло спокойно. Никто не стремился перехватить два корабля периеков ни у самых берегов Прасии, ни у Заракса, ни дальше у Эпидавр-Лимеры. Никакой «береговой охраны» у спартанцев, к счастью для Тараса и его спутников, не было. Однако, чтобы сохранить свое плавание в полной тайне, морякам пришлось поневоле ночевать в море, в сумерках лишь приближаясь к берегам Лакедемона. Однако Посейдон не препятствовал этому путешествию. Море на всем протяжении плавания оставалось спокойным. Более того, почти все время дул попутный ветер, так что гребцы часто отдыхали. Тарас считал такое начало хорошим знаком.

— Боги на нашей стороне, — радостно потирал руки Тарас, когда убедился, что они уже давно миновали мыс Тенар и скоро оставят позади Метону. А там и протяженный берег Спарты, поневоле нервировавший Тараса, закончится, — еще немного и потянутся берега Элиды. Капитан говорит, что там мы сможем наконец переночевать в любом из портов.

— Хорошо бы, господин Гисандр, — согласился бледный алхимик, — а то меня мутит с того самого момента, как я взшел на этот корабль.

— Не ной, — хлопнул его по плечу гоплит, пребывавший уже давно в хорошем расположении духа, которое возникло у него сразу после того, как он осознал перспективы своего пребывания на отдаленном от метрополии острове, — еще денек и скоро мы прибудем на место. Вот там тебе будет, где развернуться. Нас ждут такие грандиозные дела,

что скучать тебе, брат-алхимик, не придется.

Воздух свободы пьянил голову Тараса, осознавшего, что уже в самое ближайшее время он сможет заниматься именно тем, чему хотел посвятить свою карьеру в Спарте. И никто не будет ему мешать. Напротив, все местные вожди обязаны будут ему только помогать. Во всяком случае, так обещал ему пифий, а он слов на ветер не бросает.

— А куда мы плывем? — впервые за время путешествия поинтересовался Темпей, настолько поглощенный сначала погрузкой своих драгоценных горшков и сырья для «гремучей смеси», а затем самой погрузкой, что даже не спросил хозяина о цели путешествия.

— На Итаку, — решил не темнить Тарас, но все же оглянулся по сторонам, словно боялся чужих ушей, — ты узнал об этом первым. Ни моряки, ни солдаты, ни даже капитаны еще об этом не догадываются.

Темпей, которого действительно мутило, был польщен оказанной ему честью, но лишь криво улыбнулся в ответ на эти слова. Он предпочел бы сойти на берег немедленно, а не болтаться в море еще неизвестно сколько.

Однако, словно назло ему, Тарас в последний момент передумал, и спартанские суда, уже намеревавшиеся заночевать в ближайшем порту Элиды, вынуждены были провести эту ночь вблизи ее берегов.

— Нечего зря глаза мозолить, — объяснил он разочарованному Темпею, — мало ли что. Среди спартанцев мало торговцев. Нас местные коммерсанты быстро срисуют. Может, кто из них со шпионами эфоров знает. А мне это пока ни к чему. Я же пропал без вести. А воскресать мне рановато. Сначала дело надо сделать.

Бедному врачу ничего не оставалось, как смириться. Но к его счастью, плавание скоро закончилось. На третий день, миновав Закинф, они увидели на горизонте еще два острова, разделенные проливом в несколько стадий шириной. Случилось это, едва солнце успело миновать зенит. Один остров был намного больше другого, но оба были покрыты горами.

— Ну вот мы и дома, — ухмыльнулся Тарас, рассматривая тот остров, что уступал в размерах собрату. В эту минуту ему казалось, что все проблемы позади.

— Куда править, господин Гисандр? — уточнил подошедший капитан, когда оба острова значительно выросли в размерах. Он был не очень доволен тем, что Тарас выдавал ему информацию порциями, до сих пор держа в неведении относительно конечной цели путешествия. Но особого вида не подавал. Спартанцы скоры на расправу.

«Ты еще не знаешь, что в обратный путь тебе не скоро, — мысленно не удержался от злорадства Тарас, от которого не ускользнуло недовольство периека, — будешь торчать здесь вместе со мной, до тех пор пока вожди не придумают нам новой работенки».

Перед самым отплытием Клеандр сообщил ему, что корабли в Спарту не вернутся. Иначе шпионам эфоров и Леотихида узнать о местонахождении Тараса и его груза не составит труда. Однако Гисандр понимал, что не только о нем так печется пифий. Потерять такого классного бойца и готовые баллисты, конечно, радости мало, но Клеандр не мог допустить, чтобы кто-нибудь проведал о местонахождении того, главного груза, на котором зиждилось тайное могущество царя Леонида. Недаром дельфийские жрецы так не хотели выпускать из своего хранилища даже часть этого «груза». Молитвы молитвами, а золото и подношения они любили еще больше.

— Кефалления нам не нужна, — признался наконец Тарас, — бери правее. На Итаку. Я хочу пристать к острову в центре, там, где находится бухта города Ватхия. Слышал о таком?

Капитан кивнул.

— Да. Мне доводилось бывать там однажды.

— Вот и правь туда, — закончил с приказаниями Тарас, стоявший на корме корабля и с наслаждением наблюдавший за морем, просторы которого бороздила сейчас еще дюжина триер и «торговцев», не считая десятков мелких рыбацких лодок, заполонивших прибрежные воды. На Итаке обитало множество рыбаков.

Теперь, когда он «вырвался» из Спарты, у него появилось какое-то странное ощущение. Тарасу показалось, что теперь, пока его считают мертвым, и никто не ищет, он наконец может делать то, что пожелает. Вернее, как пожелает. Поскольку что именно делать, ему было совершенно четко приказано, хозяева у него все же оставались. И забыть он об этом не мог никак. Да, впрочем, и не хотел. В этом жестоком мире с хозяином было как-то проще и понятней. Время вольных рыцарей, странствующих в поисках приключений по свету, еще не пришло. Да и те, насколько мог припомнить Тарас, все время стремились поступить к кому-нибудь на службу.

Разминувшись с несколькими кораблями, которые покидали остров, нагрузившись вином, рыбой и овечьей шерстью, спартанские «торговцы» вошли в гавань Ватхия. Она показалась гоплиту полупустой, что было неудивительно — большинство местных мореплавателей были рыбаками, если не вспоминать о пиратах.

Присматриваясь к стоявшим здесь кораблям, Тарас не без удовольствия отметил корпуса новехоньких триер, выстроившихся на дальнем конце пирса в небольшой заводи. Корабли были пришвартованы позади самых больших из рыбацких судов, но все равно не могли скрыть своих размеров от постороннего глаза. Каждый встречный военный корабль радовал сейчас глаз новоиспеченного главнокомандующего своими изящными обводами. По счастью, им почти не встретилось таковых по дороге сюда. Никаких военных сил, кроме «бесхозных» триер, в этой гавани не было. Во всяком случае, Тарасу на глаза ничего не попало.

— Но должны же местные пираты на чем-то плавать, — пробормотал он себе под нос, пока корабль швартовался у пирса, неподалеку от триер, — не на рыбацких же лодках грабить проходящие караваны.

Впрочем, он был немного наслышан, что пираты на многочисленных островах Греции пользуются разнообразными кораблями. Если ветер вдруг стих и «торговец» застыл в опасной близости от берегов, то для его захвата частенько хватало и нескольких больших лодок на веслах. У «торговца» ведь весел не было вообще. Именно поэтому они предпочитали ночевать либо в защищенной гавани, либо в открытом море, благо конструкции «круглых» судов позволяли пережить там даже непогоду.

Спустившись на пристань, где толкались в этот дневной час человек тридцать торговцев, рыбаков и моряков, Тарас взял с собой лишь своих «спецназовцев» и Темпея, приказав пока остальным периекам охранять корабли с ценнейшим военным грузом.

Оплатив подошедшему сборщику плату за стоянку своих кораблей на два дня вперед, Тарас в сопровождении небольшого эскорта направился напрямик к триерам, охраняемым, как он знал от пифия, людьми того самого Иксиона, которого он намеревался разыскать еще до заката. Наглые рожи десятка охранников, дремавших прямо на мостках у ближайшей триеры, убедили его в том, что Клеандр не обманул. С виду это были настоящие головорезы, по сравнению с которыми привыкшие убивать, но дисциплинированные спартанцы выглядели просто интеллигенцией. Эти вояки вовсе не имели шлемов, а большинство и защитных нагрудников, вооружены же были лишь щитом и слегка изогнутым мечом, если не считать широких кожаных поясов. Окинув их взглядом человека, которому уже приходилось отбирать новобранцев в армию, Тарас был готов подписаться подо всеми словами пифия.

«Трудновато будет сделать из них послушных солдат, — слегка озадачился он, приближаясь к начальнику караула, которого сразу выделил взглядом, — возможно, придется убить двоих-троих для острастки. Главное, не перегнуть палку. Кто его знает, какой расклад сил на этом острове».

— Эй, — приблизившись, обратился он начальственным тоном к здоровенному детине с серьгой в ухе, который молча взирал на приближавшихся спартанцев, скрестив руки на груди, — вы люди Иксиона?

— А ты кто? — без должной учтивости ответил голый по пояс грек, разглядывая доспехи и плащ Гисандра. — Спартанец? Что-то я тебя раньше здесь не видел.

— Я Гисандр, — ответил Тарас, едва сдержавшись, чтобы не выхватить меч, — твой

хозяин ждет меня по важному делу. Как мне найти Иксиона?

— Он сам решает, где ему быть и с кем говорить, — продолжал наглеть грек, за спиной которого постепенно собирались все его бойцы, — а мне ничего не приказывал насчет тебя. Так что ищи его сам, где хочешь.

Не тратя больше времени на разговоры, он хохотнул, развернувшись спиной к Тарасу. И зря. Не в силах стерпеть такую наглость, Гисандр молниеносным движением ударил его по коленям, а когда грек повалился на доски пирса, перекатившись на спину, выхватил копье у Брианта и прижал его к горлу наглеца. Да так сильно, что тот захрипел, а по шее потекла тонкая алая струйка. Но Гисандр точно рассчитал усилие.

Остальные охранники, выхватив мечи, хотели уже броситься на незваных гостей, но «спецназ» мгновенно ошетинился копьями и заслонил их щитами, перекрыв доступ к месту выяснения отношений. Это произвело должный эффект. Охрана триер поняла, что перед ними не дети. Однако и они не собирались прощать покушение на своего главаря. На солнце засверкали клинки. Еще мгновение, и должна была начаться свалка.

— Стоять! — рявкнул Тарас. — Я не причиню ему вреда, если он будет благоразумен.

Охранники замерли, но были явно недовольны. Никто еще не разговаривал с ними так. Тарас чуть ослабил нажим копья.

— Встань! — приказал он поверженному противнику, и тот нехотя повиновался.

С его раскрасневшегося лица градом струился пот. Грек уже успел попрощаться с жизнью.

— Как твое имя? — уточнил Гисандр.

— Лиозос, — процедил сквозь зубы предводитель охранников.

— Ты прав, Лиозос, я действительно спартанец, — пояснил Тарас, — и я привык убивать любого за гораздо меньшую дерзость.

Чуть подтолкнув копьем грека, Тарас заставил его сделать шаг назад.

— Я тебе не враг, но не заставляй меня повторять вопрос, — напомнил он «задумчивому» греку, на лице которого играла странная усмешка. Сквозь нее проглядывали страх и уязвленная гордость одновременно. Он явно что-то замышлял, пытаясь вывернуться из этой позорной для своего авторитета ситуации.

«Труслив, но хитер, — закончил Тарас свои наблюдения, — от такого можно ожидать всего».

Он не ошибся. Все так же молча шагнув назад, Лиозос сделал едва уловимый жест рукой — что, однако, не укрылось от Тараса — и вдруг бросился с пирса в воду. А Тарас едва успел уклониться от острого ножа, просвистевшего в двух сантиметрах у виска. Один из подручных Лиозоса метнул его в предводителя спартанцев, но, к несчастью для себя, промахнулся. «Спецназ» воспринял это как сигнал к атаке.

— Не убивать, — крикнул Тарас, не сдерживая больше своих людей, — только обезоружить.

Его бойцы прямо на пирсе сшиблись с пиратами, которых здесь было примерно столько же. Правда, на звук драки сюда от дальних триер спешили еще люди Лиозоса, но Тарас рассчитывал закончить вынужденный обмен любезностями гораздо раньше, чем они подспеют. Иначе стычка могла перерасти в сражение. Конечно, у него в запасе находилось еще пятьдесят вооруженных до зубов периеков, но не стоило устраивать побоище из-за одного барана, едва прибыв на остров. Пифий предостерегал его именно от этого. И все же — драка уже началась.

Обезоружив своего противника, Никомед ударом ноги повалил его на доски пирса и хорошенько приложил носком сандалии между ног. Пират, взыв от боли, заголосил на всю гавань. Другого здоровяка бывший рядом Мегаклид, сделав несколько обманных движений, умудрился поразить тыльной стороной копья прямо в лоб, отчего грек выронил оружие и рухнул оглушенный. В схватках между остальными бойцами поначалу одерживали верх пираты Лиозоса. Яростно размахивая мечами, им удалось отогнать обратно спартанцев. Но те скоро исправились. Двоих пиратов столкнули в воду, обезоружив. Остальных уложили

на мокрые доски деревянного настила, хорошенько образумив перед этим точными ударами рук и ног.

Тем временем Тарас решил все же примерно наказать своих обидчиков и сделать это лично. Заметив, кто бросил в него нож, — это был низкорослый боец в кожаной безрукавке, — он в ответ, не колеблясь, метнул в него свое копье. Пролетев положенное расстояние, копье поразило пирата в бедро. Грек истошно завопил и рухнул в воду, замутив ее своей кровью.

— Выловите его, не хватало еще, чтоб подох, — бросил Тарас и, заметив взбиравшегося неподалеку по веревке на нос триеры Лиозоса, выхватил заряженный гастрфет у стоявшего рядом Брианта, — дай-ка сюда. Я должен рассчитаться с этой сволочью.

Он прицелился, стараясь тоже угодить в бедро, чтобы только искалечить грека и заставить навсегда запомнить, что такое возражать спартамцам, но на этот раз рука его подвела. Лиозос, уже взобравшийся на самый верх, был отличной мишенью. Он ухватился за носовое ограждение, застыл на мгновение и резким движением собрался перебросить свое тучное мокрое тело через него, когда Тарас спустил курок. Выпущенный из гастрфета болт разрезал воздух и настиг пирата как раз в движении, пробив ребра и грудину. Лиозос дернулся, раскинул руки и уже мертвым рухнул обратно в воду.

— Твою мать, — только и сказал Тарас, опуская гастрфет.

На звуки драки подоспели еще человек десять пиратов, и его подручным пришлось постараться, чтобы утихомирить их. Это было непросто, особенно после того, как был убит их предводитель. В этой яростной сшибке погиб один и были ранены двое людей Гисандра, и тем не менее он прекратил бой, едва понял, что победа осталась за ним.

— Вот тебе и первая встреча, — сокрушался Тарас, прохаживаясь мимо выложенных рядков пленников, оглушенных, связанных по рукам и ногам. Все остальные жители, из тех, кто был в порту, поспешили покинуть свои лодки, удалившись от неожиданно разыгравшегося сражения на приличное расстояние.

«Как бы в город не побежали за подмогой, решив, что это нападение», — забеспокоился Тарас, ставший вдруг хозяином порта, и велел своим людям изловить сборщика платы, который не успел убежать слишком далеко, чтобы объяснить ему ситуацию.

— Понимаешь, мы немного повздорили с людьми Лиозоса, — объяснял он через десять минут, беседуя на берегу с насмерть перепуганным служителем местной таможни, — но надеюсь, это легкое недоразумение останется между нами?

Сборщик платы бешено вращал глазами, молчал, поглядывая то на спеленанных пиратов, что до сих пор валялись на пирсе и стонали, то косил глазом на спартамцев в блестящих доспехах, которые стояли по бокам от него.

— Мы никому не хотим причинить зла и сейчас же отправимся по своим делам в горы, — увещевал его елейным голоском Тарас, понимая, что чиновник не слишком-то ему верит. — А здесь останется лишь охрана кораблей. Так что не стоит поднимать шума, верно?

Чтобы подкрепить свои слова, он отвел грека в сторонку и незаметно сунул несколько монет в руку оторопевшего чиновника, взяв деньги из выданных ему на такой случай пифием.

— Ну хорошо, господин... — почти сразу успокоился грек, поняв, что его не будут убивать, — у нас тут всякое бывает, ведь люди этого Лиозоса, да и он сам, очень беспокойные. И часто дерутся между собой, пугая простых рыбаков.

— Вот именно, — похвалил его находчивость Тарас, — указав на труп предводителя пиратов, только что извлеченный из воды, — и сегодня они как раз подрались. Да так сильно, что убили своего предводителя.

Грек осторожно посмотрел в указанном направлении, а потом перевел взгляд на улыбочное лицо Тараса и неуверенно кивнул.

— Вот и отлично, — закрепил Тарас взаимопонимание, — а теперь можешь сообщить

всем, что никакой опасности нет, пусть возвращаются к своим делам. А заодно скажи мне, знаешь ли ты, как найти Иксиона?

Грек опять испуганно посмотрел на Тараса как на умалишенного.

— Не бойся, я не собираюсь нападать на него, — по-своему истолковал его взгляд Гисандр, — он сам ждет меня в гости. Ведь он один из здешних правителей, а мы с ним друзья.

— Весь этот порт подчиняется Иксиону, — пояснил испуганный грек, вновь посмотрев на убитого главаря пиратов, который отправился к праотцам после встречи с «другом» Иксиона, — а Лиозос был одним из его людей.

— Ничего, — успокоил его Тарас, даже приобнял за плечо, — Лиозос был слишком дерзок, и ты не должен о нем беспокоиться. Я сам улажу все дела с Иксионом, а ты присмотри за моими кораблями. Так где он сейчас?

— Говорят, что вчера он был в своей деревне в горах, — озираясь по сторонам, выдавил из себя сборщик и указал направление, — туда ведет вон та тропа.

— Хорошо, — кивнул Тарас, делая знак солдатам отпустить его, — вот и договорились. Я замолвлю за тебя словечко перед Иксионом.

Отпустив все еще испуганного служителя таможни, который — Тарас ни секунды не сомневался — тотчас доложит по своим каналам Иксиону о случившемся, он вернулся к пиратам.

— Развяжи-ка мне вот этого, — приказал он Брианту, указав на елозившего больше других парня в кожаной жилетке.

— Как тебя зовут? — спросил он, вперив в него тяжелый взгляд.

— Андреас, — попятился назад пират, едва ему развязали руки.

— Отведешь меня к Иксиону, — приказал Тарас, ни секунды не сомневаясь, что уже получил право здесь приказывать, и, кивнув в сторону остальных, добавил: — Ваша служба здесь закончена. Все вы немедленно отправитесь со мною в горы. А корабли я беру под свою охрану, не так уж хорошо вы охраняете нашу собственность.

Андреас с удивлением воззрился на предводителя спартанцев, но возражать не стал. Он отлично видел, что случилось с самыми буйными из них, — труп Лиозоса валялся неподалеку, — и «принял» Тараса как нового главаря.

Глава одиннадцатая

Встреча в ночи

Горы начались почти сразу, как они удалились от побережья. Островок был гористый. Да и дорогу до селений, где следовало искать местного вождя, он помнил не так уж плохо, хотя и ходил по ней всего лишь один раз. Но все же взял с собой проводниками всех пленных пиратов, за исключением раненного в бедро. Разоружив их, он велел идти во главе колонны и показывать дорогу. Само собой, что передвигались они под конвоем спартанцев. Шли не особенно торопясь. Вряд ли Иксиона можно было застать врасплох, и Гисандр решил дать ему возможность узнать все чуть раньше своего появления. А на случай «легкого непонимания» со стороны местного вождя Тарас взял с собой половину периеков, хотя предполагал, что людей у этого Иксиона должно быть значительно больше, чем у него. Но с таким числом бойцов он мог хотя бы попытаться пробиться обратно к кораблям.

«Хреновый из меня дипломат, — сокрушался Тарас, поглядывая на пленников, что ковыляли с видом побитых собак во главе колонны, — но что поделать. Спартакское воспитание сказывается: сначала выяснить, кто сильнее, а потом уже разговаривать, если желание останется».

Самовольно сменив охрану с пиратов на своих людей, Тарас также рисковал вызывать гнев Иксиона, но, поразмыслив, решился на это. Раз уж он прибыл сюда за своими кораблями, то почему бы сразу не взять их под личную охрану. А с Иксионом, который должен был ему теперь подчиняться, он надеялся договориться. Пифий уверял его, что «за

все заплачено сполна».

Уже в сумерках, когда широкая тропа превратилась в узкую и стала пропадать из вида, они поднялись к первому перевалу, на котором вновь повстречались с людьми Иксиона. Дорогу колонне преградили человек двадцать вооруженных бойцов, на сей раз облаченных в доспехи. В свете факелов, зажженных от горевшего неподалеку в ложбине костра, Тарас разглядел усиленные медными полосами нагрудники, небольшие круглые щиты, мечи, копья и у нескольких человек даже шлемы, похожие на шлемы греческих гоплитов.

«Наверное, не все здешние вояки происходят из бывших пиратов, — решил Тарас, разглядывая одного из бойцов, что носил шлем, — этот, судя по выправке, умеет воевать в строю. Небось, из беглых гоплитов или наемник».

— Кто вы и кого ищете? — заговорил первым начальник караула, ничуть не возмущившись тем, что впереди всех на положении пленников ковыляли безоружные бойцы, которые должны были быть ему знакомы.

Но вопрос относился явно не к ним.

— Я прибыл из Спарты, — был вынужден представиться Тарас, отделившись от своей охраны и поглядывая сквозь прорези шлема на командира охранников перевала, — ищу вашего вождя по имени Иксион.

— Мы давно ждали вас, — не задержался тот с ответом.

«Кто бы сомневался, — подумал Тарас, — значит, сюда наверняка ведут еще с десятков тайных троп, мне пока неизвестных. Ай да таможня, быстро работает».

— Иксион приказал пропустить вас в лагерь, — заявил человек в шлеме. — А чтобы вы не заблудились, с вами пойдет наш проводник.

— У меня уже есть проводники, — позволил себе усмехнуться Тарас.

— Из этих овец плохие солдаты, — заявил на это его собеседник, — да и проводники не лучше. Иксион приказал отправить с вами Лефкия, так вы быстрее найдете дорогу.

При этих словах вперед шагнул низкорослый боец, без щита и меча, лишь опоясанный кожаным ремнем, на котором сверкнули укрепленные медными кольцами ножны кинжала.

— Что же, пусть он укажет нам дорогу в лагерь, — согласился Тарас, — ведь я тороплюсь и хочу еще до темноты увидаться с вашим вождем.

— Иксион ждет тебя, — повторил человек в шлеме и сделал знак своим людям расступиться.

Подсвечивая дорогу факелами, они разошлись на две группы и встали друг напротив друга. Лефкий молча занял место во главе колонны и зашагал вперед. Все еще ожидая подвоха, Тарас приказал следовать за ним, незаметно отдав знак спецназовцам быть начеку. Впрочем, они всегда были начеку. Тайная подготовка не прошла даром. А основная ударная сила — периеки — двигалась плотным строем, опустив щиты. Так что, даже если бы люди Иксиона вздумали напасть на них с двух сторон, атака не была бы внезапной. Но Тарас зря так напрягался. Если местный вождь и затаил на него обиду за столь дерзкое поведение на его территории, то пока никак не выказывал это.

«Предпочитает общаться лично, — подумал Тарас, — если так, то это хорошо. Обойдемся без лишней крови. Надо же как-то налаживать сотрудничество».

Оставив за собой перевал, спартанцы зашагали вниз по тропе, что петляла меж отрогов, огибая скалу. Затем Тарасу послышался шум воды, и вскоре они действительно миновали бурную горную речку, через которую был переброшен ветхий мосток, где их поджидал еще один кордон из дюжины бойцов. Эти походили не столько на пиратов, сколько на подданных персидской империи, которых Тарас уже успел повидать. Вооружены они были не слишком хорошо, хотя и не плохо. Стеганные нагрудники, щиты и копья имелись. «И кого здесь только нет, — подумал Тарас, разглядывая бойцов Иксиона, взиравших на его воинство с валуна, откуда было проще простого забросать их копьями, — разношерстная армия».

К счастью, и во время переправы по утлому мосту в две жердочки ничего не случилось. Затем они оставили в стороне водопад, рождавший метров на десять пониже небольшое озерцо, и наконец вошли в долину, где взору Тараса предстала деревня. Вернее, один из

военизированных лагерей Иксиона. Обнесенный частоколом, он тонул во мраке по краям, и лишь в центре его горел мощный костер.

«Странно, — подумал Гисандр, удивленный тем, что так долго пришлось добираться до лагеря, — прошлый раз мне казалось, что все гораздо ближе. Правда, сверху вообще все ближе кажется».

У ворот их поджидали человек пятьдесят до зубов вооруженных солдат, и на этот раз половина из них имели тот же вид, что и его пленники. Увидев своих собратьев, они недовольно заголосили. Но Тарас, не обращая внимания на их ропот, проследовал к центру деревни вслед за Лефкием, который привел его напрямик к большому очагу из камней, в котором горел костер. На очаге жарилась туша барана. Рядом, под навесом из листьев, на скамье сидел бородатый человек в доспехах. Его окружали пятеро солдат с копьями. Увидев прибывший отряд, он встал и, взявшись руками за широкий пояс, шагнул ближе к огню, словно давая прибывшим возможность рассмотреть себя.

Это был мужчина среднего роста, в широких плечах которого ощущалась недюжинная сила. Его торс укрывал нагрудник из медных пластин, на боку висел короткий меч, а на ногах имелись медные поножи, доходившие до высокой шнуровки сандалий. Он имел орлиный взгляд, но лицом был некрасив, а сломанный нос говорил о том, что его хозяину частенько приходилось участвовать в драках.

Вместо приветствия он впился взглядом, не сулившим ничего хорошего, в пленников Гисандра, которых его солдаты развязали по знаку командира, едва приблизившись к костру. На спартанцев, замерших чуть поодаль, он пока не обратил, казалось, никакого внимания.

— И вы позволили схватить себя? — спросил он таким тоном, словно перед ним стояли «необстрелянные» подростки, а не опытные вояки, побывавшие во множестве передраг. — На моей территории? В моем порту? Вы не смогли защитить то, что я вам доверил? Да вы просто стадо баранов, а не воины!

«Это верно, — подумал Тарас, поймав себя на мысли, что победа над хваленными пиратами досталась ему не так уж и трудно, — мастерство взяло верх над тупой яростью. Интересно, как он их накажет».

— На колени! — вдруг заорал Иксион, потеряв самообладание.

Все восемь головорезов покорно повалились на камни.

— Вы все отправитесь вслед за Лиозосом! — вновь крикнул он и, обернувшись к остальным бойцам, смотревшим во все глаза на него, добавил, выхватив меч: — Чтобы это стало хорошим уроком для всех.

Тарас и глазом не успел моргнуть, как Иксион отрубил голову ближнему пирату, которым оказался Андреас, а затем и второму, даже не сделавшему попытки избежать наказания. Но, когда почуявший запах крови Иксион, отделил третью голову от тела, остальные попытались вскочить и сбежать, поняв, что их участь решена и пощады не будет. Однако охрана вождя не дремала. Подскочившие воины быстро закололи безоружных пиратов.

— Уберите эту падаль, — приказал им Иксион, оттолкнув носком сандалии окровавленную голову Андреаса и вложив меч в ножны, — теперь мне нужно принять гостей.

И, словно только что заметил стоявших поодаль спартанцев, командир которых был ближе всех к нему, воздел руку в приветственном жесте.

— Мой барашек почти готов, — произнес он, усмехнувшись так, словно ничего особенного не случилось за это время, — я рад приветствовать посланцев великой Спарты. Подойди поближе, путник. Я готов разделить с тобой ужин.

По рядам его бойцов прошелестел приглушенный ропот при этих словах, — тела казненных еще не успели остыть, а кровь впитаться в каменистую землю, и виной тому были спартанцы, — но шум быстро затих. Иксион достаточно четко изъявил свою волю. Вопрос был закрыт, во всяком случае пока.

— Меня зовут Гисандр. Прости, что мне пришлось убить Лиозоса, — проговорил

Тарас, делая несколько шагов к очагу, над которым жарилась туша, источавшая аромат, который будил аппетит у всегда голодного спартанца, — я не хотел лишней крови, но он был слишком дерзок.

— Он доказал, что был бараном и потому попал на вертел, — пожал плечами Иксион, выражая безразличие, — такие солдаты мне не нужны.

И еще раз сделал пригласительный жест.

— Садись к очагу, Гисандр, и раздели со мной ужин. А твоих людей я прикажу разместить в соседней деревне и там же накормить. Она в двух шагах.

Тарас кивнул, но слегка напрягся. Не слишком-то он хотел сейчас оставаться посреди лагеря Иксиона совсем без охраны. Но требовать, чтобы остались все, было бы слишком. Он и так немного перегнул палку, сам начав убивать людей своего союзника еще до знакомства.

— Хорошо, — согласился Гисандр и добавил, указав на стоявших чуть особняком от основного строя, спецназовцев: — Только вот эти пусть останутся. Они везде со мной, как и твоя охрана.

Иксион усмехнулся, но спорить не стал. У него охранников было меньше, чем у Тараса. И его верные солдаты, трое из которых имели с собой гастрافеты в мешках, остались стоять поблизости от очага. А Тарас отдал периекам приказ: разместившись на постой, прислать гонца с докладом. Затем присел на свободную скамью, окинул взглядом бойцов Иксиона, которые разбрелись по лагерю и его окрестностям, когда «шоу» закончилось, и, засунув руку под панцирь, вытащил оттуда заветный папирус. «Настало время для дипломатии», — подумал он, принимая одной рукой чашу вина, налитую лично Иксионом из кувшина, а другой протягивая ему письмо царского пифия.

Сев на скамью, Иксион сломал печать — личный знак Клеандра — и быстро пробежал письмо глазами. А Тарас тем временем, при свете костра и уже народившейся луны, осматривал лагерь, в котором находился. Вернее, то, что было ему видно. Ворота, сквозь которые они попали сюда, были метрах в ста. Когда спартанцы покинули место сбора, никто не стал закрывать их на ночь — хороший знак. Похоже, Иксион чувствовал себя здесь абсолютно спокойно и хотел продемонстрировать это своему спартанскому гостю.

Лагерь был обнесен частоколом, вдоль которого по специально сделанному помосту прохаживались караульные с мечами и копьями. Несколько пар на весь небольшой лагерь. Очаг, где они дожидались барашка, находился почти в центре, а за их спинами высились несколько каменных домиков и пара длинных бараков. Оттуда вдруг раздался грубый мужской голос, а потом громкий женский смех, столь неожиданный в этом месте и в это время, что Гисандр даже вздрогнул. Похоже, в бараках размещался местный гарнизон, и вождь Иксион позволял ему развлекаться в свое удовольствие, если это не мешало службе. Никакого другого объяснения Тарас придумать не мог. Такой толпе мужиков в горах без женщин должно было быть совсем неудобно.

— Здесь сказано, чтобы я во всем... — Иксион поперхнулся, отпив немного вина, — помогал тебе.

Он поднял чашу вверх, а папирус швырнул в огонь. Тонкая плоска быстро превратилась в пепел. «Осторожен, — подумал при этом Тарас, — не хочет оставлять следов своей связи со Спартой. Да только поздно уже. Я тут, да и в порту „засветился“, а значит, уже не отвертеться».

— Ну что же, Гисандр, — ухмыльнулся Иксион во всю бороду. — Я помогу тебе во всем чем смогу.

От этой ухмылки Тарасу стало как-то не по себе. Иксион был явно расстроен письмом больше, чем хотел показать. Именно оно, а даже не смерть его людей, так взбесило местного вождя. «Видимо, своим появлением я нарушил его планы, — рискнул предположить Тарас, поглядывая на трещащие под тушей сучья, которые подкладывали охранники Иксиона, бывшие одновременно его слугами, — надо будет поближе к нему приглядеться. Может, он уже видел себя единоличным хозяином острова и не надеялся, что мы приплывем за своими кораблями. А теперь ему еще потребуется мне „помогать“, а точнее, подчиняться. Кому это

понравится».

— Но о делах позже, — произнес вождь, вновь поднимая кубок. — Клеандр пишет, ты хочешь подобрать команду для кораблей. Это разговор долгий. Давай сначала выпьем за встречу. Пусть Итака, родина великого Одиссея, станет тебе домом!

Тарас, не слишком охочий до высокопарных тостов, просто кивнул и поднял чашу. Хотя в глубине души был не прочь приобщиться к славе героев Греции. Иксион опрокинул чашу одним движением и выпил содержимое, жадно причмокивая. По его бороде и шее потекли многочисленные струйки, но это, похоже, ничуть не беспокоило вождя.

— Хорошее вино, — отставил он чашу в сторону и крикнул копошившимся возле барашка слугам, что вертели его над огнем: — А ну подайте моему гостю самый сочный кусок. Иначе он вас зарежет, ведь он не привык ждать!

И обернувшись к Тарасу, громко расхохотался. Тот сначала напрягся, услышав такой «наезд», но понял, что это просто лезет наружу дикий нрав Иксиона, а на самом деле вождь не хотел его оскорбить, а только пошутил.

Шутка, однако, сыграла свою роль. Слуга молниеносно отрезал кинжалом лучшую часть закопченного бедра и положил ее на медное блюдо, что стояло на камне. А затем подал Гисандру. Тот хотел было возразить, что, мол, спартанцы не едят так много. Особенно на ночь. Но решил этого не делать. Он и в самом деле был голоден, а Иксион, похоже, ни в чем себе не отказывал. И время суток его абсолютно не волновало. Он подчинялся только инстинктам. Получив свой кусок баранины, местный вождь тут же вонзился в нее зубами и с хрустом оторвал часть.

«Интересно, его люди по-прежнему промышляют пиратством или теперь изображают добропорядочных вояк? — думал Тарас, разгрызая мясо, показавшееся ему жестковатым, и поглядывая на караульных, что не спеша перемещались вдоль частокола, не слишком часто поглядывая наружу. — Не удивлюсь, что это Леонид тайно вскормил Иксиона спартанскими деньгами, чтобы иметь здесь союзника. Тогда и грабить больше незачем, если деньги тебе дают за службу. Хотя старые привычки трудно изменить. Поживем — увидим».

— И я хочу выпить за тебя, — решил все же произнести ответный тост Тарас, дожидая кусок мяса и поднимая чашу, незаметно вновь наполненную слугой-охранником, — я желаю, чтобы ты был самым сильным вождем на Итаке и чтобы наш союз был удачен для нас обоих!

С тостом он, похоже, угадал. Удар попал не в бровь, а в глаз.

— Благодарю, Гисандр, — ответил Иксион, поднимая свою чашу и поглядев прямо в глаза своему гостю, который снял шлем и положил его рядом, — я уважаю спартанцев за прямой нрав и бесстрашие...

«А еще за хороший гонорар, — промелькнуло в голове у Тараса, — на который не поскупился дальновидный Леонид».

— У меня немало воинов, и еще не вся Итака принадлежит мне, — закончил он свою речь таким тоном, словно задумался о чем-то. — Но вместе мы сокрушим своих врагов!

«Не хотелось бы класть жизни своих солдат, чтобы победить твоих врагов, — решил Тарас, снова вскидывая руку с чашей, — предпочитаю наоборот. Лучше ты послужи Спарте, тем более что пифий, судя по всему тебе так и написал».

Но вслух спорить не стал, а лишь поддержал эту мысль.

— Сокрушим!

Они сидели и болтали ни о чем еще минут двадцать, присматриваясь друг к другу. Иксион не торопился рассказывать своему дорогому гостю все свои тайны, а Тарас тоже не педалировал вопрос о новобранцах для флота. Он сам хотел обвыкнуться и осмотреться на новом месте. Обстановка уже располагала к размышлениям и отдыху. Хмель немного ударил ему в голову, хотя вино было не очень крепким. Окрестные горы посеребрила луна, а трещащие в костре сучья навевали мысли об отдыхе.

В этот момент из темноты совершенно бесшумно появился гонец от периеков.

— Ну, — поинтересовался Тарас, смерив взглядом своего солдата, — все в порядке?

— Да, господин Гисандр, — ответил периек, одетый в спартанские доспехи, — мы

встали на постой в бараках соседней деревни. Нам принесли еду.

— Ну вот и отлично, — кивнул Тарас, бросив взгляд на Иксиона, — передай, я сам скоро буду.

— Зачем тебе ночевать с солдатами? — вмешался в разговор Иксион. — Ты же вождь. Я дам тебе отдельное жилище здесь, в этом лагере.

— Я спартанец и привык жить вместе со своими солдатами, — ответил Тарас, не желая менять решение, — у нас так заведено.

Но вождь пиратов не отставал.

— Вон там у меня стоит отличный дом, где ты удобно устроишься, — продолжал увещевать его Иксион, махнув рукой куда-то назад.

— Ладно, ты свободен, — отпустил гонца Тарас, решив сменить тему, — мы хотели поговорить о новобранцах для моего будущего флота. Может, устроим смотр бойцов прямо сейчас, пока еще не слишком пьяны?

— Смотр мы устроим утром, — ответили Иксион, уже изрядно пьяный, отчего он размахивал руками, как торговец на базаре. — Я велю вызвать всех бойцов из соседних деревень. А сейчас не хочешь ли поразвлечься?

При этом он приобнял спартамца за плечи. Захмелевший Тарас удивленно воззрился на своего собеседника, ожидая, что тот сейчас начнет сам приставать к нему в лучших традициях греческих извращенцев. Но Иксион расхохотался, верно истолковав его взгляд.

— Я держу тут десяток девиц для ублажения солдат. Но с тобой я могу поделиться своей собственной наложницей. Она лучшая и не устанет до самого рассвета. Или ты предпочитаешь мальчиков? Спартамцы, я слышал, любят мальчиков.

Тарас от такого предположения едва не выплюнул кусок мяса, который почти проглотил. Он хотел сразу объяснить этому простодушному вождю, что ни мальчиками, ни, как принято на некоторых здешних островах среди пастухов, козами или овцами, он не увлекается. Но, поразмыслив, решил не развивать эту тему. Хотя окрестный воздух и вино так действовали на него, что он не мог найти сил сразу отказаться от такого предложения. Свою жену он еще долго не увидит, а женской ласки ему уже давно не хватало. Кроме того, он все же не до конца определился, можно ли доверять Иксиону с его головорезами, поэтому и настоял, чтобы хотя бы «спецназ» был поблизости.

— С наложницей после решим, — осторожно произнес он, — но твое приглашение я принимаю. Покажи мне жилище, где я могу сегодня переночевать.

Тарас встал, запахнувшись в красный плащ.

— И еще, — добавил он, надевая шлем, — я хочу отправить гонца в гавань к своим людям, которые сменили твоих.

— Если хочешь, я отправлю своего человека, — предложил Иксион, вставая следом и, как показалось Тарасу, не удивившись этой просьбе.

— Давай отправим обоих, — нашел выход Тарас, уперевшись рукой в столб навеса, — пусть вместе с моим солдатом пойдет тот смышленный боец, который провожал меня сюда с перевала. Кажется, его звали Лефкий.

— Хорошо, Гисандр, — махнул рукой Иксион, нетвердо стоявший на ногах, и крикнул в темноту: — Эй, там! А ну разыщите Лефкия и скажите, чтобы немедленно бежал сюда. Для него есть работенка.

«Что же я так напился? — поймал себя на мысли сильно пьяный Тарас, которого изрядно „штормило“. — Еще немного, и я спою. Надо быстрее идти спать, а то еще натворю во хмелю лишнего по старой русской привычке».

После того как отправил гонцом в порт вместе с Лефкием одного из своих «спецназовцев», Тарас сделал знак остальным сопровождать его на ночлег. Дорогу показывал лично Иксион, охрана которого осталась у костра, чего не мог не заметить Тарас. «Либо он настолько не жалеет своих людей, что уже позабыл об их смерти и не замышляет ничего против меня, — поймал себя на мысли Гисандр, бредя по земле в сторону лишь немного освещенного лунной каменного домика, — либо наоборот, слишком хитер и просто

прикидывается. Ладно, посмотрим. Ох, и не охота же воевать пьяным. Ну да ладно. Охрана, если что, на месте. Выкрутимся, не впервой».

Спотыкаясь в темноте о камни, они вскоре добрались до хижины. Жилище имело каменные стены грубой кладки и соломенную крышу. По местным меркам, просто дворец. Иксион распахнул внутрь скрипнувшую дверь.

— Спать, правда, придется на соломе, Гисандр, — предупредил вождь, как бы извиняясь за скромный прием, — у меня тут, в горах, все по-простому.

— В Спарте тоже не любят излишеств, — ответил Тарас, бесстрашно шагая внутрь первым и оставив всю охрану ночевать у дверей.

Но едва он оказался в темной хижине, как сразу же ощутил в ней присутствие другого человека. Он был здесь не один. За годы войны чутье у Гисандра обострилось. Он мгновенно выхватил меч и прислушался. А когда услышал шорох у стены, метнулся туда и, не встретив никакого отпора, прижал неизвестного гостя к каменной кладке, но убивать сразу не стал. Что-то удержало его руку. Ощувив острие клинка на своей шее, гость взвизгнул от страха. И Тарас с удивлением понял, что перед ним девушка, длинноволосая, облаченная в невесомый хитончик.

Он быстро ощупал ее ладони и, не найдя ножа, чуть отступил, продолжая вести рукой по телу снизу вверх.

— Желаю полной победы! — раздался снаружи глумливый хохот Иксиона, который ожидал развязки, стоя у самых дверей.

— Что ж, — произнес Тарас, ощутив в ладони теплую девичью грудь, которую почти не скрывала тонкая ткань хитона, и понимая, что больше не в силах бороться со своим естеством, — с тобой я, пожалуй, повоюю. До самого утра.

И толкнул ее на солому.

Глава двенадцатая

Новый призыв

Чтобы рассмотреть их получше, Тарас приказал выстроить всех «новобранцев» против солнца.

— А ну, встать всем вдоль частокола! — рявкнул Иксион, потрясая кулаком. — Да поживее!

Тарасу показалось, что сейчас с его губ слетит уже успевшее поднадоесть «спартанцы не любят ждать», которым Иксион теперь часто не то пугал своих солдат, не то хотел поиздеваться над ним. Но вождь ничего не добавил, а лишь подмигнул Тарасу, который был утомлен вчерашней ночью не меньше, чем долгим безостановочным плаванием из Спарты на Итаку. Такого бурного и долгого секса у него давно уже не было. Пожалуй, со времен мальчишника и памятной встречи с Гелоней. Наложница знала свое дело хорошо, тут Иксион не обманул. В остальном все было тихо. Кроме нее, ночью на Гисандра больше никто не покушался. И под утро он успел даже немного вздремнуть, но этого, на удивление, его тренированному организму оказалось мало. Предводитель спартанцев с удовольствием проспал бы до обеда. Однако не судьба. Отдых отдыхом, а приплыл сюда он не для этого. Пора было и послужить царю.

Когда гомон собравшихся бойцов поутих, Гисандр сдвинулся со своего места и прошелся вдоль строя. Позади него шествовали «спецназовцы» в полном боевом облачении, которые представляли резкий контраст с кое-как вооруженными пиратами. Правда, последних здесь было не меньше трехсот человек.

«Ну и рожи, — думал Тарас, медленно прохаживаясь по лагерю и оглядывая собравшихся, — команду „строиться“ они, похоже, никогда не слышали или вообще понимают ее по-своему».

То, что перед ним находилось, действительно трудно было назвать строем. Скорее каким-то сборищем бандитов с весьма расплывчатыми очертаниями. Люди Иксиона

«выстроились» неровным овалом, просто заполнив собой пространство между частоколом и спартакцами. Глядя на своих новых подопечных, Тарас испытывал сложные чувства безразличия, отвращения и неизбежности. Он давно привык видеть перед собой только ровнехонькие шеренги гоплитов, для которых понятие «держать строй» было чем-то само собой разумеющимся. Вбитым в головы с самого детства. И сражались гоплиты также, стараясь использовать заученные приемы, думая о том, кто стоит рядом. Эти же головорезы думали только о себе и дрались также, а когда они собирались вместе, то представляли собой не армию, а скорее вооруженную толпу. Впрочем, Тарас уже не раз слышал о том, что дрались они хорошо. Правда, первое знакомство его в этом не убедило.

— Я ваш новый командир, — произнес он, наконец останавливаясь в самом центре растянувшегося «строя» пиратов, — меня зовут Гисандр... Господин Гисандр.

Пираты загомонили в ответ, и в этом гомоне ему послышались нотки неодобрения. «А чего еще от них ждать, — подумал Тарас, рассматривая лицо в шрамах и свернутую набок скулу одного из стоявших перед ним пиратов, которому крепко досталось в какой-то драке, — из-за меня погиб Лиозос и казнили остальных его людей. А может, и еще кто погибнет. Вряд ли они меня сразу полюбят. Ну да ничего. Разберемся».

— Мой командир Иксион, — вдруг выкрикнул кто-то из толпы, — а спартакцы пусть убираются назад!

Тарас и «спецназовцы» обернули головы в ту сторону, но не смогли заметить говорившего.

— А ну закрой пасть! — рявкнул в ярости Иксион, до которого долетел этот выкрик, приближаясь. — С этого дня ваш командир — господин Гисандр, и вы будете выполнять все его приказы, так же как и мои, даже если он пошлет вас на смерть!

— Ты знаешь, Иксион, как у нас принято выбирать вождя, — вновь послышался тот же упрямый голос, который поддержало еще несколько одобрительных выкриков.

Лицо Иксиона исказила гримаса ярости. И он уже потянул из ножен свой меч, чтобы наказать за неповиновение, но Тарас опередил его. Он дал знак Иксиону, чтобы тот не вмешивался, и проговорил, не теряя хладнокровия:

— И как же у вас выбирают командиров?

— В честной драке! — крикнул все тот же голос. — Один на один.

— Ну что же, — неожиданно кивнул Тарас, останавливаясь, — я согласен. Не будем нарушать обычаев.

Толпа пиратов мгновенно умолкла, ожидая развязки.

— Пусть тот, кто осмелился это сказать, выйдет и повторит мне все это в лицо, — проговорил Тарас, выдергивая из рук ближнего «спецназовца» копье, — и я объясню ему, кто для него теперь будет командиром.

Толпа зашевелилась, и на открытое место вышел широкоплечий здоровяк. Его плечи бугрились от мускулов. Шлема на нем не было, на теле имелся лишь легкий кожаный панцирь, зато оружие — щит и меч были хорошие. Явно отобранные в бою у какого-то гоплита.

— А, это ты, Кионис, — буркнул Иксион, багровея, — давно я хотел отрубить твой поганый язык.

— Так ты не согласен признать меня своим вождем? — уточнил Тарас, смерив наглеца взглядом.

— Нет, — прошипел Кионис и добавил, обернувшись назад, словно ища поддержки у остальных: — Пока ты не докажешь, что лучше меня владеешь оружием.

— Умеешь обращаться с копьем? — спокойно спросил Тарас, переминаясь с ноги на ногу.

— Я умею убивать всем, что попадется мне в руки, — продолжал хорохориться Кионис, явно польщенный таким вниманием со стороны соплеменников и возможностью нахамить командиру.

— Отлично, — кивнул Тарас, решив, что парень излишне надеется на свою силу, —

тогда возьми копье и перейдем к делу. Посмотрим, насколько ты хорош.

Кионис, похоже, больше привыкший воевать мечом, все же вложил его в ножны и выхватил копье у одного из пиратов.

— Сейчас я покажу тебе, кто из нас достоин быть вождем, — прошипел он и, прикрывшись щитом, метнулся вперед, чтобы нанести удар.

Но Тарас легко отразил его своим щитом, отступив на шаг. Затем еще и еще, под радостные возгласы пиратов. Продолжая медленно пятиться, он изучал повадки противника и быстро пришел к заключению, что тот очень силен, но также очень глуп и легко поддается приступам ярости. Кроме того, этот Кионис явно хотел сам быть вождем и готов был за это сражаться даже со спартанцами.

«Храбрый парень, — закончил наблюдения Тарас, уклонившись от очередного удара, во время которого копье пирата разминулось всего на пару сантиметров с его раззолоченным шлемом, — но тупой. Придется пожертвовать Аполлону его жизнь».

Но убивать одним ударом не стал. Ему нужна была показательная смерть, чтобы никто больше не рискнул поставить под сомнение его власть.

После вопля «Проклятый спартанец!» Гисандр перешел в наступление и коротким ударом поразил противника в бедро. А когда тот взвыл от боли и захромал, пытаясь устоять на окровавленной ноге, нанес еще один жалящий удар в плечо. Пират не смог отразить оба молниеносных выпада, спартанец был очень быстр, и у Тараса возникло ощущение, что он, как на тренировке, просто колет копьем деревянного истукана.

Кионис выронил щит и попытался метнуть в противника копье, но лишь уронил его и сам упал на камни. Однако пират был еще силен и не сдавался. Он быстро перекатился на спину и попытался встать. Не получилось. Тогда он приготовился отразить удар лежа, подняв вверх свой меч, который выхватил из ножен. Под ним быстро росла лужа крови, растекавшейся по камням из пораженного плеча и бедра.

— Плохой из тебя боец, — спокойно заметил Тарас, перехватив копье и осторожно приближаясь к поверженному противнику.

Чтобы тот не подумал больше встать, спартанец резким движением пробил ему второе бедро. Когда копье прошло сквозь его плоть и вырвалось обратно с кусками его же мяса, пират заорал так, что было слышно далеко за пределами долины. «Кричи, кричи, — измывался Тарас, стараясь еще немного оттянуть последний момент и дать возможность остальным пиратам осознать все происходящее, — недолго тебе осталось мучиться».

В бессильной ярости Кионис взмахнул мечом и попытался зацепить Гисандра, но силы покидали его, и меч только отлетел в сторону, вырвавшись из рук.

— Теперь ты безоружен, — констатировал Тарас и, обернувшись к пиратам, буравившим его спину тяжелыми взглядами, выкрикнул: — Разве хороший вождь может позволить обезоружить и победить себя?

И сам же ответил, сделав еще один мягкий шаг по камням в своих кожаных сандалиях.

— Никогда. Такой воин достоин лишь смерти!

И, подняв копье, быстро и точно вонзил его в сердце Киониса, пронзив кожаный нагрудник. Тот несколько раз дернулся, харкнул кровью и затих. А Тарас выдернул окровавленное копье назад и, вытянув его перед собой, продемонстрировал смотревшим на него головорезам.

— Кто еще оспаривает мою власть и хочет последовать за этим глупцом? — уточнил он громко. Но желающих больше не нашлось.

— Отлично, — кивнул Тарас, выждав несколько мгновений, и в наступившей тишине сообщил: — Тогда начнем набирать моряков.

Однако после того, как власть Спарты была подтверждена таким простым и наглядным способом, Гисандр столкнулся с неожиданной проблемой. Ему требовалось укомплектовать целых пятнадцать триер. Двигателей к тому моменту еще, понятное дело, не изобрели, а значит, нужны были не только моряки и морпехи, которых он намеревался легко набрать

здесь. Прежде всего ему требовались гребцы. По сто пятьдесят человек на каждый корабль, чтобы управляться с тремя рядами весел. А здесь народа было в лучшем случае на два из них. Куда делись прежние, тайно приведшие корабли на этот остров, Тарас понятия не имел, а никто из «посвященных» ему и не подумал рассказать об этом.

«Может, их всех просто умертвили, — невесело размышлял Тарас, вновь разглядывая эти наглые рожи и прикидывая, случится ли новый бунт, если он попытается отправить их всех на „галеры“ вместо боевого применения на палубе, — а что, вариант для спартанцев вполне обычный, особенно если речь идет о сохранении тайны».

Как бы там ни было, но, отобрав моряков из самых бывалых пиратов, которых требовалось всего лишь по дюжине на каждую триеру, Тарас решил посоветоваться с Иксионом насчет гребцов. Приказав всем просто стоять и ждать его решения на солнышке, — чтобы привыкали постепенно к тому, что они теперь всегда будут жить под «железной рукой» спартанца, — Тарас отошел к навесу, под которым, лежа на скамье, отдыхал Иксион. Пока Тарас разбирался с моряками с помощью прикомандированных Иксионом советников, местный вождь в одиночку испил вина и закусил остатками вчерашней туши. Мяса еще было много. И, когда появился Тарас в сопровождении своей свиты, ему было тоже предложено угоститься.

— Присаживайся, — указал на соседнюю скамью слегка разомлевший Иксион, — передохни. Выпей и перекуси, а после разберешься с этим сбродом.

— Невысокого же ты мнения о своих людях, — пожурил его Тарас, принимая приглашение и взяв чашу с вином из рук слуги, — я думал, ты испытал их в боях и готов поручиться за каждого.

— Лучшие мои люди погибли в недавних сражениях за южный берег острова, — поделился Иксион, — когда я повздорил с другим вождем Итаки и решил захватить его земли. У него были сильные воины, и драка была жестокой. Я все же победил, но потерял многих. Те, что выжили, сейчас караулят проходы в горах. А этих я не так давно набрал из рыбаков, промышлявших пиратством на своих лодках. Ты же сказал, что тебе будут нужны моряки, вот я и велел пригнать сюда всех, кто знаком с этим делом не понаслышке. Они хотя бы не крестьяне и не боятся моря.

«И то ладно, — мысленно согласился Тарас, — из крестьян выковать моряков или морпехов было бы гораздо труднее. Хотя тоже можно. Но в нашем случае время терять нельзя. Неизвестно, что царь от меня потребует завтра».

— Значит, они не слишком удивятся, если я снова посажу их за весла? — не поверил своему счастью Тарас, отставляя пустую чашу в сторону. — Моряков мне нужно немного, а вот гребцов не хватает. Все-таки на целых пятнадцать кораблей нужно набрать команды.

— Бери, кого хочешь, — махнул рукой Иксион и добавил, чуть привстав на локте. — Грести они привычные. А если кто посмеет пикнуть, можешь казнить. Мне не жалко.

Откинувшись назад, Иксион усмехнулся.

— Да только ты уже показал им, что бывает за послушание, — добавил он, — вряд ли найдутся охотники. Вы, спартанцы, в этом деле молодцы. Умеете солдат обучать.

— Умеем, — не стал спорить польщенный Тарас, поглядывая на изнывавших от жары, но не посмевших сойти с места пиратов.

«А ведь еще понадобится обучить их стрельбе из баллист, — опять озадачился Гисандр, — тут без помощи моих „спецназовцев“, уже видевших эти штуковины в деле, не обойтись. Одного Темпея не хватит. Сначала, правда, неплохо бы провести ходовые испытания кораблей».

— Послушай, — вспомнил вдруг Тарас о том, что где-то нужно оборудовать производство каменных ядер, необходимых для стрельбы из сверхсекретных метательных орудий, не говоря уже о новой лаборатории «Бога огня» и врачавателя по совместительству, — а нет ли у тебя местечка, не очень приметного, но не слишком удаленного от моря?

— А что ты хочешь там устроить? — лениво поинтересовался Иксион, хотя Тарас сразу

же распознал в его голосе плохо скрываемый инте-рес.

— Оружейную мастерскую, — не стал темнить Тарас, не сообщая в то же время всей правды.

— Так пользуйся моей, — махнул рукой в сторону длинных бараков Иксион, — вон там у меня кузница, и люди умелые есть. И копье, и меч сделают, только скажи.

Но Тарас отрицательно мотнул головой. Он не слишком доверял этим кузнецам, особенно разглядев, что лучшие воины Иксиона были вооружены трофейным оружием. А значит, они и сами не слишком доверяли местным работникам.

— Благодарю, — проговорил он, — но мне нужно много чего изготовить там и для кораблей, поэтому лучше бы ее поближе к воде обустроить. Чтобы не так далеко до порта было грузы возить.

— Есть одна деревенька по дороге в порт, у подножия горы. — Иксион, которому так и не дали заснуть, нехотя сел на скамью, вперив в Тараса усталый взгляд. — Зброшенная. Там раньше рыбаки обитали, а потом все ко мне подались. Лачуг пять еще стоят, но в них никто не живет.

— Далеко?

— Да не очень, — выдохнул Иксион, отпив еще вина, — не дальше четырех стадий от побережья. Лефкий знает, где она, проведет.

— Ну вот и хорошо, — подвел черту Тарас, — пусть ко мне придет. Отправлюсь осмотреть это место немедленно.

И вдохновленный, пошел к ожидавшим его пиратам, большинству из которых теперь предстояло вернуться к своему «довоенному» ремеслу — грести на веслах, с той лишь разницей, что теперь им никто не предлагал ловить рыбу. Надо сказать, мысль о том, что у него на веслах будут сидеть люди, худо-бедно умеющие обращаться с оружием, вселяла в него некоторый оптимизм. На крайний случай, боевая мощь корабля могла возрасти за их счет вдвое.

Нельзя сказать, что эта новость пришлась всем по вкусу, но бунта, как опасался Тарас, не последовало. За несколько следующих дней, пока он обустроивал лабораторию в предгорьях, которая действительно оказалась очень удобно расположенной, Иксион по его просьбе согнал в лагерь еще людей. Теперь их было достаточно, чтобы укомплектовать гребцами и солдатами целых семь кораблей.

— Ну хотя бы одну эскадру можно выводить в море, — вздохнул с облегчением спартаец, хотя нехватка экипажей для всех кораблей его по-прежнему беспокоила.

Иксион, который и так уже передал ему всех свободных людей, крепко озадачился, где набрать еще бойцов. Под командой Тараса, если считать гребцов, теперь находилось войско почти в полторы тысячи человек.

— Я могу отдать тебе еще часть своих солдат, — нехотя проговорил он однажды, когда они стояли в порту и наблюдали за тренировкой матросов, учившихся поднимать и опускать парус, еще стоя в бухте, — из тех, что составляют ядро моего войска. Но ты должен дать мне обещание, что вернешь мне их назад, как только у меня возникнет надобность в них. — Помолчав, Иксион прищурился на солнце и добавил: — А она может скоро возникнуть.

Тарас бросил короткий взгляд на вождя.

— Собираешься воевать с соседями?

— На Итаке еще не все согласны с моей властью, Гисандр, — туманно ответил Иксион, погладив бороду, — я не тороплю события. Но все может произойти.

Теперь Тарас призадумался. От него требовали по сути заверения, что спартанцы и вверенные им войска примут участие во внутренних конфликтах на стороне Иксиона.

«С одной стороны, — рассуждал он, посматривая, как споро матросы справляются со своим делом, — до сих пор эти люди и так считались его бойцами. Они и без моего разрешения ввязались бы в любую драку, на которую послал бы их вождь. Но сейчас другое дело. Если я выучу их и создам боеспособный флот, отпускать их обратно станет большой глупостью. Вдруг поступит приказ куда-нибудь передислоцироваться? И что тогда,

оставлять корабли здесь?»

— Сколько ты можешь дать еще людей? — уточнил Гисандр, закрыв ладонью глаза от солнца и вновь посмотрев на Иксиона.

— Хватит еще на три корабля, — ответил тот, — да отдам приказ согнать сюда всех свободных крестьян с окрестных земель. Пасти стада будет некому, но зато у тебя появятся бараны, из которых ты сможешь сделать гребцов и, может быть, солдат для оставшихся кораблей. Твой царь будет доволен.

Тарас заметил самодовольную ухмылку, игравшую на лице вождя пиратского воинства. Тот явно хотел втянуть Гисандра и его спартанцев в какую-то аферу, но у Тараса уже созрело решение. Спартамцам было не привыкать вмешиваться в чужие дела силой оружия. Не побоится он и сейчас. Но на своих условиях.

— Хорошо, — кивнул он наконец, — если вдруг что-нибудь случится, то я помогу тебе. Но эти люди уже будут обучены как моряки, и мой царь будет на них рассчитывать. Так что я помогу тебе воевать, но людей не отдам. Тебе неплохо заплачено. А кроме того, победив, ты наберешь себе новых. Даже силой, если захочешь.

Иксион некоторое время молчал.

— У меня воинственные соседи, а мое пешее войско ослабнет, если я отдам тебе своих лучших солдат, — произнес Иксион наконец, но так, что было не ясно, отказывается он или принимает условия Гисандра, — но если ты обещаешь мне поддержку спартанского царя, я согласен.

«Хитрая сволочь, — ухмыльнулся Тарас, у которого еще не было точных сведений о врагах Иксиона, — да если укомплектовать все корабли, с таким войском мы наверняка перетряхнем весь этот островок. А ведь он еще и не представляет, какое оружие у меня есть кроме этих кораблей».

— Я обещаю тебе свою поддержку, — ответил Гисандр, и по лицу собеседника понял, что тот иного и не ждал.

Глава тринадцатая

Море зовет

После нескольких дней тренировок на берегу и в районе гавани Ватхия, где солдаты Тараса чувствовали себя как дома до такой степени, что он уже про себя окрестил это место первой в истории военной морской базой спартанцев, Гисандр решил выйти в море. Советники Иксиона, с помощью которых он набирал команды и особенно капитанов триер, его не подвели. Капитанами назначили самых бывалых моряков из тех, которым приходилось командовать кораблями не меньше биремы. Тарас всерьез рассчитывал, что они справятся и с кораблями побольше. Другого выхода у него просто не было. Еще никто до него в Спарте не создавал военного флота. И ни у кого не было опыта подготовки гребцов и моряков, не говоря уже о морских пехотинцах. Да и у него самого, надо сказать, такого многогранного опыта не было. Впрочем, с пехотой как раз все было проще, их-то он мог натаскать и сам. А вот по морской части приходилось пока довольствоваться опытом людей Иксиона.

Тарас долго откладывал этот день, но наконец решился. Когда-то надо было проверить в деле все теории последних дней. Гребцы вроде бы неплохо проворачивали весла, заставляя двигаться триеры взад-вперед вдоль берега, но еще ни разу корабли не поднимали паруса и тем более не выходили на открытый простор. А без этого флоту никак.

— Завтра мы выходим в море, — объявил он Темпею накануне, когда находился вместе с ним в мастерской, где уже вовсю кипела работа по производству каменных ядер и порошка для взрывчатой смеси.

Темпей, весь в пыли, даже всплеснул руками от неожиданности.

— Как завтра, господин Гисандр? У меня же ядер наберется не больше чем на пару баллист, не говоря уже о горшках.

— Ничего, — успокоил его Тарас, проходя мимо сложенных рядком у стены ядер, уже заботливо вытесанных руками прикомандированных к Темпею подмастерьев, — завтра мне много не понадобится. Я беру с собой лишь две баллисты. Так что можешь спокойно готовить боевой запас еще несколько дней. Помощников тебе хватает?

Тарас скользнул взглядом по спинам подмастерьев-точильщиков, которые содрогались от ритмичных движений. Сейчас в мастерской находилось еще шестеро греков, отправленных сюда Иксионом в помощь спартанскому оружейнику. Половина из них прибыли из его мастерской.

— Ну, — призадумался Темпей, размазав пыль по лицу, — двоих, самых толковых, я посадил перетирать порошок для огненных горшков. А работать с камнем могли бы и другие.

Тарас перевел взгляд в другой угол плохо освещенной мастерской, устроенной в одном из домов у скалы, но никого больше не увидел. Только каменотесы скрежетали по своим заготовкам специальным точилом.

— Они в другой лачуге, на краю, — подтвердил его догадки Темпей, — смесь мы изготавливаем отдельно от ядер.

— Молодец, — похвалил его Тарас, вспомнив о пожаре в царском темене, — делаешь выводы.

— Далеко от кузницы, — еще больше «прогнул» алхимик.

Тарас довольно усмехнулся. Чумазая физиономия врачавателя, почти позабывшего про свои снадобья в пользу оружейного дела, изрядно веселила его.

— Давай-давай, работай, — проговорил он, стараясь, чтобы его голос звучал поостроже, — когда горшки изобразишь в достаточном количестве на все баллисты?

Темпей испуганно развел руками.

— Пока есть только по одному на каждое орудие. Может, дней через десять-пятнадцать смогу сделать по три. Я еще не все окрестные склоны обследовал. Горы здесь высокие, особенно вокруг бухты Ватхия. Лес дремучий. Нелегко нужные растения разыскать.

— Торопись, — приказал Тарас, надевая шлем и останавливаясь уже в дверях лачуги, — не ровен час, скоро нам понадобятся все твои горшки.

Темпей вновь просиял. Он был рад оттого, что его работа пользовалась таким спросом, и ничуть не переживал о своих былых успехах на поприще медицины. Теперь он пользовал разве что Тараса, хотя тот почти не болел. Более того, согласно спартанскому воспитанию, он сносил все хвори стойко или вовсе не обращал на них внимания.

На первый раз Тарас решил рискнуть лишь пятью кораблями. Но оборудовал артиллерией лишь одну триеру, а остальные баллисты держал в разобранном виде. Большую часть арсенала на той биреме, что привезла его из Спарты. А остальное на вновь созданном складе в предгорьях, недалеко от лаборатории Темпея и подальше от любопытных глаз. Там же, подальше от посторонних глаз, Гисандр собирался проводить пробные стрельбы на суше. Место было тихое, вокруг действительно ни души, — тут Темпей был прав, — лишь поросшие густым и почти непроходимым лесом отроги. Хотя там имелись тропы, по которым пастухи иногда гоняли свой скот. А из соображений секретности Тарас даже прикидывал, не перебазировать ли ему свой секретный полигон куда-нибудь еще подальше. Но решил отложить это дело до возвращения из пробного плавания.

Островок Тарасу сразу показался почти нетронутым цивилизацией, а при ближайшем рассмотрении это мнение лишь подтвердилось. Побережье вокруг бухты Ватхия и ближайшие окрестности вплоть до горных лагерей Иксиона, — вот и все, что пока было известно спартанцу, вынужденному по воле судьбы стать первым в истории Лакедемона адмиралом-самоучкой. Места эти были гористы и обильно поросли лесом. Несмотря на относительно небольшой, как показалось с моря, размер острова, здесь было где затеряться. Особенно если знать местность.

В то утро погода стояла прекрасная, ветер был слабый, что благоприятствовало планам Тараса пройтись на веслах вдоль восточной, малозаселенной оконечности острова и

вернуться обратно, не слишком мозоля глаза окрестным рыбакам и соглядатаям других вождей, которые здесь, судя по всему, имелись.

— Как покинем бухту, — порадовал его Иксион, который тоже выразил желание опробовать спартанские корабли в деле, и напросился к нему в попутчики, — можем повстречать другие триеры.

— Это опасно? — поинтересовался Тарас, расположившийся на корме своего нового судна и взиравший с ее высоты на живописные окрестные виды. — Тут ходят корабли твоих недругов?

— Итака — небольшой остров, — спокойно ответил Иксион, подставляя лицо легкому ветерку, — здесь все рядом. У моих недругов тоже есть триеры, но не так много. А что до остальных любителей промыслять пиратством в окрестных водах, то для них такие мощные корабли не по зубам. У них есть только лодки. — Он чуть помолчал и добавил, обернувшись к Тарасу:

— Гораздо больше следует опасаться подводных скал, сирен или гнева Посейдона.

— Это верно, — не стал спорить Тарас, и на всякий случай соврал: — Я уже принес жертвы Посейдону.

Медленно, словно никуда не торопясь, один за другим все пять кораблей покидали бухту Ватхия.

Капитаном флагманской триеры был назначен грек по имени Илларий — старый пират, побывавший во многих боях. Но, как удалось выяснить Тарасу, перед тем как стать джентльменом удачи и осесть на Итаке, много лет отслуживший в военном флоте Ахайи.

Сам же корабль носил «рабочее» имя «Тайгет», да и то пока тайно. Тарасу очень хотелось назвать свой флагман по-спартански и лучше бы как-нибудь величаво. «Лакедемон», например, словно это была не триера, а целый авианосец. Но пока что он не хотел привлекать внимание соседей к тому, что базировавшийся у Ватхия флот имеет спартанское происхождение.

Все греки знали, что у Спарты нет флота. И если среди любознательных соседей Иксиона найдется такой, который имеет сношения с другими спартиатами, то ему не составит труда узнать, кто именно руководит этим новым флотом, который после долгой стоянки на приколе вдруг ожил, обретя команды из пиратов Иксиона. А в Спарте было кому заинтересоваться столь странным фактом, особенно после исчезновения Гисандра. И сам Гисандр отлично понимал: когда речь идет о власти, расстояние, отделявшее Спарту от Итаки, преодолеть совсем несложно даже без наличия флота. При желании шпионы эфората могли достичь Итаки так же быстро, как и он сам. И, что немаловажно, сделать это тайно. Конечно, Спарта не будет посылать сюда из-за него армию, а захватить его врасплох тоже будет трудновато — Тарас постоянно был в гуще солдат, передвигался же со свитой из проверенных телохранителей-спецназовцев. Но нарушить тайные планы царя, в которые он до конца так и не был посвящен, это вполне возможно.

«Ну не „Арго“ же его называть, — усмехнулся Тарас, с удовольствием разглядывая изящные обводы остроносой триеры, разрезавшей тараном волны узкой бухты под ритмичные взмахи весел, — пусть пока „Тайгетом“ походит, а там поглядим».

Красота гористых берегов Итаки просто завораживала. Караван из военных судов медленно удалялся от порта, рассекая спокойные волны закрученной, словно улитка, бухты. Высокие скалы, стискивавшие прилегавшие к Ватхию берега, постепенно расступались и «раскручивались» в обратную сторону, выпуская корабли спартанцев в море. Они плыли уже довольно долго, но врезавшаяся глубоко в сушу бухта все еще не закончилась.

— Она так похожа на норвежские фьорды, — проговорил себе под нос Тарас, когда его молчаливые впечатления нашли наконец выражение в словах, — как же я не заметил этого по дороге сюда.

— На что похожа? — переспросил Иксион, уловивший бормотание Гисандра.

— Да так, — отмахнулся тот, — на одну местность в северных землях, где я как-то бывал.

— Разве спартанцы заходили так далеко со своей армией? — удивился еще больше местный вождь. — Это в Македонии?

— Нет, поближе, — попытался уклониться от прямого ответа Гисандр, намекая, что, мол, не может рассказывать Иксиону все военные тайны Лакедемона.

— Странно, — не стал настаивать тот, лишь добавив. — Я ничего об этом не слыхал.

«Надо будет меньше откровенничать с ним, — осекся новоиспеченный мореплаватель, — он, конечно, все равно не понял, о чем речь, но зачем нам лишние подозрения. Для спартанца у меня действительно слишком большие познания об окружающих странах. Даже тех, где армия Лакедемона никогда не бывала».

И он приказал себе не расслабляться, а получше следить за тем, что говорит.

Когда берега наконец расступились и показалось открытое море, раздался зычный вопль Иллация, который прохаживался по палубе, задирая матросов и рассматривая установленные в носовой части баллисты — странные сооружения, вызывавшие его неподдельный интерес.

— А ну, рулевой, принять вправо! — прогрехотал капитан, ничуть не смущаясь присутствием своего начальства. — Ты что, ослеп, олух? Или твои поганые уши забиты козым дерьмом?

Он сделал еще несколько шагов и, оказавшись на корме, буквально рядом с Тарасом, закончил «напутственную речь»:

— Да поживее работай, скотина, а то угодишь прямо на скалы!

Рулевой, управлявший кормовым веслом, — здоровенный парень в кожаной жилетке, сандалиях на босу ногу, коротких красных штанах и с непокрытой головой, — изо всех сил подналег на весло, и триера, двигавшаяся во главе каравана, стала быстро забирать вправо. А взору Тараса открылось то, чего он не заметил, — гряда рифов прямо по курсу на небольшом удалении от берега. Благополучно разминувшись с ней, корабль лег на курс вдоль берега. За ним маневр «уклонение» повторили все оставшиеся триеры.

— Пока потерь нет, — констатировал Тарас, глядя, как его небольшой флот, распутивая рыбацкие лодки, что мельтешили у входа в бухту, вышел на открытую воду, — пора начать наши учения. Эй, Иллорий!

Глава четырнадцатая

Большие гонки

Капитан, уже находившийся почти в носовой части, обладал отличным слухом, несмотря на то, что одно ухо у него было обрублено чьим-то клинком. Не прошло и мгновения, как он стоял рядом с Тарасом и «пожирал» его глазами. Иллорий был явно польщен, что его прошлые заслуги учтены и он назначен капитаном, а не отправлен в трюм ворочать веслами, как большинство его соратников по ремеслу.

— Устроим состязания, — заявил Тарас, на шлеме которого, гордо блестевшем в лучах солнца, ветер перебирал красные перья. — Экипаж триеры, что первой дойдет вон до той скалы и обогнет ее, награжу.

Капитан кивнул и с легким поклоном ответил:

— Будет исполнено, господин Гисандр.

Тарас самодовольно усмехнулся, против воли польщенный таким явным подхалимством со стороны пирата.

Получив приказание, все пять триер, выстроившиеся сейчас в линию, резко прибавили ходу. Послышался ритмичный плеск весел, и вскоре Тарас с удовлетворением заметил, что три корабля сразу же вырвались вперед почти на полкорпуса. Среди них был и его «Тайгет». Но радость его быстро угасла, — на остальных явно были какие-то проблемы с гребцами. Это было видно невооруженным глазом, поскольку весла двигались не ритмично, и триеры все время рыскали носом из стороны в сторону, норовя сбиться с курса. Более того, на ближнем к «Тайгету» корабле произошла какая-то потасовка. На глазах удивленного

адмирала кто-то из пиратов, кажется, это был выбранный им капитан, после короткой перебранки с размаху врезал рулевому, и тот с криком вылетел за борт. Триера, оставшись без рулевого, тут же начала забирать круто влево, нацелившись в корму идущей рядом триере Гисандра. Но ее капитан и не думал позаботиться об изменении курса. Он уже сцепился с другим матросом, которого тоже захотел выбросить за борт. Но на этот раз противник оказался половчее и сдаваться не собирался. Он яростно отбивался, успев надавать тумачков капитану. А потом даже выхватил свой широкий нож, сверкнувший на солнце.

— Что творят! — воскликнул Тарас в раздражении — Ну и субординация у меня во флоте. Выживут, сам всех повешу.

Однако нужно было спасать свой корабль. До столкновения оставалось совсем немного.

— Иллариий, ко мне! — рявкнул Тарас.

Когда находившийся поблизости капитан уже стоял рядом, Тарас указал рукой на приближавшуюся триеру. Илларию не пришлось объяснять дважды. Едва бросив взгляд в указанном направлении, он все понял и не стал рассматривать, что там происходит на палубе приближавшейся триеры и где ее рулевой. Вместо этого он подскочил к своему и крикнул, перекрывая плеск весел:

— Быстро, лево руля!

Его команда была выполнена беспрекословно, и «Тайгет» стал уходить от неминуемого столкновения в открытое море. Но Иллариий этим не удовлетворился. Двигались они, по его мнению, недостаточно быстро. Поэтому капитан успел сбегать в трюм, откуда до адмирала донеслась отборная брань. После этого триера заметно прибавила ход и окончательно вышла из опасной зоны.

Едва это произошло, Гисандр, обернувшись назад, заметил, что «мятежная» триера пересекла его курс метрах в двадцати позади и развернулась почти поперек хода всех остальных кораблей. Он уже подумал, не стоит ли прекратить так неудачно стартовавшие учения, чтобы приструнить распоясавшегося капитана и матросов, но решил рискнуть. «Пусть сам разберется, — подумал Тарас, пытаясь разглядеть, что происходит на палубе отставшего корабля, — посмотрим, на что он годится как капитан. Не сумеет подавить бунт — это будет его последнее плавание. А если он еще сам все это затеял... ладно, после разберемся».

— Вернемся в гавань, надо будет его повесить, эти олухи едва не протаранили нас, — посоветовал Иксион, тоже наблюдавший за происходящим и словно услышавший его мысли, — если он, конечно, не решит угнать корабль.

— Пусть только попробует, — процедил сквозь зубы Тарас, отворачиваясь, словно ему больше было неинтересно знать, как поведет себя отставшее судно.

Мысль о том, что его новые подопечные, вчерашние пираты, решили просто захватить вверенный им корабль, поначалу Тарасу как-то не пришла. А когда он все же подумал об этом, то решил, что выхода все равно нет. Он вынужден полагаться на этих людей. Все остальные триеры продолжали выполнять приказ и рвались наперегонки к указанной скале. Из-за происшедшего «Тайгет», вернувшийся в строй, шел теперь не первым, а лишь предпоследним.

— Иллариий, — вновь подозревал капитана Тарас, и произнес, усмехнувшись. — Ты молодец, ловко увернулся от столкновения. Но что-то мы еле тащимся. Меня засмеют собственные матросы, если мы не выиграем эту гонку.

— Я все понял, господин Гисандр, — в свою очередь ухмыльнулся грек, потерев обрубленное ухо и бросив взгляд на Иксиона, — мы ее выиграем, обещаю вам.

И вновь направился в трюм. После его визита триера, и так быстро набиравшая ход, просто полетела над волнами. Замыкавший до этого колонну корабль они вскоре вновь оставили позади. Походя Тарас отметил, что матросы на его палубе ворочались как сонные мухи, не говоря уже о гребцах. Скоро «Тайгет» вошел в «тройку лидеров» этого гребного

состязания. До скалы оставалось уже меньше пяти стадий, корабли шли нос в нос, когда Тарас понял — ему никто не собирается уступать. Капитаны двух других кораблей тоже подгоняли свои экипажи. Брань стояла такая, что Тарас отчетливо слышал все, не сходя со своего места на корме. Впрочем, ругань Иллария иногда заглушала эти звуки.

Переводя взгляд с одного корабля на другой, Гисандр успевал еще следить за морем и берегами. Денек выдался отличный. Почти тихий. Солнце играло на лазурных волнах, рассекаемых корпусами триер. Вокруг кораблей резвились дельфины. Вдали зеленели поросшие лесом берега Итаки. Просто идиллия, если не обращать внимания на разыгравшееся соревнование пиратских экипажей, которым такое задание явно пришлось по душе.

— Посейдон присматривает за нами, Гисандр, — сказал, заметив, куда он смотрит, Иксион, — прислал сюда своих слуг.

Тарас молча кивнул, мысленно поблагодарив Посейдона за то, что тот не прислал сюда акул. А то выпавшим с «мятежного» корабля матросам — чуть раньше Тарас видел, как кто-то еще против воли покинул его борт — пришлось бы не слишком сладко. Последняя триера, на какое-то время слегка выправив курс, похоже, почти легла в дрейф, и Тарас всерьез начал беспокоиться, что там разыгралась настоящая драка. Если не бунт. Но, прежде чем вернуться к этому вопросу, предстояло выиграть гонку. Сначала он хотел воодушевить своих людей, а лишь потом рубить головы.

У самой скалы все три корабля чуть не столкнулись, протаранив друг друга, — но разогнавшийся быстрее всех «Тайгет» буквально на два взмаха весел опередил не желавших сдаваться соперников и проскочил в щель между ними, вырвавшись на оперативный простор. Правда, без потерь не обошлось. Триера Гисандра так близко прошла от других триер, что обломала им часть весел, а сама едва не получила удар в корму. Но, к счастью, в последний момент все обошлось.

— Лево руля! — заорал от радости Илларий, услышав за спиной треск ломаемых весел, вызвавший у него лишь веселье. — Мы победили! Обогнуть эту проклятую скалу!

Разогнавшийся «Тайгет» заложил крутой вираж влево, обходя высившуюся посреди моря одинокую скалу. Палуба резко накренилась. Отвыкшие от таких маневров моряки и часть солдат, отобранных Гисандром для последующей «перековки» в морскую пехоту, повалились на палубу. Но в море никто не улетел. Тарас лишь бросил беспокойный взгляд на баллисты, которые могли тоже сорваться со своих мест, но остался доволен — «спецназовцы», которым была поручена их охрана, закрепили орудия вполне сносно. Обогнув без потерь скалу, «Тайгет» чуть замедлил движение и направился назад в сторону гавани. Два остальных «противника» тоже миновали эту «вешку» и пристроились в хвост. Из-за потери части весел в носовой части они чуть сбавили ход, но боролись между собой до последнего.

— Как зовут капитанов? — уточнил Тарас у Иксиона, тоже наблюдавшего за дуэлью этих упертых моряков. Сам он еще не твердо выучил их имена.

— Того, что пришел вторым, зовут Панторий, — ответил грек, — а третьего — Сикел. Эти вояки из моих лучших людей.

— Вижу, — кивнул удовлетворенный их первой службой Тарас, — пожалуй, хоть я и выиграл гонку, а их тоже награжу.

По лицу Иксиона расплылась самодовольная улыбка, он принял эту похвалу на свой счет. В конце концов, это действительно были его люди.

Вскоре четвертая триера все же дотащилась до финиша и, спокойно миновав его, присоединилась к сбросившим ход кораблям. Смерив ее слегка презрительным взглядом, Тарас перевел его сначала на берег, — они поравнялись с обширной бухтой, которая казалась абсолютно пустынной, — а затем в открытое море, где со стороны материковой Греции виднелось несколько парусов, шедших мимо острова на север.

— Торговцы, — охотно пояснил Иксион, как опытный пират, разбиравшийся в парусах, — идут из Коринфского залива. Наверное, зерно везут. Из Ахайи или Элиды, а

может быть, из самой Фокиды. Хотя я слышал, что близость персов распугала там всех торговцев.

Тарас уловил в его голосе едва ли не сожаление, что, имея такое превосходство в силе и технике, он не может прямо сейчас напасть на этот торговый караван и просто разграбить его.

Упоминание о Фокиде, где сражалась сейчас спартанская армия во главе с царем Леонидом, ненадолго отвлекло Тараса от происходящего. Он вспомнил, что считается теперь на родине «без вести пропавшим», а эфоры наверняка почитают его за предателя. Но не это беспокоило сейчас Тараса, гораздо больше он хотел знать, чего же ждет от него царь, отправивший его сюда. Какой службы?

— Смотри, — бесцеремонно толкнул его под локоть Иксион, — дело плохо. Они ссаживают часть команды. По нашему обычаю так отпускают тех, кто не захотел подчиниться командиру. Значит, там и в самом деле было жарко.

Услышав это, Тарас словно вынырнул из небытия.

— Что, бунт? — переспросил он, вперив полный ненависти взгляд в дрейфовавший по волнам пятый корабль, так и не закончивший гонку. — Ну я сейчас покажу вам, что такое регулярный флот.

Рядом с триерой, безвольно опустившей в воду все свои весла, раскачивалась на волнах единственная шлюпка. К ней, прыгнув с борта, плыли человек десять заговорщиков, которых с корабля провожали громкими криками и звоном оружия. Бунт, похоже, потерпел неудачу, но Тарас был не намерен проявлять благородство и отпускать выживших после драки бунтовщиков. Все они должны быть жестоко и немедленно наказаны. Иначе то же самое могло быстро повториться на других кораблях.

Он жестом подозвал своих «спецназовцев».

— Бриант, зарядить баллисту! — приказал он. — Видишь вон ту шлюпку по правому борту?

Боец кивнул.

— Разнести ее в щепки! — рявкнул Тарас, приходя в ярость. — Чтобы ни один не смог уйти. Пусть отправляются на корм рыбам.

Когда бойцы завозились у баллисты, приводя ее в боевое положение, Иксион, заинтригованный их манипуляциями, но так и не понимавший пока их сути, уточнил.

— Что ты собираешься делать, Гисандр? — спросил он, засунув руки за пояс. — Атаковать корабль? Но как? Да и зачем, думаю, он уже опять в наших руках. А эти крысы пусть бегут.

— Ну уж нет, — удивился Тарас неожиданной доброте Иксиона, — никто из тех, кто предал спартанцев, жить не будет. Боги этого не допустят.

При этих словах невольно вздрогнул даже сам Иксион, а Гисандр, вперив в него злобный взгляд, словно уличил вождя пиратов в предательстве, добавил, чтобы исключить все колебания:

— Мне не важно, как поступают пираты с бунтовщиками. Спартанцы их казнят. Но корабль я атаковать не буду, если он действительно подчинится мне беспрекословно. Для начала я уничтожу шлюпку. А там видно будет.

— Уничтожишь? — вновь переспросил, словно не веря своим ушам, Иксион, пристально всматриваясь в то, что творили «спецназовцы» с баллистой. — Но как? Ты расколешь ее нашим тараном?

— Нет. Я расколю ее с помощью вот этого оружия, — спокойно ответил Тарас, раскрывая свою военную тайну, — оно способно метать камни так далеко, как не может этого сделать и лучший пращик.

— Но во всей Греции нет такого оружия, Гисандр, — возразил Иксион, но в его голосе Тарас уже не слышал былой уверенности.

— Теперь есть, — просто ответил спартанец и добавил с нескрываемым превосходством: — Смотри.

Иксион молча повернулся в сторону шлюпки, которая была уже не так далеко, но все же дальше полета стрелы, и стал наблюдать. Тем временем бойцы Тараса уже натянули барабаны и заложили первое каменное ядро. Бриант и Этокл навели орудие на шлюпку. Корабль взял чуть левее, чтобы не налететь на триеру, к которой он приближался.

— Давай! — махнул рукой Тарас.

Торсионы скрипнули, издав уже привычный для уха Тараса звук, и баллиста вышвырнула ядро далеко вперед. Просвистев положенное расстояние, оно с плеском рухнуло в воду буквально в трех метрах от шлюпки, обдав брызгами только что вскарабкавшихся на нее пиратов.

— Недолет, — спокойно отмахнулся Тарас, поймав на себе удивленный взгляд Иксиона, — сейчас пристреляются.

И действительно, артиллеристы не подвели. Следующее ядро попало точно в цель. Массивный обточенный камень, поднявшись вверх, пролетел по настильной траектории и угодил прямо в дно, пробив его. Одновременно он успел превратить в кровавую кашу пирата, лежавшего там. Вопль ужаса разнесся над водой, достиг слуха Гисандра, а также Иксиона.

— Я же говорил, — пожал плечами Тарас, как ни в чем не бывало, — пристреляются. Сейчас мы отправим остальных на корм рыбам.

Третье ядро, оказавшееся последним, ударило точнехонько в нос шлюпки. От удара шлюпка просто раскололась пополам, а носовая часть вообще разлетелась вдребезги. Испуганные пираты посыпались в воду, кроме тех, что безвольно стояли на корме, парализованные страхом и уходя вместе с ней в воду. Но и эти скоро пришли в себя, оказавшись в море. Теперь на месте шлюпки плавали лишь ее деревянные обломки, среди которых барахтались несколько выживших человек.

— Бриант, — подозвал своего оруженосца и телохранителя Тарас, когда корабль достиг места крушения шлюпки, практически поравнявшись с триерой, — добить остальных.

— У нас нет луков, — напомнил слуга.

— Возьми гастрафет, — разрешил показать еще одну тайну Тарас, бросив быстрый взгляд на Иксиона, — все мятежники должны быть убиты на глазах команды корабля.

Бриант поклонился и, подозвав Никомеда, быстро достал из мешков свое проверенное оружие. А затем они, словно в тире, методично расстреляли барахтавшихся в воде пиратов.

— Я видел многое, — пробормотал пораженный Иксион, когда «расстрел», также поразивший его, был закончен, — но такого оружия никогда. Откуда оно у тебя, Гисандр?

Грек осторожно обходил баллисту, уже приведенную в походное положение, поглаживая ее массивные балки и торсионы.

— Мне помогают боги, — пожал плечами Тарас, найдя вполне понятное Иксиону объяснение, — а сейчас я хочу осмотреть мятежный корабль.

Пристав к безвольно качавшейся на волнах триере, Тарас высадился на нее вместе с пятью десятками тех пиратов, которых прочил в морях. Мало ли что еще могло произойти. Но на abordаж триеры брать не пришлось. Оказалось, что вспыхнувший в самом начале гонки бунт, который устроил сам капитан, был подавлен. А с оставшимися команда, принявшая сторону Гисандра, разобралась по-своему. Почти все бунтовщики в пылу драки были убиты, и лишь немногим разрешили покинуть борт.

— Где капитан? — уточнил Тарас, пройдя по кораблю и не найдя его.

— Убит, — ответил широкоплечий пират, который был сейчас за главного, — я раскроил ему череп вот этой самой рукой, господин Гисандр. И выкинул за борт.

При этом он продемонстрировал Тарасу окровавленный меч.

— Молодец, — похвалил его Тарас, — будешь капитаном вместо него, пока я не назначу нового. А сейчас принимай командование и веди корабль в бухту.

Глава пятнадцатая

Новый легион

Первый выход в море занял почти весь день, который из-за множества событий пролетел незаметно. Когда все триеры благополучно ошвартовались в гавани Ватхия, ее почти сразу накрыли теплые южные сумерки. Но Тарас не спешил распускать команды. Да и отныне такого понятия, как «распустить», он не представлял. Только «сойти на берег».

Получив такую редкую возможность, Гисандр задумал сформировать настоящий флот, где команда представляет со своим кораблем единое целое. Теперь гребцы и моряки должны были обитать не в горных лагерях Иксиона, а либо в барках, выстроенных специально для них на берегу бухты, либо на самих кораблях. Не всем это пришлось по вкусу, но нрав нового начальника был уже известен, и Тарас видел первые ростки дисциплины среди этого сброда. Конечно, он и не рассчитывал, что все поползновения сразу прекратятся, слишком уж долго эти вояки жили вольно. Однако самых буйных он уже казнил, а бывшие пахари, рыбаки и даже пираты постепенно привыкали к новому существованию. И многим оно даже пришлось по вкусу.

Выстроив команды всех пяти кораблей на пирсе уже при свете факелов, прежде всего Тарас еще раз напомнил всем, что за попытку бунта он будет казнить всех безжалостно.

— Этот флот не пиратский, и он будет подчиняться жестким законам, кем бы вы ни были раньше, — предупредил Гисандр, обводя всех холодным взглядом, который не сулил ничего хорошего, — за неповиновение назначенным мною командирам — смерть. Если сам командир попытается ослушаться моего приказа, его постигнет та же участь. Помните об этом всегда. Теперь я для вас закон и порядок!

Тарас прислушался, рассчитывая услышать недовольное бормотание, но толпа замерла в молчании. Тогда он решил закончить «работать кнутом» и перейти к «пряникам», быстро сменил гнев на милость.

— Я обещал наградить команду победившего в гонках корабля, — заявил во всеуслышание Тарас, — и я это сделаю. Хотя лучшим кораблем и оказалась моя триера, команды Пантория и Сикела также достойны награды. Они сражались до последнего. И я ценю это.

Тарас замолчал, а названные капитаны и моряки с их кораблей обратились в слух.

— Победителя Илларию я награжу деньгами, а для остальных команд сегодня мы устроим пир. Для всех, включая гребцов.

Пираты радостно загомонили, а затем кто-то громко выкрикнул:

— Слава Гисандру!!!

И все тотчас подхватили хором:

— Слава Гисандру!!!

«Вот так и становятся вождями пиратов, — невольно усмехнулся Тарас, разглядывая при мерцающем свете факелов это пестрое воинство, продолжавшее славить его имя, и бросая косой взгляд на не слишком довольного Иксиона, — главное, чтобы не бросились меня качать, а то охрана не поймет».

Но ничего подобного не произошло, хотя толпа и пришла в радостное возбуждение, поняв, что сейчас больше никого казнить не будут.

— Теперь они твои, — усмехнулся Иксион.

— Нет, сегодня твои, — возразил Тарас, — скоро я покину гавань, но кто-то должен с ними остаться и разделить радость. Надеюсь, это будешь ты. Мы, спартанцы, пьем мало. А мне еще нужно сегодня посетить своего оружейника.

И Тарас, не теряя времени, приказал выкатить со складов бочки с вином и устроить на берегу пир для всех, кому обещал. Илларию он лично, на глазах у пиратов, блескующих не хуже факелов при виде денег, отсыпал горсть медных монет из переданного ему пифием «на всякий случай» небольшого кошелья. Получив награду, Иллариус выглядел таким довольным, словно ему отсыпали мешок золота. Но Тарас отлично знал, что и за эти деньги грек сможет купить себе немало удовольствий, а потому не спешил расходовать имевшиеся у него в ограниченном количестве «драгметаллы». Трогать «золотой запас» царя Леонида,

хранившийся в горных пещерах, ему, понятное дело, воспрещалось. Да он и знать-то не должен был о том, что внутри, но догадываться ему никто не запрещал.

— Не забудьте охрану выставить у кораблей, — напомнил он командиру периеков, покидая гавань, поскольку сам не участвовал в этом гульбище, — а то спьяну как бы не спалили что-нибудь.

— Я все сделаю, — поклонился командир периеков, на котором лежала обязанность охранять бирему с разобранными баллистами и контролировать охрану остальных триер, которую должны были обеспечить патрули из самих команд.

Когда Тарас, направившийся в обитель Темпея, где он рассчитывал быть уже затемно, шагал по горной тропе в сопровождении своих телохранителей, ему вслед донесся еще один вопль: «Слава Гисандру!!!» Он невольно ухмыльнулся и, остановившись, бросил взгляд назад. Там, вдоль берега горели костры, и шумела пьяная толпа. Только начавшееся веселье входило в самый разгар. «Теперь они будут славить меня до утра. Как мало этим пьяницам надо для счастья, — подумал он и, поправив плащ на плече, зашагал в ночь, — главное, чтобы Иксион не слишком ревновал».

Но раздавшийся вслед за этим крик «Слава Иксиону» его немного успокоил.

Наутро, выяснив, что у Темпея сделано еще недостаточно много горшков, Тарас приступил ко второй части своего плана подготовки тайного спартанского флота. Он решил начать подготовку бойцов, которым предстояло стать морскими пехотинцами. А для этого требовалось собрать их всех вместе, и для начала он решил это сделать на берегу.

На рассвете Гисандр отправил гонца в бухту с приказом всем бойцам пехотных подразделений немедленно покинуть корабли и прибыть в горный лагерь Иксиона, где он будет их ждать. Это касалось солдат со всех кораблей, а не только с тех, на которых он выходил вчера в море. «Надеюсь, хоть не все они будут пьяны, — подумал Тарас, сам выступая с места ночевки по тропе, еще затянутой утренним туманом, — тяжело с непривычки, но пусть привыкают. Это армия, сынки».

Прибыв первым к месту сбора, Тарас, которого здесь уже давно знала вся охрана и пропускала везде почти так же, как и самого Иксиона, тщательно осмотрел прилегавшие к горному лагерю долины. В конце концов он нашел-таки поле, подходившее ему. И когда на перевале появились первые отряды будущих морпехов, он направил их к новому месту сбора.

Поле было не очень большим, но достаточно плоским, чтобы выстроить на нем несколько сотен человек. Тропинку, которая вела по центру долины, с одной стороны подпирали каменные сбросы, а с другой — пологие холмы. Пока потенциальных морпехов у него было всего на семь кораблей, на каждый из которых приходилось в среднем по семьдесят или даже восемьдесят человек. Кое-где было по шестьдесят. Итого пятьсот с лишним головорезов, собранных отовсюду, которых предстояло обучить искусству спартанского боя.

— Все, кто пришел, пусть выстроится по командам своих кораблей, чтобы я мог сразу различать вас, — приказал Тарас, за спиной которого полукругом стояли его верные «спецназовцы», а за ними отряд из двух десятков периеков, — именно так вам и предстоит биться.

Однако слово «выстроиться» эти бойцы все еще понимали не с первого раза и вдобавок каждый по-своему. Поэтому, когда они выполнили команду Гисандра, ему предстало живописное зрелище, только в общих чертах напоминавшее строй гоплитов. Это было семь отрядов, сбившихся в кучу и ставших не четким прямоугольником, а каким-то полукругом.

— Отлично, — тихо проворил Тарас так, что его никто не расслышал, — а теперь будем делать из вас солдат.

Он сделал шаг вперед, подняв свой щит и копье. Но, прежде чем отдать команду, призадумался. Сначала он хотел приказать всем встать привычной ему фалангой, но биться предстояло на море, а не на суше, и в этом случае, слившись, исчезли бы все «команды»

кораблей. Нужно было как-то сохранить этот принцип. И тогда он приказал то, что пришло ему на ум первым.

— Каждый отряд, — громко объявил он, вскинув копье, — должен встать ровно, по двадцать человек в ширину и четыре в глубину. И не сливаться с соседним. Выполнять!

Когда пираты, не без разговоров и взаимных тычков, кое-как разобрались, Тарас увидел перед собой совсем другую картину. Рассредоточившись поперек всей долины, воинство почти перегородило ее. Однако не успели все успокоиться, как неожиданно, за спинами метавшихся пиратов, Тарас вдруг разглядел еще несколько отрядов, приближавшихся к месту сбора. Их шлемы, мечи и щиты блестели в лучах солнца, давно разогнавшего утренний туман. Подойдя сзади к выстроившимся порядкам, они загомонили, пытаясь пробить себе дорогу. Едва не началась потасовка, и только вмешательство Тараса уgomонило всех.

— Кто такие? — спросил он, приблизившись к командиру одного из прибывших отрядов.

— Иксион приказал нам прибыть сюда, господин Гисандр, — ответил тот, держась за кожаный пояс, — мы пришли служить под твоей командой бойцами на кораблях.

— Отлично, значит, пополнение, — кивнул Тарас, — вы вовремя. Сколько вас прибыло?

— На целых три корабля хватит, — радостно ответил пират, — сила.

— Это еще человек двести с лишним, — пробормотал Гисандр, вновь осматривая не слишком большую долину, — итого почти восемьсот. Ты прав, это сила. Как бы вас тут всех разместить?

Вернувшись назад, он выкрикнул новый приказ:

— Перестроиться всем в колонну по десять человек в ширину и восемьдесят в глубину!

Во время очередного шумного перестроения, которое никак не могло закончиться, Тарас вновь потерял терпение.

— Чтобы вы соображали быстрее, — выкрикнул он, — на время учений в каждый из отрядов командиром будет назначен спартанец! Всех, кто будет туго соображать, ждет наказание.

И подозревая к себе восьмерых самых толковых периеков, он приказал им возглавить все отряды. Едва те появились рядом с бойцами, щедро раздавая тычки копьями, перестроение пошло заметно быстрее. А когда оно наконец закончилось, Тарас увидел перед собой восемь колонн, почти ровных, но так тесно прижатых друг к другу, что они почти сливались в фалангу.

— Да, маловато поле для такого количества солдат, — озадачился Тарас, прохаживаясь вдоль строя и разглядывая потные лица бойцов, которых ужасно раздражало непривычное занятие, — развернуться негде.

— А ну-ка, — решил он, — первые три отряда с левого края, выдвинуться вперед. Следующие четыре, встать за ними, перекрыв промежутки. Последний отряд развернется в длину и будет прикрывать тыл.

Раздосадованные вояки вновь принялись за муторное дело, которое ненавидели. Им больше по сердцу была хорошая драка без всяких построений, однако командир-спартанец и его «представители на местах» нисколько об этом не беспокоились, стремясь добиться от них только четкого выполнения приказа. На этот раз, при помощи периеков, все прошло заметно быстрее. Восемь четких ромбов, блестя на солнце оружием, предстали перед Тарасом достаточно грозной силой.

«Где-то я это уже видел, — вдруг поймал себя на мысли спартиат, рассматривая новые порядки, — восемьдесят человек, выстроенных отдельным ромбом. Это не огромная фаланга, которая стоит недвижимо, ожидая врага. Эти порядки предназначены для нападения. Потом каждый отряд можно разделить еще на два и поставить в ширину, если место позволит. Греки так не воюют. Так это же...»

Тарас даже остановился от удивления и проговорил вслух:

— Так это же получается самая настоящая центурия. Легион, е-мое.

Удивленный собственной прозорливостью, Тарас тут же решил привнести в тактику спартанского стиля новые мотивы, взятые им из далекого будущего. Ведь легион как боевая единица в этом времени еще даже не зародился. Да и Рим пока был всего лишь деревней, полностью зависимой от соседних царьков. И, хотя по численности бойцам Гисандра до штатного римского легиона еще было далеко, это не слишком беспокоило Тараса, вдохновленного новыми перспективами. Он загорелся еще одной мечтой — создать помимо флота и артиллерии новый стиль боя на суше. Ну если не создать, то хотя бы позаимствовать у римлян, добавив в нее и собственные знания. Зачем хорошей идее пропадать еще несколько сотен лет.

Однако, кроме перестроений, которые отняли уже и так почти полдня, стоило провести хотя бы первый учебный бой, чтобы дать понять этим воякам, как себя чувствует человек в строю. И Тарас приказал разбить имевшиеся силы на две части, в каждой по четыре центурии — как он тут же окрестил свое детище — и устроить между ними учебный бой. Даже не бой, а просто для начала потолкаться щитами стенка на стенку.

— Помните, вы не должны калечить друг друга, — выкрикнул он, когда все центурии были разведены по разным сторонам долины и стояли друг напротив друга в паре сотен метров, — после приказа «бой!» вы сойдетесь и, сомкнув щиты, просто постараетесь вытеснить противника с его территории. Разрешается наносить удары лишь по щитам. Победит то войско, которое заставит попятиться противника на целую стадию. Сигналом к остановке сражения будет мой приказ или звук рога.

Сам Гисандр, не слишком веря в то, что обойдется без свалки, в сопровождении «спецназа» и оставшихся периеков отошел на ближайший холм, откуда собирался наблюдать за перемещением новоявленных центурий. «А мои периеки, значит, — невольно усмехнулся он, поглядывая на красные плащи командиров отрядов, хорошо заметные на фоне коричневых кожаных доспехов солдат, — первые в истории центурионы. Плюмажи на шлемах им, что ли, поменять?»¹³».

Оглядев оружие своих солдат, он тоже остался недоволен. Некоторые «центурии» будущих морпехов были вооружены короткими прямыми мечами, некоторые длинными, а часть вообще носили изогнутые клинки. Копья эти бойцы особо не жаловали, но примерно у трети они были. Щиты бывшие подопечные Иксиона использовали всех форм и размеров — круглые, овальные и прямоугольные. Правда, все они были не очень большими. Предназначенными только для ближнего быстротечного боя. Шлемы имелись лишь у профессиональных бойцов, — не все здесь были пиратами, — тоже разных форм, но в основном коринфской,¹⁴ самой распространенной среди греческих гоплитов. Повсеместно встречалось смешанное вооружение в одном и том же отряде, ни о каком единообразии и речи не шло. Но это Тараса уже давно не удивляло. Контингент у него подобрался разношерстный — бывшие военные, а рядом пастухи, крестьяне и рыбаки.

— Бриант, — подозвал Тарас своего подопечного, который находился рядом, сжимая в руке сигнальный рог, — вечером отдай приказ кузнецам Иксиона, чтобы всем выковали короткие прямые мечи. Такие в ближнем бою, да еще на корабле удобнее. А щиты оставим круглые, среднего размера. У всех. Над доспехами тоже надо будет поколдовать... но это позже. Когда пойму, что тут с металлом делается.

Бриант кивнул, отступая назад.

— А теперь, — Тарас возвысил свой голос, — бой!

Периеки-«центурионы», вскинув копья, повели свои войска в бой. Тарас с интересом

¹³ Центурионы носили поперечные плюмажи на шлемах, в отличие от обычных легионеров, шлемы которых были украшены продольными гребнями. Впрочем, некоторые спартанские цари, задолго до появления центурионов, также носили поперечные плюмажи.

¹⁴ Коринфский шлем, за исключением глаз и рта, закрывал все лицо и был самым распространенным типом шлема среди греческих гоплитов.

следил за тем, как сближались отряды. Некоторое время, подгоняемые воплями: «Держать строй!», они шли на удивление ровно. Но стоило передним шеренгам сблизиться до десяти метров, как строй выгнулся и бойцы, позабыв про командиров, рванулись вперед, окончательно сломав его. Звук сомкнувшихся щитов Тарас слышал лишь в двух местах. Во всех остальных его подопечные сразу же стали рубить мечами щиты своих противников с такой силой, словно старались разнести их в щепки.

— Завидное упорство, — проговорил Тарас, глядя, как «линия фронта» изогнулась, словно змея, — только так они друг друга просто перебьют.

Происходящее быстро подтвердило его опасения. Буквально через десять минут после начала «учебного боя» он превратился почти в настоящий. Позабыв все приказы, пираты, привыкшие в бою полагаться только на личную храбрость, в нескольких местах смяли первые шеренги противника, далеко вклинившись в его порядки и перемешавшись с «врагами», дрались с ними в полную силу. Со своего места Тарас отчетливо видел, как вояки одной центурии лупили что было сил мечами не только по щитам своих поединщиков, но и, лишив их защиты, в ярости по плечам и рукам. А другие, отбросив непривычные щиты, вращали своими изогнутыми клинками над головой, нанося удары по шлемам и доспехам.

К счастью, убитых Тарас пока не видел, но знал, если так пойдет дальше, этого оставалось ждать не долго. Не прошло и двадцати минут, как полководец больше не мог разобрать, где одна центурия, а где другая.

— А ну, прекратить бой! — заорал Тарас, вскакивая на ближайший валун. — Немедленно остановиться!

Однако его слышали лишь немногие, прекратив драться. Первыми вопль главнокомандующего долетел до «центурионов». Периеки, и раньше пытавшиеся хоть как-то управлять боем, но уже отчаявшиеся навести порядок, вновь воспряли духом. Они с удвоенной силой принялись окриками, тычками и уколами копий приводить в чувство позабывших в пылу драки подчиненных. Но не очень удачно. Их было слишком мало, а вопли тонули во всеобщей свалке.

— Помогите им! — приказал Тарас остальным периекам, которые, подхватив копья, устремились в самую гущу потасовки. — А ты, Бриант, труби! Громче труби, а то эти олухи и звук рога-то не услышат.

Пока Бриант набирал в легкие воздух, чтобы дать сигнал к отступлению, Тарас заметил, что сражение перешло на новый уровень. Видно, вспомнив главный приказ «Не убивать», многие бойцы, побросав оружие, схватились врукопашную. Они с дикой радостью отвешивали друг другу удары руками и ногами, били в челюсть, по ребрам и спинам. Ломали о плечи и головы щиты, дробили копья. Десятки людей валялись на земле «в отключке», а остальные прыгали по ним, как по трупам. О чьей-то победе не шло и речи, вместо того чтобы ровно и четко вытеснить противника на целую стадию за воображаемую линию, сражение распалось на несколько локальных боев, где противники «добивали» друг друга. Несколько групп вообще оказались на другой стороне долины в пылу погони.

— Без жертв, похоже, не обошлось, — пробормотал раздосадованный Тарас, стоя на камне, — эти разгильдяи привыкли драться только так. Придется мне пожестче поработать над строевой подготовкой, а то за каждый учебный бой я буду лишаться целой центурии. Да и то в лучшем случае. Труби, Бриант, труби!

Раздавшийся в этот момент звук рога, который слышали все, заставил дравшихся «протрезветь». Сражение понемногу стало стихать, а вскоре и вовсе прекратилось. Воспользовавшись тем, что пираты перестали яростно драться, «центурионы» вновь отделили одну команду корабля от другой, сделав это простым способом. Каждый встал в определенном месте и, выкрикнув название корабля, потребовал, чтобы все бойцы из этой команды выстроились позади него. Беспорядочная толпа разъяренных воинов стала быстро распадаться и также на глазах оформляться в боевые соединения. Вскоре на поле боя, который Тарас даже в шутку уже не называл учебным, проявились четкие контуры центурий. Оба потрепанных войска, подобрав разбросанное и поломанное оружие, выстроились на

своих местах, как и до начала сражения, а между ними остались лежать человек пятьдесят искалеченных или мертвых.

— Хорошо повеселились, — подвел итог первой тренировки Тарас, глядя на окровавленные тела среди камней, — ну что же, значит, они и в настоящем бою не подведут, если ради потехи так могут изуродовать друг друга.

Спрыгнув с камня, он подхватил свое оружие из рук Этокла.

— А теперь, — произнес главнокомандующий, обращаясь к своим «спецназовцам», — будет наказание заслушание. Приготовиться к броску по пересеченной местности в полном вооружении.

И, поправив шлем, зашагал вниз. Когда настал вечер, соединение морпехов вернулось в лагерь из короткого марш-броска по окрестным горам, недосчитавшись еще нескольких бойцов.

Глава шестнадцатая

Коктейль Темпея

Почти неделя прошла с первого учебного боя. И все это время Тарас потратил на то, чтобы вымуштровать свое соединение морпехов для будущих сражений. Научить исполнять команды и передвигаться строем. Надо сказать, он преуспел. Весь этот разношерстный сброд, почувствовавший его железную хватку, на глазах превращался в подобие настоящих солдат. Тому немало помогали постоянные учения, марш-броски по окрестным горам и долинам с полной выкладкой, и учебные бои, в которых теперь гибло гораздо меньше людей. Бойцы Иксиона, наконец, сносно научились передвигаться строем. А кроме того, Тарас почти выполнил свое намерение, — дать им однообразное оружие, чтобы те еще больше походили на регулярную армию.

Выяснив, что запасы меди у Иксиона имелись, Тарас, недолго думая, реквизировал их почти все.

— Зачем тебе столько? — попытался возмутиться Иксион, глядя, как на его глазах исчезает пиратская вольница, быстро превращаясь в спартанский лагерь. — У них же есть оружие, которым можно раскроить противнику череп.

— У моих солдат должно быть оружие одного вида, — спокойно пояснил он, когда они вместе выходили из кузницы в лагере Иксиона, — только так они смогут биться, как настоящая армия. А все, что мне не подходит, — кривые и длинные мечи ты сможешь забрать себе и вооружить своих солдат. Так что ты ничего не теряешь.

По виду Иксиона нельзя было сказать, что он слишком доволен. Спартанец вел себя в его лагере и на его земле уже давно почти как хозяин, но золото Леонида покрывало все его расходы. А кроме того, Гисандр обещал ему поддержку в случае столкновений с соседями. И он промолчал, спросив только:

— Куда ты направляешься сейчас? Как всегда, натаскивать солдат?

— Нет, — удивил его Тарас, скрестивший руки на груди, — сегодня я займусь совсем другим делом.

Заинтригованный Иксион выжидательно посмотрел на него, прищурив глаза от яркого солнечного света. Денек выдался жаркий и безветренный.

— Обучение солдат идет вполне успешно, его уже могут продолжить без меня и мои помощники, — пояснил он, — меня волнует еще один вопрос.

Тарас выдержал паузу, окинув взглядом лагерь, огороженный частоколом.

— Баллисты, — наконец произнес он, — у меня их чуть больше, чем ты видел. И мне нужно обучить еще специальных людей, которые будут стрелять из них.

— Баллисты? — В голосе Иксиона прозвучал неподдельный интерес. — А сколько их у тебя?

Вождь пиратской вольницы давно находился под впечатлением от первых стрельб с корабля и то и дело пытался разговорить Тараса на эту тему, но тот все отказывался, не

раскрывая настоящие размеры своей военной мощи. И вот теперь сам затронул этот вопрос. Иксион же, пораженный новым оружием, которое боги дали Гисандру, тайне мечтал использовать его против своих соседей в предстоящем нападении, которое давно задумал.

— Так сколько? — не унимался Иксион, видевший только три орудия. — Пять?

— Больше, — ответил Тарас расплывчато, — и каждым должны управлять несколько человек. Толковых человек. Я уже почти отобрал необходимое количество и собирался сегодня провести учебные стрельбы в твоём самом дальнем лагере, что на вершине хребта, с которого видно соседний остров Кефаллению. Мне нужно было такое место, чтобы никто раньше времени не увидел, на что способны эти орудия.

— Это в двух шагах от Аэтоса, что на берегу моря, — кивнул Иксион, одобряя, — место там укромное. Но ведь солдаты уже видели, как далеко они швыряют камни, и могли давно разболтать о нём. Слухи на Итаке расходятся быстро.

— Всего один раз, — успокоил его Гисандр, — им никто не поверит. Скажут, что примерещилось. Но они не видели другого...

Тарас раздумывал, сказать сразу Иксиону о горшках с гремучей смесью или подождать их эффектного испытания у него на глазах, — Темпей как раз закончил большую партию с начинкой из своего «дьявольского коктейля», — но в этот момент к ним приблизился запыхавшийся гонец, желавший что-то сообщить Иксиону.

— Говори, — кивнул тот, — от Гисандра у меня нет секретов.

— До нас дошли слухи, что вождь Ставроса прослышал о наших военных приготовлениях, — чуть отдышавшись, поведал бородатый боец, одетый в кожаный нагрудник, сжимавший в своих руках круглый щит и короткое копье, — он напуган ими, решил, что мы готовимся напасть на него.

— Ну, — поторопил его вождь.

— Поэтому он хочет опередить нас, — выпалил боец, — и сейчас собирает армию у перешейка, чтобы первым напасть на нас.

— Да он безумец, — отмахнулся Иксион, но против воли все же нахмурился. — Ставрос силен, хотя его вождь отлично знает, что у него не хватит воинов, чтобы тягаться со мной.

— Люди доносят, что ему помогают вожди Фрикса и Кионии, — добавил боец.

— Вот как, — ухмыльнулся Иксион, — все оставшиеся вожди Итаки объединились против меня. Грядет большая война.

Вождь пиратов жестом отпустил посланца и, посмотрев на стоявшего рядом Тараса, добавил:

— Я же говорил, слухи на Итаке расходятся быстро. Напугали его твои военные приготовления на море и на суше, Гисандр. Они решили, что это я хочу захватить оставшиеся земли острова, что еще не находятся под моей властью.

— А разве это не так? — усмехнулся в свою очередь Тарас, опустив руку на пояс, к которому были прицеплены ножны меча.

— Ты обещал мне поддержку, — напомнил Иксион, уклонившись от ответа, но Тарасу он был и не нужен.

— И я дам её тебе, — не моргнув глазом, ответил Тарас.

Война на острове не входила в его изначальные планы, но другого выхода не было. Его армия и флот действительно росли на глазах, и соседи начали беспокоиться. Кроме того, это был отличный шанс испытать в бою, на что способна его небольшая и почти обученная армия.

— Много воинов у твоих врагов? — уточнил Гисандр, переходя к делу.

— Самая большая армия у Ставроса, почти полторы тысячи пехотинцев. Из Фрикса и Кионии могут выставить еще три, может быть четыре сотни воинов.

— Корабли есть?

— Есть, — ответил Иксион, — у Ставроса пять боевых триер, у Фрикса две биремы. В Кионии только большие рыбацкие лодки. Они могут перевозить народ, но их много.

Достаточно, чтобы перевезти на мою часть острова большой отряд, если я закрою перешеек.

— Ну тогда считай, что весь остров уже твой, — объявил Тарас, — у нас больше сил.

— В Ставресе хорошая армия, — не разделил уверенности спартанца Иксион, почесав в раздумьях свой сломанный нос, — почти половина — настоящие гоплиты. Чтобы ее победить, мне придется пожертвовать всеми своими оставшимися воинами. Ведь большую часть я отдал на твои корабли.

— Не беспокойся, — продолжал гнуть свое Тарас, скользнув взглядом по линии частокола, — спартанцы помнят добро и помогут тем, кто помог им. Когда стоит ждать нападения?

— Думаю, еще дня два они будут собираться с силами, прежде чем рискнут пройти перешеек, — ответил Иксион, подумав, — возможно, зная про флот, они захотят решить все на суше и не пустят в ход триеры. Хотя жители Ставроса и фрикийцы хитры, неизвестно, чего от них можно ожидать.

— Не пройдет и пары дней, как ты станешь царем Итаки, — уверенно заявил Тарас и добавил, смерив взглядом широкоплечего Иксиона: — Как когда-то Одиссей.

Иксион не смог скрыть самодовольной улыбки. Тщеславие было его слабостью, которую Тарас давно разглядел и использовал.

— А сейчас мне нужно провести учебные стрельбы из баллист, — закончил он разговор, — если хочешь, можешь ко мне присоединиться. Все равно, если верить твоим словам, раньше чем через пару дней война не начнется.

— Даже если они рискнут напасть раньше, — ответил вождь пиратов, уже видевший себя приемником Одиссея, — мои люди сдержат первый удар на перешейке и не пропустят их быстро в глубину острова. Если только наши враги не высадятся с лодок в другом месте побережья. Но, как бы ни было, здесь в горах можно обороняться долго.

— Мы не будем обороняться, — бросил Тарас и, поймав удивленный взгляд собеседника, добавил: — Но об этом позже.

Они были в дальнем лагере Иксиона ближе к вечеру, когда уже начинало смеркаться. Лагерь — небольшое селение на вершине хребта, обнесенное частоколом — был уже подготовлен по приказу Тараса к стрельбам. Здесь были выставлены в ряд целых восемь баллист, при которых уже целый день тренировались артиллеристы. Тарас не рискнул доверить это дело бывшим рыбакам, поэтому половину каждого расчета составляли периеки, которых пришлось освободить от «строевой» службы. Но особого выбора у него не было, а людей не хватало, поэтому остальными «заряжающими» стали бывшие люди Иксиона.

Отсюда, с вершины хребта, был отлично виден соседний остров Кефалления. Вдоль него плавало немало торговых кораблей, спешивших с наступлением сумерек укрыться в береговых бухтах, но ни один из них не спешил причалить к Итаке, пользовавшейся славой гнезда пиратов. «Эти фрикийцы и кионийцы тоже наверняка не только рыбной ловлей промышляют, — подумал Тарас, с гордостью прохаживаясь вдоль строя орудий, у каждого из которых было заготовлено помимо каменных ядер по горшку с божественным огнем, — иначе зачем им триеры».

— Ну у тебя все готово? — поинтересовался Тарас, увидев своего врачевателя, колдовавшего над горшком у крайней баллисты.

— Да, господин Гисандр, — ответил тот, оглядев удивленным взглядом Иксиона, стоявшего по левую руку от спартанца, — можем начинать.

— Ну тогда начинай, — кивнул Тарас и махнул рукой Этоклу, которого поставил тут командиром над периеками и остальными, — а то скоро совсем стемнеет, и огонь на вершине горы в такой час будет слишком заметен.

— Огонь? — переспросил Иксион. — Ты сказал огонь? Чему еще научили тебя боги?

— Сейчас увидишь, — не стал бросать слов на ветер Тарас, присаживаясь на большой валун, нагретый за день солнцем и делая жест вождю пиратов последовать его примеру.

Тем временем Этокл пробежался мимо всех расчетов и еще раз указал каждому на его

мишень. В этот раз мишенями служили несколько пустых сараев на дальнем конце лагеря, которые Тарас решил расстрелять ядрами ради тренировки расчетов, а то, что останется, сжечь, истратив на это не больше двух горшков. Люди Иксиона уже давно покинули эти жилища.

Этокл махнул рукой, торсионы взвизгнули, и первый залп начисто снес внешнюю стену двух сараев. От забарабанивших по ним камней стены развалились почти мгновенно, а сухие и не слишком массивные бревна ломались пополам или даже разлетались в щепки от мощных ударов камней. После второго залпа покосившиеся боковые стены рассыпались, а соломенные крыши рухнули на землю. Несколько ядер, пущенных с опозданием, быстро превратили их в облако соломенной пыли, еще долго висевшее над камнями.

Бросив взгляд на Иксиона, Тарас по его восхищенному взгляду понял, что вождь пиратов впечатлен его новым оружием еще больше.

— Да, значит, они не только на море могут сослужить хорошую службу, эти твои... баллисты, — подтвердил его догадки Иксион, — под такими ударами не устоят никакие ворота на земле. И любой частокол можно разрушить.

— Это верно, — не стал спорить Тарас, — но главное еще впереди. Темпей, заряжай свой горшок. Последний сарай для тебя.

Врачеватель немного повозился у крайнего орудия и приладил на него с помощью периеков свой горшок. Поджег фитиль, а затем отошел на приличное расстояние. Орудие чуть с большей натугой, но все же вышвырнуло горшок в нужном направлении. И, когда он опустился точнехонько на крышу сарая, угодив в перекрытие, Тарас даже удивился меткости, с которой стреляли вчерашние пахари. Горшок тут же раскололся, и жидкий огонь, словно лава из жерла вулкана, потек вниз. Сарай мгновенно запылал, на глазах превратившись в огромный факел. Пока шли стрельбы камнями, сумерки уже успели сгуститься, и теперь этот факел горел на фоне почти черного неба.

— А еще боги научили меня сжигать вражеские корабли, — добавил Тарас, глядя на это, — а если придется, то и города.

— Боги научили тебя многому, — пробормотал ошеломленный Иксион.

Второй горшок Тарас решил сэкономить, и одного хватило для демонстрации поддержки богов.

Следующим утром они вновь были в главном горном лагере, в котором уже все бурлило. Надвигалось сражение.

— Значит так, — проговорил Тарас, выслушав донесение разведчиков Иксиона и своих бойцов, посланных еще ночью по тому же делу в район перешейка, — предлагаю воевать с ними сразу на двух направлениях.

Они сидели под тем же навесом, где познакомились несколько недель назад, за грубосколоченным столом, на котором была разложена карта острова. Ее спартанцу предоставил Иксион, когда тот выразил желание поточнее узнать, как именно изгибается перешеек и какие границы имеет остров в этом месте. Карта была выжжена на куске выделанной кожи довольно искусно, на ней можно было рассмотреть почти все главные бухты, заливы, а также горные кряжи и крупные поселения. На острове было два самых крупных поселения, которые можно было отнести к городам, — Ватхий и Ставрос, — располагавшиеся в разных частях острова, соединенного тонким перешейком. Остальное было на взгляд Тараса не более чем деревнями, хотя многие из них тоже претендовали на статус городов. Вся южная часть Итаки с бухтой Ватхия находилась под властью Иксиона, северная часть делилась между вождями трех областей, самым крупным из которых был вождь Ставроса.

— Правду говорят, что там жил сам Одиссей, правивший Итакой в незапамятные времена? — поинтересовался Тарас, рассматривавший окрестности Ставроса.

— Да, говорят, его дворец стоял именно там, — кивнул Иксион, подставив солнцу свой сломанный нос.

— Тогда тебе тем более нужно его захватить, — подбодрил своего союзника Тарас, в голове которого уже созрел план захвата северной части острова.

Он бросил карту на стол и, окинув взглядом передвижения отрядов, собиравшихся за частоколом, произнес:

— Тебе со своими людьми нужно будет принять основной удар на перешейке, тут удобнее всего сдерживать превосходящие силы противника. Мне уже доводилось не раз противостоять подобному натиску в узких местах с небольшим числом воинов, это наилучшее место для битвы. Да ты и сам это знаешь.

— Знаю, — не стал спорить Иксион, — а чем займешься ты?

— Пока твои воины будут отбивать атаки солдат Ставра, — проговорил Тарас, невольно вспомнивший бой у Фермопильского ущелья, — я нанесу им удар в тыл.

— И как же ты собираешься это сделать? — уточнил Иксион. — Армией Ставра управляет полководец Гиперкид, а он далеко не глуп. Он наверняка перекрыл все подступы к перешейку с другой стороны.

— У него не такая большая армия, чтобы защитить весь берег вплоть до этой, как ее... — Тарас вновь схватил карту. — Кионии. Мы сядем на корабли, обогнем половину острова и высадимся прямо в ее бухте, пока армии этих городков маршируют к перешейку. Настал час использовать флот для вторжения, ведь о такой помощи ты мечтал?

— О, да, — кивнул Иксион, — с таким флотом, даже если ты повстречаешь триеры Ставра, ты наверняка выйдешь победителем. Разобьешь их в щепки своими машинами или сожжешь.

— Так и будет, — не стал спорить Тарас, — я высажусь на берег в Кионии, захвачу и сожгу ее. Вряд ли она сможет сопротивляться долго без солдат. А затем двинусь по суше во Фрикс, а оттуда и к самому Ставра. Узнав о нашем нападении в тылу, воины, увязнувшие в сражении с тобой, побегут назад, прекратив его, чтобы спасти свой город. Ты начнешь преследовать их, мы соединимся у Ставра и разобьем их.

— Гиперкид не глуп, — еще раз предупредил Иксион, — в прошлой войне с ним погибла лучшая часть моих воинов. Он наверняка предусмотрел это.

— Что бы он ни придумал, он не сможет меня остановить, — усмехнулся Тарас, — у нас не просто больше воинов и кораблей, у нас есть еще такое оружие, против которого никто не устоит.

Тарас поднял голову и пристально посмотрел на собеседника.

— И вообще что-то ты слишком робок для будущего властителя Итаки. Ты хочешь захватить весь остров или нет, навсегда расправившись со своими соперниками? Лучшего момента не придумаешь. В любой день может прибыть посланец царя, и тогда я с флотом, скорее всего, покину этот остров. Так что решайся, пока не поздно.

— Ты прав, Гисандр, — усмехнулся вождь пиратов, услышав, как его назвал Тарас, — вы, спартанцы, мастера на такие штуки. И, если мы выступим вместе, против нас никто не устоит. Мы начнем войну сегодня же и сами нападём на них.

— Я отплываю немедленно и буду слать тебе гонцов, — ухмыльнулся Тарас, — Жду тебя под стенами Ставра.

На этот раз предстояла большая десантная операция, и Тарас решил использовать десять кораблей, большую часть флота, оставив для охраны Ватхия всего пять триер. Мало ли что можно было ожидать от этого Гиперкида.

Каждый из кораблей первого в истории спартанского наварха был снабжен баллистами и укомплектован подразделением из восьмидесяти морпехов, вымуштрованных вполне прилично. Во всяком случае, теперь Тарас не опасался, что какой-либо корабль посмеет в бою не выполнить его приказ. Все, от капитана до гребцов, прошли спартанский «курс молодого бойца», предполагавший только смерть заслушание или отступление. Тарас старательно внушал им то, чему учили его самого педомомы Спарты, — «ни шагу назад», «победа или смерть». И, судя по первым результатам, добился неплохих успехов.

Остров был не слишком большой, если верить карте, примерно сто километров в

длину. Бухта Ватхия находилась как раз посередине, поэтому Тарас рассчитывал за полдня доплыть до места высадки десанта и покинул гавань лишь после того, как солнце прошло зенит.

Флот был готов к бою уже на подступах к собственной территории, но все десять триер вышли из гавани беспрепятственно. Ни кораблей противника, ни лодок с десантом на ближних подступах не встретилось. Флот спартанцев продолжил свое плавание к цели без помех, огибая гористые берега Итаки.

— Похоже, этот Гиперкид предпочитает драться на суше, — подумал вслух Тарас, стоявший как обычно на корме «Тайгета», — это отлично вписывается в мои планы.

Однако спустя несколько часов такого безмятежного плавания, больше походившего на прогулку, они повстречали огромное количество рыбацких лодок, полных вооруженными людьми.

— Кажется, Иксион неплохо изучил своих врагов, — усмехнулся Тарас, увидев скопление лодок у берега, — а вот и десант противника. Спешит к Ватхию. Значит, Киония уже не так далеко. Ну что же, придется пустить его на дно. Моим бойцам пора потренироваться в реальной обстановке.

Тарас обернулся к капитану, который в это время распекал нерадивого матроса, охаживая его плеткой.

— Эй, Иллариий, прикажи направить корабль прямо в скопление лодок, — крикнул он, но тут же передумал. — Хотя подожди. Бриант, а ну-ка потренируй своих артиллеристов. И другие корабли пусть делают то же самое.

Не прошло и пяти минут, как град каменных ядер накрыл лодки неприятеля. Пристрелялись артиллеристы, к большому удовольствию Тараса довольно быстро.

«Не зря так тщательно людей подбирал», — похвалил себя Тарас, глядя, как ядра крошат в щепки большие лодки, отправляя на корм рыбам десятки солдат, облаченных в короткие панцири. Попад в воду, солдаты пытались плыть к берегу, но большинство тонули, поскольку были в доспехах. Гисандр с удивлением заметил, что воюет не с бывшими рыбаками, а с настоящими гоплитами. Расстрел флотилии лодок уничтожил не меньше сотни человек, прежде чем разгром довершили тараны триер, врезавшихся на полном ходу в это скопление.

Не тратя время на то, чтобы уничтожить несколько избежавших удара лодок противника, пустившихся наутек в сторону близкого берега, Тарас направил свои корабли дальше. Он надеялся застать врасплох охрану Кионии. И не ошибся. Вскоре из-за поворота показался большой мыс, далеко выдающийся в море. В том месте, где мыс «вырастал» из побережья, раскинулся живописный городок, обнесенный, к немалому удивлению Тараса, даже невысокой крепостной стеной. Никаких военных кораблей в открытой гавани не было, да и лодок, можно сказать, тоже. Когда их заметили, было уже поздно. Триеры на полном ходу ворвались в незащищенную гавань.

— Приготовить баллисты к обстрелу укреплений зажигательными горшками, — приказал Тарас, — я хочу спалить этот город.

Глава семнадцатая

Мир соседям

Легкая победа в первом морском сражении придавала и без того лихим бойцам Тараса еще больше уверенности. Ворвавшись в гавань первым, «Тайгет» набрал такую скорость, что остановился, только подмяв под себя несколько рыбацких лодок и врезавшись в пирс. Иллариий не смог вовремя остановить корабль, но, убедившись, что таран на месте и особых повреждений у триеры нет, Тарас не стал ругать своего капитана. Вместо этого, увлеченный атакой, сам выхватил меч и, увидев, что ворота в город были еще открыты, — последние бойцы и местные жители, застигнутые врасплох атакой в гавани, бежали к ним со всех сторон, стараясь найти спасение за стенами, — завопил во все горло:

— За мной, храбрецы! Не дайте им закрыть ворота!

И первым сиганул вниз с высокого носа корабля, на котором были нарисованы два огромных глаза. За ним посыпались спецназовцы с гастрافетами и морпехи из «пиратского корпуса», вооруженные уже по единому образцу — короткими мечами и круглыми щитами. Бросившись в сторону города сквозь лабиринт рыбацких лачуг, прилегавших к пирсу, и лодок, вытасненных на берег, его бойцы рассеялись, и атака потеряла стремительность. Более того, на выходе из этих трущоб им повстречался небольшой отряд гоплитов, человек двадцать, который преградил им дорогу.

Увидев, что ворота, в которых уже скрылись почти все жители, скоро закроются, Тарас взревел от ярости и бросился со своими «спецназовцами» на выросший перед ним строй щитов. Гоплиты защищались отважно, но Тарас был слишком зол, чтобы восхищаться их мастерством. Скорее его удивило, что в этом небольшом городишке есть своя профессиональная армия, пусть и не большая. Поэтому он в ярости нанес несколько ударов по щиту и шлему оказавшегося перед ним бойца, принял его удар на свой щит, а затем ловким выпадом поразил острием клинка прямо в лицо, угодив в прорезь на шлеме. Гоплит упал, залившись кровью. А Тарас тут же рубанул соседнего, что был занят борьбой с Бриантом, по шее, а третьим движением вонзил клинок в бок другому гоплиту, проткнув кожаный панцирь. Вклинившись в образовавшуюся брешь, «спецназовцы», работая не только оружием, но и ногами, быстро рассекли надвое неглубокий строй гоплитов. И те и другие были вооружены мечами. Тарасу, привыкшему работать копьем, было не слишком удобно биться, но он справился. А пока он сметал с пути последнее препятствие к воротам, его морпехи обошли строй защитников с двух сторон и ударили по флангам.

Последние гоплиты, поняв, что перед этой лавиной не устоять, бросились бежать, но ворота уже были закрыты. Большую часть из них тут же зарубили морпехи, а несколькими удалось скрыться в трущобах у гавани, но минуты их жизни были сочтены. К берегу одна за другой подходили триеры, с которых высаживались все новые «центурии» пехотинцев. Вскоре солдат на берегу было уже столько, что Тарасу показалось, что его «легионеры» превышают числом и защитников, и все население городка.

Подход к воротам был открыт, и с ходу в них проникнуть не удалось. Тарас, подняв щит, — над головой то и дело свистели стрелы, — окинул взглядом ворота и прилегавшие к ним невысокие стены, прикидывая возможность штурма. Там маячили лучники и человек тридцать бойцов с мечами и копьями. Тарас мог видеть их лица, и, судя по безнадежным взглядам, которые они бросали на гавань, запруженную кораблями и солдатами неприятеля, ничего хорошего они от пришельцев не ждали. Их появление, буквально сразу же после отплытия собственного десанта, стало для жителей городка полной неожиданностью.

— Окружить город, чтобы никто не проскользнул, — приказал Гисандр двум периекам, командирам уже высадившихся отрядов, которые стояли перед ним, — нельзя допустить, чтобы о нашем появлении узнали раньше, чем я того захочу. Всех, кого схватите, ко мне.

Периеки испарились, и вскоре Тарас увидел, как оба отряда, подняв щиты, бегом направились в обход крепости с двух сторон.

— Ну вот, — проговорил, обращаясь к находившемуся рядом Брианту Тарас, слегка раздосадованный тем, что не смог с ходу пробиться в укрепление, — теперь можно заняться штурмом. Но прежде пусть говорят баллисты. Может быть, местные жители испугаются гнева богов и сами откроют ворота.

Бриант все понял и направился обратно к кораблю. Море подходило здесь так близко к городским стенам, что орудия можно было даже не снимать с палубы. А Тарас приказал морпехам отойти обратно к береговой линии и разместиться среди трущоб, чтобы не быть мишенью для вражеских лучников на открытом месте. Этот городок, в отличие от всего, что видел Тарас до сих пор на Итаке, был выстроен на достаточно пологом месте. Горы начинались лишь позади него.

Не успел Тарас вернуться к рыбацким лачугам, между которыми были натянуты для просушки сети, как заговорили баллисты с кораблей. Первый горшок просвистел над

головами морпехов и, перемахнув стену, разбился о крышу какой-то лавки, облив ее жидким огнем. Вслед за ним второй с размаху ударился в стену, расплескав свое содержимое на стоявших там гоплитов. Дикие крики объятых пламенем людей вызвали хохот и вопли восхищения со стороны пиратов, которые сами впервые видели новое оружие в действии.

— Их хватит ненадолго, — решил Тарас, после того как быстро разгоравшийся пожар охватил ближний угол крепости и начал пожирать одно за другим располагавшиеся там деревянные строения, — уверен, они в ужасе, и скоро сами раскроют ворота. К чему зря терять воинов. Подождем.

Неожиданно метрах в тридцати за его спиной послышались крики. Тарас обернулся и увидел одного из чудом спасшихся гоплитов. Тот выскочил из-под лодки, где прятался до сих пор, откинул свой щит и бросился бежать вдоль берега, надеясь затеряться среди лачуг, а может достигнуть недалеких гор. Путь с этой стороны еще не был перекрыт.

— Поймать его! — крикнул Тарас и добавил вполголоса: — Я хочу с ним поговорить.

Но увидев, как бросились за беглецом морпехи, понял, что тот успеет уйти. Еще мгновение и он исчезнет за лачугами на краю гавани. Тарас вспомнил, как когда-то на Гимнопедиях метал копье на дальность, чтобы добиться благосклонности красавицы Елены, и решил повторить подвиг. Он выхватил копье у одного из «спецназовцев» и, прицелившись, метнул его в движущуюся мишень. Пущенное меткой рукой победителя Гимнопедий копье, пролетев полсотни метров, поразило цель, вонзившись в спину убегавшему греку. От удара тот раскинул руки, покачнулся и с разбегу угодил в расставленные сети. Да так и повис в них, уже мертвым.

— Отменный бросок, господин Гисандр, — похвалил его Бриант.

— Жаль допросить теперь некого, — усмехнулся в ответ Тарас, вновь переводя взгляд на городские стены.

Укрепления были старыми и полуразрушенными: видно, стояли здесь еще со времен Одиссея. Они не вызывали у Тараса никакой тревоги, — взять тот город приступом можно было довольно легко. И все же он решил подождать результатов бомбардировки. Прошло совсем немного времени, а городок уже полыхал как гигантский костер. Все небо над Кионией заволокло дымом, многие жители прыгали со стен вниз, чтобы не сгореть, но попадали под мечи морпехов, окруживших его со всех сторон.

Вскоре к нему привели двух пленных солдат, пытавшихся бежать из города. Они были обезоружены, избиты и окровавлены. Шлемы с них сняли, а ударом копий по ногам конвоиры заставили их встать на колени перед навархом.

— Кто вы и откуда? — спросил Тарас, оглядев доспехи гоплитов. — Вы ведь не местные. Почему тогда защищаете этот жалкий городишко?

— Мы из армии Ставроса, — ответил тот, что был помоложе. — Нас прислал сюда Гиперкид, чтобы защитить Кионию от возможного нападения новой армии Иксиона. Но твои изрыгающие огонь корабли победили нас.

— Ах вот как, — усмехнулся Тарас, — значит, я не ошибся. Вы не местные. А ваш Гиперкид молодец, предусмотрел, что я могу напасть на Кионию. Да только это ему не поможет.

Тарас прошелся вдоль пленников несколько раз в задумчивости. Затем остановился и спросил:

— Много солдат в крепости?

— Почти никого не осталось, — ответил молодой гоплит, а не проронивший ни слова «бывалый» смерил его презрительным взглядом, — только жители.

— Что происходит во Фриксе?

— Там есть гарнизон, но он тоже небольшой. Человек сто. Все остальные ушли с армией Гиперкида к перешейку и завтра на рассвете должны были напасть на солдат Иксиона.

— Молодец, — похвалил его за разговорчивость Тарас, — а в самом Ставросе сколько осталось солдат?

— Если ты скажешь еще хоть слово этому спартанцу, я сам перегрызу тебе глотку, — процедил сквозь зубы другой пленник, бросив полный ненависти взгляд на молодого солдата.

Тот осекся, но Тарас сделал знак, и охранник вонзил копьё в спину «бывалому» гоплиту. Гоплит харкнул кровью, покачнулся и рухнул лицом на камни.

— Не бойся, — подбодрил Тарас молодого пленника, — он нам больше не помешает. Говори.

— А вы сохраните мне жизнь? — пробормотал молодой боец, глядя, как растекается лужа крови под мертвецом.

— Все зависит от того, что ты расскажешь мне, — спокойно разъяснил Тарас.

— Армия ушла из Ставра, — зататорил пленник после секундного колебания, — стены у нас крепкие, но там остался лишь гарнизон в три сотни бойцов. Да еще жители города, что могут стать ополчением.

Тарас кивнул так, словно был доволен, и задал давно интересовавший его вопрос.

— Где ваши триеры? Гиперкид взял их в поход?

— Нет, — мотнул головой пленник, — они остались в городе. Стоят у причала.

— А команды?

— На них остались только гребцы. А пехотинцы — это и есть сейчас гарнизон. Гиперкид слышал про ваши триеры давно и захотел одним ударом разделаться с Иксионом на суше. Потому и забрал с собой почти всех бойцов даже из соседних земель, — проговорил молодой гоплит, поглядывая исподлобья на сотни солдат, усеявших берег.

— Он ждал, что противник может попытаться обойти его, но рассчитывал нанести удар в тыл раньше.

— И просчитался, — закончил за него Тарас, делая знак охранникам, — ну что же, ты сказал все, что мне хотелось знать. Больше ты мне не нужен. Я бы отпустил тебя, но ты воевал против спартанцев, а мы своих врагов не прощаем.

Воин не успел поднять голову, как упал, пронзенный копьем. А Тарас, переступив через него, сделал несколько шагов в сторону городских ворот. Ему почудилось там какое-то шевеление. И действительно, вскоре предчувствия Тараса сбылись. Защитники обьятого пламенем города открыли ворота и упали ниц перед победителями, моля их о пощаде.

— Солдат казнить, а жителей в плен, мне понадобятся еще гребцы и работники, — приказал Тарас бросившимся в город морпехам, — сам город сжечь дотла. Он мне тоже не нужен.

Когда экспедиционный корпус Гисандра, перетряхнув все, что еще не сгорело в Кионии, покидал ее, уже наступил вечер. Можно было переночевать в захваченной гавани, но Тараса беспокоила мысль о нескольких лодках с гоплитами, которым удалось добраться до берега. «Они наверняка видели, что здесь творится, и бросятся во Фрикс сообщить о случившемся или даже в Ставра. Время работает против меня. Я рассчитывал на внезапность, но и так здесь задержался. Поэтому ждать долго не будем».

Он подозвал к себе одного из периеков по имени Иолай, командовавшего морпехами, и приказал взять на себя командование соединенным отрядом из четырех центурий.

— Ты немедленно отправишься во Фрикс и окружишь его, перерезав дорогу в глубь острова еще до восхода солнца, — сообщил Тарас, поглядывая на ночное небо, — возьми проводниками кого-нибудь из пленников, они должны знать дорогу. Тут не слишком далеко. Ты должен постараться захватить защитников Фрикса врасплох, Иолай, если удастся. А если нет, то на рассвете нападешь на город.

Периек молча кивал. Ему впервые давали столь ответственное задание.

— Можешь взять с собой одну из баллист, десятков каменных ядер и пару горшков. Этого должно хватить для того, чтобы ты смог ошеломить его гарнизон и жителей. А на рассвете я войду в гавань Фрикса с остальными кораблями и сотру его в порошок, если тебе не удастся это сделать раньше. Все, немедленно выступай.

Вскоре солдаты четырех «центурий», построившись на берегу, устремились в ночь,

брящая оружием. Глядя на эти передвижения, Тарас гордостью отметил, что действовали они вполне четко. Марш-броски не прошли даром. Наконечники копий и шлемы бойцов в отблесках пожарища мерцали каким-то зловещим светом, словно во тьму отправлялись посланцы Аида. Вслед за ними к берегу укатила повозка, найденная в городе, на которой лежала разобранная баллиста. Ее расчет трусил позади.

— Удачи вам, ребята, — пробормотал Тарас, направляясь к своему кораблю, — эй, Бриант. Найди Темпея, пусть пересчитает свои запасы и доложит мне, сколько осталось. А потом расставь дозоры по берегу. На рассвете мы отплываем.

Едва забрезжил рассвет, как Тарас приказал отчалить от берега. Все корабли, наспех груженные уцелевшим в огне добром и пленниками, последовали за своим флагманом. Гисандр решил никого пока здесь не оставлять, чтобы не распылять силы. Сначала требовалось разбить врага.

— После займемся колонизацией этих земель, — подумал он вслух, глядя, как почерневшие от копоти стены Кионии остались позади, — сначала нужно победить.

Фрикс, судя по карте, был недалеко, километрах в пятнадцати, если следовать по дороге. Но чтобы доплыть до него по морю, требовалось обогнуть огромный мыс, выдающийся далеко в море. Пока эскадра спартанского наварха обходила его, настал рассвет. Никаких вражеских судов до самого Фрикса им не встретилось, даже рыбацких лодок. Все говорило о том, что жители уже прослышали о нападении и поспешили покинуть эти края.

— Интересно, как там справляются наши друзья периеки, — подбодрил себя Тарас, запахнувшись в плащ, когда спустя пару часов они приближались к гавани Фрикса.

Присмотревшись, он заметил, как ее покидают два небольших суденышка, стремящихся выйти как можно дальше в море. Они шли на веслах, но ветер менялся, и скоро они могли поднять паруса. Заметив эскадру, корабли изменили курс и стали уходить вдоль берега. «А вот беглецов мне только и не хватало, — подумал Тарас, вглядываясь в силуэты судов, похожих на биремы, — если доберутся до Ставра, то про внезапное нападение можно забыть. А так шанс еще есть».

Он подозвал к себе капитана и указал на летевшие по волнам биремы.

— Илларий, видишь вон те суда?

Капитан кивнул.

— Они не должны уйти. Догони их и протарань.

— Догоним, — ответил Илларий, дернув себя за бороду, — мы отправим их на дно морское, или я сам туда отправлюсь. Обещаю, господин Гисандр!

— Действуй, — остался доволен Тарас.

Илларий отошел, и тотчас по кораблю разлетелся его раскатистый бас. «Тайгет» прибавил хода и спустя десять минут настиг ближнее судно, с ходу наскочив на него. Как ни старались гребцы неизвестного судна, уйти от погони не смогли. Тарас увидел ужас на лицах моряков, когда мощный корпус «Тайгета» подмял под себя и буквально раскрошил бирему. Раздался страшный треск, но вскоре вопли тонущих моряков заглушил плеск волн.

— Одна есть, — с удовольствием констатировал Тарас, глядя, как другой его корабль настигает вторую бирему, еще раз резко сменившую курс. Теперь она плыла почти обратным курсом, в надежде достигнуть берега. Но и этого ей не удалось. Беглецов настигли буквально в трехстах метрах от берега.

— Бриант, — крикнул своего лучшего гастрюжника Тарас и, указав на пятерых барахтавшихся среди обломков греков, приказал: — Сделай так, чтобы никто из них не доплыл до берега.

Бриант привычно кивнул, отправившись за оружием, припрятанным неподалеку от баллисты. Не прошло и нескольких минут, как его приказ был выполнен. Никто из беглецов, желавших покинуть Фрикс по морю, не смог этого сделать. Оставалось надеяться, что заслон на суше не менее прочный.

Приблизившись к гавани, к своему удивлению, Тарас заметил махавшего ему рукой посланца от командира экспедиционного корпуса. А скользнув взглядом по стенам и воротам города, он заметил там своих морпехов, разгуливавших так, словно находились в бухте родного Ватхия. Захваченный город не выглядел сожженным или сильно пострадавшим.

— Фрикс наш, господин Гисандр, — сообщил он, когда корабль причалил к неповрежденному пирсу и Тарас первым спустился на его доски, — мы захватили его буквально с ходу. Бой был недолгим.

— Отлично, — не поверил он своим ушам, — где твой командир, Иолай, так славно повоевавший?

— Он в городе, осматривает трофеи, — был ответ.

— Проводи меня к нему, — приказал Тарас, поправляя ножны меча, — я хочу сам на все посмотреть.

Прибыв в город и встретившись с Иолаем, которого он буквально вчера повысил в должности, Тарас узнал подробности. Появление под стенами неизвестного войска действительно вызвало панику среди гарнизона и жителей, которые понятия не имели, что буквально по соседству разыгралось настоящее сражение. Когда по городу выпустили несколько зарядов из баллисты и зашвырнули за стену огненный горшок, защитники пришли в панику. Они решили, что их окружило огромное, неизвестно откуда взявшееся войско, и, бросив все, поспешили оставить город. На выходе морпехи напали на гарнизон, истребив его почти полностью. Остальные пытались спастись на судах из бухты, но повстречали на свою беду эскадру Гисандра.

— Лишь нескольким удалось бежать и затеряться в горах, — отпартовал командир экспедиционного корпуса.

— Ты молодец, Иолай, — похвалил его Тарас, — значит, враг разбит. Это хорошо. Но это еще не полная победа. И у меня будет для тебя новый приказ.

Решив ковать железо пока горячо, Тарас ссадил на берег еще одну команду морпехов, прикомандировав ее к этому отряду. И добавил к уже имевшейся еще одну баллисту. Теперь пешее войско насчитывало около четырех сотен бойцов и два орудия.

— Не теряя времени, ты немедленно отправишься дальше и нынче же вечером будешь у стен Ставра, — сообщил ему Гисандр во время разговора на одной из башен, откуда они рассматривали окрестности, — там ты должен навести много шума в окрестностях города, чтобы защитники думали, что вас пришло гораздо больше, чем на самом деле. Здесь тебе это отлично удалось. А я тем временем тоже прибуду к Ставра. Отправлюсь туда же морем, но ты достигнешь его раньше. Попробуем повторить наш успех. Я уверен, боги помогут нам нанести удар по логову врага и захватить его.

Он смерил взглядом жилистого периека.

— Эта задача будет потруднее, Иолай. Ставр укреплен лучше, и мы можем столкнуться там с сильным сопротивлением. Готовься к тому, что эта победа не будет слишком легкой.

Периек кивнул, не проронив ни слова.

— И все же большой армии там нет, — успокоил его Гисандр, развивая мысль. — Так что Гиперкид будет сильно удивлен, узнав, что его родной город захвачен. И поспешит обратно со своей армией, но будет уже поздно. Мы уже укрепимся в его логове, и дело будет кончено.

Когда флот Гисандра отплыл из гавани Фрикса, в случае морского боя он мог рассчитывать лишь на половину своих триер. Остальные, оставшись без морпехов, были, по сути, превращены в транспортные корабли и нагружены добычей.

— Ничего, — размышлял вслух Тарас, планируя новое нападение, — если пленник не соврал, а я думаю, что он сказал мне перед смертью всю правду, то вся грозная морская сила Ставра, пять триер, стоит себе спокойно где-то на привязи у пирса и никакого сопротивления нам не окажет. Мудрый Гиперкид совершил глупость, не использовав их для

нападения. Конечно, хорошо бы их захватить. Но, если не выйдет, то придется сжечь.

Еще раз глянув в карту, которую взял с собой, Тарас подумал, что напасть на Ставрос так же неожиданно не удастся. Во-первых, туда наверняка уже добрался кто-нибудь из беглецов, уцелевших в недавних боях. Но даже если на мгновение предположить, что его обитатели живут себе по-прежнему мирной жизнью и ни о чем не подозревают, то против Тараса работало расположение города. Ставрос, судя по всему, как и Афины, имел вынесенную к побережью гавань, а сам же находился на возвышенности. Похоже, в горах. То есть, даже захватив гавань, следовало высадиться на берег и добираться до основной базы Гиперкида еще несколько километров. Так что, если его передовому отряду не повезет захватить город с наскока, — а Тарас в это совсем не верил, — то бой будет тяжелый. Но Гисандр не унывал. В своих силах он не сомневался. Какой бы ни был этот город, он собирался взять его без посторонней помощи.

На сей раз переход должен был занять больше времени, и к Ставросу спартанская эскадра должна была подойти уже затемно. Они плыли весь день, к обеду повстречав на своем пути несколько рыбацких лодок. Но, судя по тому, что они тут же скрылись в небольшом заливе слева по курсу, где Тарас заметил приютившееся на скалах селение, местные рыбаки не столько ловили рыбу, сколько следили за морем. А значит, и о его флоте были уже наслышаны.

— Ну что же, — кивнул он, придя к такому выводу, — значит, быть штурму. Уверен, нас уже ждут. Бриант, готовь баллисты.

Глава восемнадцатая

Город Одиссея

Когда солнце уже готово было скрыться за горами, они наконец прибыли на место. Обогнув мыс, Тарас заметил у подножия каменистого холма небольшую гавань, а в ней ровно пять остроносых триер, не считая притулившихся вокруг них рыбацких лодок. На вершине того же холма, дальний склон которого порос лесом, Тарас разглядел средних размеров город, обнесенный крепостной стеной. От гавани к воротам города вилась хорошо различимая дорога, по которой лениво тащились несколько возов с тюками или амфорами.

— Вот он, город Одиссея, — невольно улыбнулся Тарас, — где его двадцать лет ожидала верная Пенелопа. Но нас здесь, похоже, не ждут. Никаких боев нет. Неужели мой авангард так задержался в пути.

Не сбавляя скорости, караван устремился напрямик в гавань, ничем не защищенную с моря. Солдаты и артиллеристы изготовились к бою. Бросив взгляд вправо и чуть назад, Тарас увидел недалеко за проливом, в вечернем мареве Кефаллению, жители которой, хоть и превосходили числом обитателей Итаки, не рисковали соваться сюда без особой надобности, зная дурной нрав местных пиратов. Тарас их не осуждал. Особенно сейчас. До спокойной и безмятежной жизни здесь было очень далеко.

Каждый ритмичный взмах весел приближал Тараса и его воинов к цели. Триеры, словно хищные рыбы, вспарывали своими таранами темные в этот час воды моря. До гавани оставалось немногим более пятисот метров, уже была видна суматоха на берегу, а Тарас все выжидал, размышляя. Он еще не решил уничтожать триеры противника или захватывать. В случае сопротивления он готов был на это пойти, но его пока не было. А если просто поджечь пирс, то и корабли могли случайно сгореть, — зачем же добру пропадать. Тарас, едва укомплектовавший на Итаке свои силы, в нетерпении уже мысленно заглядывал вдаль и мечтал увеличить свой флот за счет захваченных кораблей Гиперкида. Увидев их поначалу без движения, он уже надеялся на легкую добычу. И потому, заметив, что в последний момент от причала отошли две триеры, устремившиеся им навстречу, с большим сожалением отдал приказ атаковать противника.

— Илларий, мы идем на таран, — приказал Тарас своему капитану, — пора проверить на прочность наш «Тайгет».

Грек кивнул и убежал отдавать приказания.

А Тарас наблюдал со своего места за тем, как моряки Гиперкида всего на двух триерах вознамерились атаковать его караван. Они явно запоздали с выходом, от противника их отделяло не более двухсот метров, но в смелости им нельзя было отказать. Остальные триеры эскадры Ставроса по-прежнему оставались на берегу и выглядели безжизненными. «Может быть, на них просто нет команд, — догадался Тарас, поглядывая то на них, то на приближавшиеся корабли противника, — а эти-то просто камикадзе. Вдвоем против десятка кораблей. Крейсер „Варяг“ какой-то в местном исполнении. Не иначе город действительно слабо защищен, и они хотят оттянуть время нашего нападения даже ценой своей гибели. Похвально, только не поможет. И где же этот Иолай шляется? Давно должен был прибыть сюда».

Между тем моряки Ставроса показали свою невероятную прыть и умение. По всему было видно, что это не новобранцы, как многие у Тараса, а опытные вояки. Заложив лихой маневр и увернувшись от тарана «Тайгета», первая вражеская триера проскочила в глубину строя. Не прошло и минуты, как она сама протаранила шедший следом корабль, ударив его в самую середину борта. Доски с треском проломились, и «подраненная» триера из спартанской эскадры, накренившись, повисла на таране вражеского судна. Моряки Ставроса попытались отгрести назад, чтобы расцепиться, но не успели. Разъяренные пираты из команды поврежденного судна, перепрыгивая через поломанные ограждения, хлынули на палубу атаковавшего их корабля. Их встретили солдаты Ставроса, выстроившись поперек палубы. Началась жестокая драка, вопли и стоны которой разносились над водой.

Вторая триера Ставроса так же молниеносно заложила вираж, ушла от атакующего корабля и сама нанесла удар по другой триере, протаранив ее возле кормы. От неожиданного столкновения многие морпехи полетели за борт, но в остальном ситуация повторилась. Обозленные неудачей моряков, пехотинцы принялись восстанавливать «доброе имя» пиратов Ватхия на службе у Спарты.

— Твою мать, — не выдержал Тарас, выругавшись на незнакомом для капитана языке, когда на его глазах состоялось подряд два тарана, — за одну атаку потерял два корабля. Только бы эти олухи баллисты не утопили.

Единственное, что его хоть как-то успокаивало, — среди подбитых не было триер тех, кто выиграл гонку. А значит, их вели не самые проворные капитаны. Зато в этой атаке опозорился сам Иллариий, а второй триерой, что не смогла нанести точный удар, пропустив противника внутрь строя, была триера Сикела. Иллариий намеревался было развернуться, чтобы исправить оплошность, но Тарас запретил ему это делать.

— Поздно уже, — осадил он раздосадованного оплошностью капитана, — давай к берегу. Нам надо захватить его, а этим помогут остальные.

И действительно, прежде чем «Тайгет» уткнулся в береговую линию, подмяв под себя несколько лодок у причала, Тарас заметил, как к месту морского боя подошли его остальные корабли, и вскоре все было кончено. Экипажи триер Ставроса просто порвали на куски, но свое черное дело они сделали.

— Останешься здесь и проследишь за поврежденными кораблями, чтобы обязательно сняли с них баллисты, — приказал Тарас Илларию, который рвался в бой, чтобы смыть позор, — и если хоть одна утонет или пропадет, то я с тебя живого шкуру спущу и наделаю из нее ремней.

— Я сам перережу себе глотку, если такое случится, — пообещал Иллариий.

Поначалу высадка десанта шла без проблем. Не прошло и двадцати минут, как морпехи рассеялись по берегу, переворачивая вверх дном все дома и лачуги. Но когда они приблизились к оставшимся кораблям, их атаковал отряд гоплитов. Тарас находился со своими людьми вблизи первой триеры, надеясь осмотреть ее, пока солнце совсем не опустилось за горы, когда это произошло. Из-за длинного барака выскочил отряд примерно в пятьдесят бойцов-мечников и обрушился на его «центурию», которая растянулась вдоль берега.

Бой произошел в узком пространстве между барком и кораблями. Греки из Ставра воевали превосходно и смогли перебить едва ли не половину его солдат, пока Гисандр сам не возглавил сражение, повернув его ход вспять. К тому моменту гоплиты разорвали строй морпехов, загнали его солдат в проемы между кораблями и методично истребляли в ближнем бою. Их шлемы и клинки тускло мерцали в полумраке, бились они почти молча, отчего Тарасу на миг даже показалось, что перед ним спартанцы. Но, зарубив парочку этих бойцов, он увидел, что ошибался.

Тарас собрал вокруг себя человек двадцать морпехов, выстроил их и бросил в бой вместе со своим «спецназом». Этого хватило, чтобы переломить ход сражения. В конце короткого сражения он собственноручно схватился с предводителем гоплитов Ставра, который нанес ему несколько опасных ударов и даже задел шлем. Но Гисандр не только отразил их, но и выбил круглый щит. Затем спартанец выкрикнул на весь пирс: «Смерть Ставросу!» и ловким выпадом поразил противника прямо в шею. Грек вскрикнул, выронил оружие, пошатнулся и, сделав несколько шагов назад, рухнул с пирса прямо в воду.

Остальных его бойцы уничтожили быстро, сбросив в море вслед за своим предводителем. Больше в гавани не было обнаружено ни одного вражеского солдата, и морпехи быстро взяли ее под свой полный контроль.

— Отправь вперед разведку, пусть подберутся вдоль дороги к самому городу. А на дороге выставь дозор, — приказал Тарас одному из командиров, расхаживая по палубе захваченной триеры, которая была в полном порядке, хоть и без гребцов, — но костров не зажигать, не ровен час, еще какой-нибудь отряд сюда с горы спустится.

Пока его солдаты прочесывали захваченную местность на случай контратаки, Гисандр закончил изучать захваченные корабли и получил доклад от Иллария. Все баллисты с поврежденных триер были спасены и доставлены на берег. Более того, один из кораблей смог добраться до берега, и плотники утверждали, что его можно починить, если будет время. Другая триера раскололась и затонула. Но морпехи захватили обе вражеские триеры, перебив их экипажи. Они сражались с такой яростью, что не осталось даже ни одного пленника.

— Так, значит, я даже в прибыли, — довольно усмехнулся Тарас, спрыгивая на пирс и направляясь к выходу из гавани в сопровождении «спецназа» и семенившего рядом Иллария, — жаль только допросить некого. Отправляйся на корабль, ты мне больше не нужен.

На краю построек, за которыми сконцентрировалось пять центурий морпехов, его уже ждали разведчики.

— Мы пробрались до самых стен, господин Гисандр, — сообщил один из них, — на дороге никого нет. Она пуста. А горожане закрыли ворота и ожидают приступа.

— Ожидают, говоришь? — усмехнулся Тарас. — Так будет им приступ. Командиров центурий ко мне.

После недолгих колебаний Тарас решил официально ввести в «своей» армии это название вместо знакомых спартанцам лохов и эномотий. Во всяком случае, до того момента, как царь или пифий узнают об этом.

— Лестницы для штурма готовы? — поинтересовался он первым делом, когда все периеки выстроились перед ним полукругом. Вокруг уже давно царил мрак, и он едва различал их лица, хоть и привык видеть в темноте.

— Все готово, — ответил один из них, — как вы и приказывали, мы сделали их из поломанных весел еще во время плавания. На каждую... центурию по две лестницы.

— Молодцы, — похвалил Тарас, — долгого штурма не будет. Мы должны взять этот город приступом с ходу. До того как подоспеет Гиперкид со своей армией, который, уверен, уже спешит сюда. Но до тех пор мы успеем познакомить жителей Ставра с «Гневом богов».

Все периеки поняли его — так Гисандр уже не раз называл метательные орудия, к которым они еще не успели привыкнуть. Их сила была столь необычна, что командиры

центурий ни мгновения не сомневались — сам Аполлон дал Гисандру столь грозное оружие. А значит, никто не сможет противостоять им.

— Выдвигаемся немедленно, — приказал Тарас, подняв глаза к небу, по которому плыли черные облака, закрывая луну, — прямо по дороге. Так легче подтащить орудия. Как только будем готовы, начнем обстрел города зажигательными горшками. А как разгорится, пойдем на штурм двух стен одновременно. Той, что со стороны леса, и противоположной, они чуть ниже. Да и подходы там ровнее.

Сначала в темноте растворились разведчики, которых Тарас выслал вперед охранять подступы к дороге от неожиданных гостей. Выждав около получаса, колонна морпехов, подняв щиты и мечи, устремилась вверх по дороге, стараясь не поднимать шум. После поражения в гавани бойцы просто рвались в бой, чтобы отомстить за своих товарищей, и Тарасу даже пришлось осаживать их, хотя в душе он был рад, что в его войске появился какой-то общий дух. Теперь они уже не были просто сбродом, волею судьбы согнанным на корабли. С каждым днем его разношерстное войско все больше походило на регулярную армию.

Вслед за колонной тащились повозки с четырьмя баллистами, теми, что сняли с поврежденных кораблей, и еще одна повозка с боезапасом. Тяжелогруженная, она с таким громким скрипом переваливалась по ухабам, что Гисандр даже переживал, не услышат ли его защитники города. Впрочем, на случай неожиданной вылазки он подготовился. Передовой отряд морпехов был достаточно сильным и должен был отразить любое нападение. Ночные марш-броски тоже были им уже не в новинку. Но обошлось. Колонна достигла вершины холма в кромешной темноте, и бойцы смогли спокойно рассредоточиться вокруг городских стен. Никто не помешал им этого сделать. Город тоже тонул во мраке, факелов на стенах не зажигали, но там были люди. И они скоро проявили себя. Стоило появиться на дороге повозкам с артиллерией, как со стен засвистели стрелы, и несколько человек из обоза упали замертво.

— Ах вы шакалы, — разозлился Тарас, увидев, что убиты сразу несколько артиллеристов, — морпехи, прикройте обоз!

А пока солдаты выстраивались перед телегами, пытаясь укрыть артиллеристов щитами от стрел, летевших отовсюду, он подскочил к обозу и крикнул, махнув рукой:

— Быстро разгружайте орудия вон туда. И чтобы они были готовы к бою немедленно. Лучники, ответить Ставросу!

Среди морпехов имелись на такой случай по два десятка человек, вооруженных помимо мечей луками. Это нововведение Тарас тоже ввел у себя, посчитав презрение к вспомогательным войскам со стороны обычной спартанской системы боя не самой мудрой привычкой. Оказавшись в роли самостоятельного командира, пусть и временно, он вовсе пользовался свободой, которой ему так не хватало раньше.

Лучники открыли ответный огонь, стреляя на слух, и вскоре массированный обстрел обоза почти стих. Пока артиллеристы устанавливали баллисты на указанной Гисандром позиции, до которой стрелы не доставали, сам он, в сопровождении шестерых «спецназовцев» с гастрафетами обошел город, проверил боеготовность солдат и отдал указания командирам центурий.

— Начнете штурм после того, как несколько горшков упадет на город и начнется пожар, — повторил он командиру центурии, расположившейся в небольшом лесу, рядом с городом. — Главное, овладеть стенами. Они не слишком высокие, так что это не составит особого труда.

Благополучно закончив обход, Тарас вернулся к артиллеристам и с удовольствием отметил, что все было готово. Четыре баллисты стояли с натянутыми торсионными и заряженные «огненным коктейлем Темпея». Проверив все лично и похвалив алхимика, который находился тут же, Тарас еще раз взглянул на город. Плоские зубцы его стен едва виднелись на фоне темного неба. А мелькавшая из-за облаков луна едва выхватывала из темноты крыши каких-то строений, не то барков, не то складов. Городок был небольшим, Тарас видел за свою «заграничную» кампанию города и побольше, но здесь, на фоне

деревень и рыбацких поселков Итаки, Ставрос выглядел достаточно внушительно, хотя и уступал размерами Ватхию. Сейчас, глядя сквозь мрак, Тарас отчетливо ощущал исходивший из этого города страх, даже ужас. Затаившиеся там жители очень боялись пришельцев, но все же надеялись на спасение.

— Похоже, нас действительно не ждали, — пробормотал в задумчивости Тарас, — и мы просто свалились им на голову в тот момент, когда защищать город Одиссея почти некому. Что ж, как бы там ни было, нам это только на руку. Но где же все-таки Иолай и его отряд?

Помедлив еще мгновение, Тарас махнул рукой.

— Начинай.

Торсионы четырех машин скрипнули почти одновременно. Тарас проводил взглядом тлевшие кончики фитилей, промелькнувшие за секунду мимо него, и с наслаждением увидел, как все горшки раскрошились от удара о стены и крыши, заливая город неестественно ярким светом. Один из горшков угодил в какой-то сарай с соломенной крышей, и тот вспыхнул почти мгновенно, превратившись в огромную свечку, озарявшую путь в центр городка. Другой упал почти за стеной, отчего солдаты противника, «подсвеченные» сзади, стали видны на ней как на ладони. Тарас с удовольствием отметил, что их действительно крайне мало для обороны города. Человек шестьдесят, не больше, во всяком случае на главной стене, что протянулась вдоль морского побережья.

— Теперь давай камнями! — приказал Тарас, убедившись, что четырех очагов возгорания, очертивших город, вполне достаточно для «наведения на цель» его солдат, которые уже должны были подбираться к стенам. — Да побыстрее, пока своих там нет.

Град каменных ядер смел со стены несколько человек, разрушив ее часть. Стена оказалась настолько ветхой, что от ударов ядер просто начала осыпаться, от нее откалывались целые куски, падая вниз.

— Ее что, еще сам Одиссей строил, что ли? — насмехался Тарас над городскими укреплениями Ставроса. — Надо было подновить. Я был более высокого мнения о Гиперкиде.

Из города, где разгоралось зарево, раздались дикие вопли. Причем Тарасу послышалось, что кричали не только люди, но ревел также испуганный скот.

— Мы, кажется, угодили в коровник, — пробормотал он, — или загон с овцами.

В этот момент он заметил, как на крайних стенах одновременно замелькали десятки силуэтов и началась потасовка. Это пошли на приступ его морпехи. Драка завязалась нешуточная, поскольку на стенах оказалось гораздо больше народа, чем он ожидал. Более того, центральные ворота, которые он и не думал выламывать, открылись, и оттуда показалась колонна гоплитов со щитами и мечами. Она явно направлялась в сторону бомбардировавших Ставрос орудий. Город хоть и был объят паникой, но солдаты Ставроса не испугались «Гнева богов», как и персы в свое время.

— Сомкнуть строй! — рявкнул Тарас, хотя в этом и не было необходимости.

Две центурии морпехов, выстроенные между баллистами и городскими воротами, и без того изготовились к бою, едва завидели врага. Солдаты Ставроса продолжали приближаться, и расстояние между передними рядами противников быстро сокращалось. Тарас не смог оставаться позади армии, как монгольский хан, — не пришло еще время для таких боев, — и, схватив копьё, оказался впереди своих солдат. «Спецназ» с гастрифетами следовал за ним как тень, Бриант и Этокл просто дышали в затылок своему хозяину.

— Потрудимся, джентльмены, — подбодрил себя Тарас вполголоса, так что его никто не услышал, а для остальных громко крикнул, потрясая копьём: — Вперед, храбрецы! Город Одиссея у наших ног!

И первым бросился на гоплитов Ставроса. Этокл и Бриант успели, вскинув гастрифеты, сразить двух бежавших к нему бойцов, и в строю гоплитов на мгновение образовалась брешь. Гисандру этого оказалось достаточно. В три прыжка он преодолел оставшееся расстояние и, выкинув вперед руку с копьём, отточенным движением вонзил его в шею

ближнему гоплиту. Того не спас ни щит, ни меч, настолько молниеносным был удар спартанца. Не теряя времени, Тарас выдернул копье, и не успел еще первый мертвец рухнуть на землю, а Гисандр уже пронзил второго. А затем, увернувшись от удара меча, и третьего. Брешь расширилась. В нее, закинув гастрافеты за спину, ворвались остальные «спецназовцы» с копьями. За десять минут боя спартанский авангард сразил больше двух дюжин воинов Ставроса, остановив наступление на этом участке. На остальных гоплиты противника сшиблись с морпехами, кое-где потеснив их и едва не прорвавшись к баллистам. Но Тарас быстро понял — это была атака отчаяния, в которую обезумевшие защитники города вложили все свои последние силы.

Она едва не достигла цели — уничтожить смертоносные орудия. На правом фланге гоплиты, изрубив треть центурии, даже прорвались к баллисте и повредили ее торсионы, но это была их единственная победа. Охватив их в кольцо, морпехи Гисандра в ярости за короткое время уничтожили всех. А Тарас, криками призвав следовать за собой, повел другую центурию на городские ворота, которые так и оставались открытыми.

Методично работая копьем, он и его спартанцы первыми прорвались в пылающий город, сметая на своем пути разрозненные остатки гоплитов, еще пытавшихся оказывать сопротивление. На самих стенах еще шел бой, но сопротивление быстро ослабевало.

За воротами Гисандру открылась картина уличных стычек. Повсюду между пылавшими домами метались морпехи, добывая солдат Ставроса, кое-где им пытались оказать сопротивление жители, вооруженные копьями, мотыгами и даже дубинами, но бывалых пиратов и даже крестьян, прошедших школу Гисандра, это уже не могло испугать. Гораздо большую опасность представляли быки, которые, проломив ворота и стены полыхавших хлебов, в ужасе носились теперь по всему городу, сбивая рогами и затаптывая копытами всех подряд. И своих и чужих. После того, как солдаты противника были уничтожены морпехами Гисандра, пришлось потратить еще немало сил на то, чтобы выгнать из города или заколоть обезумевших от страха животных. И только когда эта незапланированная коррида закончилась, Тарас смог осмотреть свою добычу. Да и то в самом общем виде, поскольку пожар продолжал полыхать и грозил сжечь почти все хозяйственные постройки, прилегавшие к стенам города, пощадив в лучшем случае лишь каменные дома богатых горожан.

Тарас не мог этого допустить, поскольку не собирался сровнять с землей без особой необходимости Ставрос. Поэтому повелел тушить то, что еще недавно сам же приказал сжечь. Однако, несмотря на все усилия, пожар удалось потушить только к рассвету. До воды было слишком далеко, а имевшиеся, к удивлению Тараса, в городе резервуары с питьевой водой были почти пусты.

Пока его солдаты занимались тушением огня, Тарас, устроившись в одном из нетронутых пламенем больших каменных домов, — и где, интересно, тут стоял дворец Одиссея, — допросил десятерых пленников из числа захваченных бойцов Ставроса. Большинство из них молчали и были тут же казнены, на глазах у своих товарищей. Остальные стали разговорчивее. Выяснилось, что гарнизон Ставроса узнал о приближавшемся со стороны Фрикса отряде от тех, кто спасся после морского боя на лодках. Было решено неожиданно атаковать противника на одном из близлежащих перевалов, где победа была гарантирована. Почти весь имевшийся гарнизон ушел туда буквально утром того же дня, незадолго до того как здесь появился Гисандр со своими кораблями. Атаки с моря никто не ждал, а защищать город было почти некому.

— Вы бились как львы, — все же похвалил их Тарас, подсчитывая свои потери, которые свелись почти к половине сил, — и я вас не казню. Пока. Я предлагаю вам службу в моем войске и даю вам день на размышление. Потом будет поздно.

Отправив оставшихся солдат под охраной в один из барков, Тарас в задумчивости поднялся на стену, чтобы осмотреться. Город он взял, но так и не знал пока ничего толком о судьбе отряда Июлая. Погиб он или выиграл сражение. Оставалось только ждать здесь новостей. «Утром отправлю к тому перевалу разведчиков, — решил Тарас, — а пока надо

осмотреть новое хозяйство».

Оказавшись на улице, Тарас увидел, что уже почти рассвело. Солнечному свету мешало облако дыма, затянувшего развалины Ставра. Пройдясь по стенам и осмотрев повреждения, которые он сам нанес этим укреплениям, Тарас остался доволен. Ворота были в порядке, а разрушения на стенах не так значительны, чтобы за ними нельзя было отсидеться в случае ожидаемого появления здесь армии Гиперкида. А тот должен был появиться, в этом спартанский полководец и наварх не сомневался. Гонцы к нему были отправлены, как только здесь прослышали о том, что случилось с Кионией и Фриксом. Тарас был уверен, что Гиперкид не останется безучастным к страданиям родного города, все выжившее население которого, согнанное в бараки, находилось теперь в заложниках у Гисандра, и, бросив войну с Иксионом, немедленно развернет армию обратно, даже если тот будет преследовать его. На это и был сделан расчет. Итака — остров маленький. Так что гостей следовало ждать очень скоро.

— Пусть перенесут баллисты в город и установят их здесь, — раздавал приказания своим «центурионам» Тарас, осматривая окрестные холмы со стены, откуда все было как на ладони.

А заметив свои корабли в гавани и копошавшихся там солдат, добавил:

— Сообщите Илларию, пусть будет наготове. Пересадит часть гребцов и пленников на захваченные корабли. И, если здесь появится армия Гиперкида, будет готов, не принимая бой, отойти от берега на безопасное расстояние. Главное сейчас сохранить флот.

Глядя на свой внушительный флот, Тарас отлично понимал, что обученных гребцов для полноценного боя у него катастрофически не хватает, и намеревался решить все дело здесь, на суше. А уже потом заняться зализыванием ран и укомплектованием флота. Впрочем, «подраненную» триеру уже сейчас начали ремонтировать.

— Если не успеет починить, — остановил уже спускавшегося по лестнице гонца Тарас, — протараненную триеру пусть оставит и спасает остальные.

Полдня прошли спокойно. Грабеж города Тарас запретил, что не очень пришлось по вкусу многим его бойцам, но послушаться они не посмели, поскольку Тарас обещал им награду только после окончательной победы. За это время пришли радостные вести. Разведчики возвратились с перевала и сообщили, что нашли отряд Иолая. Вернее, его часть. После сражения с гоплитами Ставра их осталось не больше пятидесяти человек. Но они победили и спасли обе баллисты.

— И то ладно, — кивнул Гисандр, сидя на полуразрушенной стене и поглядывая вниз на золотистое море, — если бы не они, то мы и город могли бы не взять. И откуда здесь столько солдат? Обманул меня, значит, тот молодец. Не зря я его казнил.

Вскоре с перевала показались изможденные солдаты Иолая, которые на себе тащили повозки с баллистами. Однако не успели они втянуться в город, а Тарас похвалить Иолая за храбрость и отпраздновать победу, как прибежал боец, следивший со стены за окрестностями, и сообщил, что с другого перевала приближается какая-то армия. Тарас отправился следом за ним на стену, что примыкала к лесу, и оттуда тоже увидел ее. С первого взгляда было ясно, что это не солдаты Иксиона. Очень уж браво и уверенно вышагивали эти гоплиты по дороге. По всему было видно, что она им хорошо знакома. Более того, впереди ехал даже конный авангард, отряд человек в тридцать. Никого не страшась, войско приблизилось к городу, и Тарас даже смог рассмотреть того воина, что возглавлял его. Это был низкорослый боец в блестящих на солнце доспехах и шлеме. Длинный кавалерийский меч, висевший на боку, почти доставал ему до пят. И похоже, он привык воевать на коне, что удивило Тараса. Возмужав в Спарте, конных армий он видел немного, до тех пор пока не столкнулся с персами. А здесь, на Итаке, это вообще было редкостью. Сам Иксион ходил только пешком.

— Хорошо идут, — усмехнулся Тарас, обращаясь к стоявшему рядом Иолаю и подсчитывая взглядом число воинов, спустившихся вслед за командиром с перевала, — не меньше тысячи. Вовремя мы захватили эту крепость, иначе будет и не продержаться до

подхода Иксиона.

А про себя подумал: «Но и не больше. Значит, Иксион либо висит у него на пятках, либо сражается с оставшейся частью воинов Гиперкида, которых тот оставил для прикрытия тылов». Одно было ясно, Ватхий Гиперкид не покорил. Тарас еще вчера отправил морем двух гонцов с известием о победах к Иксиону на самых быстроходных рыбацких лодчонках, что смог отыскать в гавани. Лодки были парусные, но пришлось отправить с каждым еще и по паре гребцов-охранников на всякий случай. Одну лодку в обход острова, обратным путем. А вторую вдоль этого побережья в Аэтос. Тарас рассчитывал, что хоть один из них доберется к Иксиону. А если и попадет в руки врага, то такое послание вряд ли обрадует его.

Между тем ситуация вчерашней ночи изменилась на противоположную. Теперь Тарас сидел в крепости, а его окружали превосходящие силы врагов. После переключки выяснилось, что у Гисандра оставалось в строю чуть больше трехсот морпехов, не считая артиллеристов. Не самая большая армия, но воевать еще было можно. Особенно в крепости. Наблюдая за тем, как неторопливо и величаво Гиперкид приближается к городу, Тарас между тем заметил, что он отправил часть своего конного отряда в гавань, осмотреть корабли. Проследив за отрядом разведчиков глазами, Тарас с удовольствием отметил, что триеры выполнили его приказ безукоризненно. Стоило им заметить приближавшееся войско неприятеля, которое было видно еще с перевала, как все, кто был в гавани Ставроса, погрузились на триеры и отплыли в море. Это явилось большой неожиданностью для солдат Гиперкида, которые замечались по берегу, не зная, что предпринять.

Сам же Гиперкид, не таясь, подъехал почти к самым воротам, давая понять, что хочет поговорить с вождем людей, так опрометчиво захвативших его город. Тарас сделал знак никому не стрелять. Ни лучникам, ни артиллеристам, хотя уже давно отдал приказ заряжать баллисты, расставленные с таким расчетом, чтобы бить навесом через невысокие стены, поражая живую силу противника в радиусе нескольких сотен метров.

Войско Гиперкида замерло позади него просто в идеальном положении для того, чтобы быть уничтоженным ядрами Темпея.

— Я Гиперкид, хозяин этого города, — провозгласил всадник в блестящих доспехах и шлеме, останавливая коня, — и хочу знать имя того, кто осмелился напасть на него.

Тарас провел взглядом по воинам Гиперкида и, убедившись, что в него никто не целится из лука, показался между зубцов надвратной башни.

— Ты ошибаешься, Гиперкид, — так же громко провозгласил он, — уже целый день хозяин этого города я, Гисандр. — И добавил, рассчитывая позлить грека: — Не стоит оставлять дом без присмотра так надолго. Могут найтись желающие похозяйничать в нем. Тем более, что ты первым напал на Ватхий.

В ответ на его слова раздался хохот морпехов, рассредоточившихся вдоль стены с луками и копьями. А Гиперкид, услышав такой ответ, буквально испепеляя взглядом красный плащ собеседника, взревел:

— Так ты спартанец. Мне доносили верно. Тогда все ясно, все спартанцы — вероломные трусы!

— Ты проиграл эту войну, Гиперкид, — спокойно ответил Гисандр, скрестив руки на груди, и пошел ва-банк: — Ты все равно погибнешь здесь, как собака. Я захватил не только твой город, все жители которого теперь мои заложники, но и твои корабли. Все, кто у тебя остался, стоят за твоей спиной. Но скоро не будет и их. Иксион спешит сюда с армией. Если не хочешь лишних смертей, прикажи своему войску сдаться, и тогда я окажу тебе честь лично сразиться с тобой, чтобы убить.

— Ты смеешь приказывать мне? — возопил Гиперкид, вздыбливая коня. — Тогда готовься к смерти!

— Я готов к ней всегда, — ответил Гисандр, — ведь я же спартанец. — И дал знак артиллеристам.

Гиперкид вернулся назад, на скаку приказывая пехотинцам немедленно идти на приступ. Но не успели его солдаты с лестницами устремиться к стенам, как, просвистев над

ними, в толпу врезались четыре каменных ядра, кроша и ломая человеческие тела. Поначалу солдаты не поняли, что произошло, продолжая двигаться почти ровным строем. Но следующий залп проделал глубокие борозды в их порядках. А третий разметал в кровавые куски остатки головного отряда. Те, кто выжил, в панике бросились врассыпную. До стен добежали не больше дюжины пехотинцев, которых тут же уничтожили гастралетчики на пару с лучниками.

— Говорил я ему, сдавайся, — усмехнулся Тарас, — а он меня тут пугать вздумал. Наследник Одиссея хренов. А ну-ка, Бриант, прошерсти порядки рядом с ним. Но самого не задень.

Бриант кивнул и, подозвав еще троих, стал медленно выцеливать из своего дальноточного оружия метущихся всадников, что нервно гарцевали на своих конях рядом с ошеломленным Гиперкидом. Его реакция Тараса ничуть не удивляла, — ничего подобного тот в своей жизни еще не видел. Гастралеты с тихим шелестом выпустили в сторону противника свои болты, и четверых всадников просто вышибло из седла на землю. Один из них, ближе всего находившийся к Гиперкиду, раскинул руки и рухнул под копыта лошади. Бывший владелец Ставроса с удивлением уставился на оперение короткой стрелы, торчавшее из медной пластины доспеха.

— Что, осознал, с кем воюешь? — спросил его Тарас, словно тот мог услышать его за шумом сражения. — То-то же. Сдавайся, пока не поздно.

Но Гиперкид предпочел не верить своим глазам и послал на штурм новый отряд. Его постигла почти та же участь. Половину уничтожили баллисты, превратив в кашу из окровавленного мяса и перемолотых костей. А остальных лучники. Гастралетчики теперь «работали» по удаленным целям, методично уничтожая всех всадников. Они били по вершине холма, на которой обосновался Гиперкид, до тех пор пока вокруг него почти никого не осталось. Затем Тарас приказал перенести огонь на колонну, расстреляв ядрами стоявших на месте пехотинцев.

— Просто пушечное мясо, — прокомментировал он работу своих артиллеристов, — вот на что способны всего четыре баллисты. А если бы у меня их было здесь восемь...

Но вскоре к нему прибыл Темпей, доложивший, что каменные ядра на исходе.

— Остались только огненные горшки, да и то три штуки, — сообщил алхимик, поднимаясь на стену, над которой свистели стрелы все еще не терявших надежды солдат Ставроса. — Прикажете использовать?

— Не надо, — ответил, слегка огорчившись, Тарас, — подождем до ночи.

К счастью, после такой бомбардировки войско Гиперкида было на треть уничтожено и почти деморализовано. В конце концов он отдал приказ отойти от города на безопасное расстояние, спрятавшись за холм, и отправил часть пеших бойцов захватить пустующую гавань. Воспользовавшись передышкой, Тарас приказал перетащить одну из баллист на самую широкую башню, чтобы оттуда прицельно использовать оставшийся арсенал. Желая оттянуть начало нового штурма, Тарас отправил Гиперкиду стрелой письмо с напоминанием о заложниках, которых он мог начать казнить, если тот не сдастся. Тарас не собирался этого делать, но не использовать такой шанс потянуть время не мог. Однако ответа не последовало.

До самой ночи Гиперкид больше ничего не предпринимал, боясь угодить под обстрел неизвестного оружия, которого он так и не увидел, уничтожившего почти треть его отряда. А когда ночная мгла окутала Итаку, скрыв и болтавшиеся в море корабли, солдаты Ставроса опять появились под стенами. Оборону города Тарас поручил Йолаю, так хорошо проявившему себя в прошлых боях. Тот и сейчас не подвел, проверил все посты, распределил солдат на самых вероятных направлениях удара.

— Идут на приступ, значит, плевать он хотел на заложников, — спокойно отметил Тарас, находившийся в башне рядом с расчетом баллисты и Темпеем. — Заметил, где они строились? Вот туда и прицеливайся. Наверняка там находился сам Гиперкид, а значит, и еще кто-нибудь остался.

— А если они уже оттуда ушли? — засомневался Темпей.

— Придется рискнуть одним горшком, — отмахнулся Тарас, — все равно нам нужно немного подсветить окрестности.

Когда воины Ставракса уже карабкались на стены, уверенные в том, что почти незаметны в ночи, и начались первые стычки с защитниками, Тарас отдал приказ применить еще одно секретное оружие. Торсионы скрипнули, в небо взвился первый горшок. Его тлеющий фитиль промелькнул за мгновение, а затем исчез. Тарас в напряжении вглядывался в темноту, не видя и не слыша пока ничего вокруг, кроме звона мечей и криков сброшенных вниз.

— Неужели погас, — пробормотал он, когда прошло несколько секунд, показавшихся ему вечностью.

Но в этот момент за холмом полыхнуло зарево и тотчас раздалось несколько диких криков. А затем поднялась невообразимая суматоха. В неясных отсветах разгоревшегося пламени, казавшегося не таким уж большим со стены, Тарас увидел разбежавшихся в стороны вооруженных людей.

— Смотри-ка, брат, да мы угодили в самую гущу, — хлопнул он по плечу Темпея, — ай да молодцы артиллеристы. А ну давай второй горшок туда же!

После второго взрыва суматоха на холме перед крепостью переросла в настоящую панику. А драка на стенах едва ли не прекратилась. Все, кто лез на стены по лестницам, остановились и устремили свои взгляды назад, позабыв про осторожность. За что многие тут же поплатились своей жизнью.

Но то, что Тарас увидел дальше, удивило его еще больше. Солдаты Ставракса, побросав мечи, разбегались кто куда. А несколько из них, объятые пламенем, корчились в судорогах на земле. Другие катались по траве, пытаясь безуспешно сбить пламя. Один такой человек-факел, на котором загорелись даже волосы, после того как он сбросил шлем, пытался сорвать с себя доспехи. Но это ему не удалось. Кожа доспехов расплавилась, спекшись с его телом, а раскаленные медные пластины причиняли ему невыразимую боль. Он дико кричал до тех пор, пока не выхватил меч у одного из солдат и не бросился на него, чтобы прекратить свои страдания. Это был сам Гиперкид.

— Я предлагал тебе умереть с мечом в руках, — тихо проговорил Тарас, узнав вождя Ставракса, — но не так, а в поединке. Ты сам выбрал свою судьбу.

Победа была полной. Оставшиеся воины Ставракса, побросав оружие, разбежались кто куда, испытав на себе огненное дыхание богов. Так что, когда Тарас решился на рассвете сделать вылазку со своими солдатами, чтобы осмотреть прилегавшую к городу местность, он не обнаружил ничего, кроме трупов. Тем не менее Тарас прочесал все прилегавшие склоны и дошел почти до перевала, лишь там окончательно уверился в том, что враг разгромлен, и вернулся в город.

На подходе он заметил еще одно войско, приближавшееся к Ставраксу с того же перевала, откуда пришел Гиперкид. Но, приглядевшись, быстро успокоился. Это были люди Иксиона.

— Я вижу, тебе даже не понадобилась моя помощь, — усмехнулся здоровяк, увидев Гисандра во главе своих морпехов и следы разрушения повсюду.

— Да, — кивнул тот, снимая шлем, — мне удалось справиться самому. Правда, очень помогли твои солдаты, настоящие храбрецы. Да еще пригодились баллисты.

Тарас устало махнул рукой в сторону полуразрушенного города и сказал.

— Можешь занять город Одиссея, я дарю его тебе.

Когда войско вошло в город, а корабли, проведя ночь в море, вернулись в гавань, Иксион сообщил Тарасу неожиданную новость:

— Да, совсем забыл сказать, Гисандр. К тебе в Ватхий прибыл человек из Спарты.

— Никто не знает, что я здесь, — напрягся Тарас, удивленно поднимая брови.

— Он знает. Это Клеандр.

Услышав это имя, Тарас вздрогнул. Пифий царя Леонида не стал бы рисковать своим

положением без особой причины. Значит, он привез новости, которых Гисандр ждал уже давно.

— Мне нужно немедленно возвращаться в Ватхий, — проговорил Тарас, погружаясь в свои мысли, — тем более что война закончена. Мы победили. Отныне Итака теперь твоя.

Глава девятнадцатая

Тайный флот

К исходу второго дня его караван оставил далеко позади открытое море, миновал Патры и теперь пересекал Коринфский залив между расходящимися все дальше берегами Локриды и Ахайи. Здесь уже встречалось немало кораблей из разных греческих полисов, но они, завидев пятнадцать грациозных триер, шедших под парусами, предпочитали обходить караван стороной. Почти все захваченные корабли Гиперкида пришлось оставить на Итаке, солдат для них не нашлось. После сражений первый спартанский наварх едва смог укомплектовать морпехами собственные триеры.

Тарас прошелся по палубе, пытаясь разглядеть далекие берега залива, но тщетно. Они тонули в легкой дымке. День, что уже понемногу клонился к вечеру, выдался жаркий. К счастью, плыть оставалось недолго. Гисандр, не впервые бороздивший эти воды, мог и без помощи Иллария предсказать, что вскоре они достигнут берегов Фокиды. Скорее всего, еще засветло.

«Наше появление может вызвать у охранников Кирры большой переполох, — подумал он, все еще блуждая взглядом вдоль размытой линии горизонта, — жаль, что Клеандра со мной нет. Он бы их быстро успокоил. Впрочем, я и сам справлюсь».

Где-то там, где заканчивались берега Ахайи, залив был ограничен берегами другого полиса, гораздо меньшего по площади, но куда более мощного и развитого Коринфа, чье имя даже носил этот залив в Ионическом море. Там же находился Истм, небольшой перешеек, самое узкое место в Коринфе и единственный путь по суше из остальной Греции в Пелопоннес. Об этом перешейке каждый раз вспоминали в случае нападения врагов. Именно здесь многие полководцы Пелопоннеса, включая «домоседов»-спартанцев, всегда хотели обороняться, забыв про остальную Грецию.

— Вот бы там канал прорыть, — вырвалось вслух у Тараса, — через этот Истм. Не хуже Суэцкого получился бы.¹⁵ Очень нужное дело, и как только жители Коринфа до такого не додумались. Раз, и ты уже в Эгейском море. И не нужно мучиться, тащить корабли волоком по деревянным рельсам, как сейчас, или совершать кругосветное плавание вокруг Пелопоннеса. Сиди себе, поднимай шлагбаум и получай барыши за проход караванов. Больше ничего и делать не требуется.

Примерно часа через три, когда появились первые признаки заката, Гисандр бросил взгляд поверх острого носа «Тайгета» и заметил знакомые очертания городских стен. Это была Кирра, из которой он уже не раз отплывал и не раз в нее возвращался за время последней кампании у Дельфийских проходов. Война с персами длилась, в сущности, не так уж долго, но в жизни Тараса за этот короткий промежуток произошло столько событий, что ему казалось — прошла вечность.

— Жаль, Клеандра нет, — опять вспомнил о царском пифии Тарас, глядя, как к нему

¹⁵ Идея о необходимости перекопать узкий, длиной всего шесть километров, перешеек, разделявший Ионическое и Эгейское моря, не раз посещала жителей Коринфа. Этот греческий полис имел обширные связи с Египтом в торговом, морском и военном деле. Возможно, следуя примеру египетского фараона Нехо II (610–595 гг. до н. э.), пытавшегося соединить каналом Нил с Красным морем, его современник коринфский тиран Периаандр первым предпринял попытку прорыть канал через Истм. Однако не смог довести задуманное дело до конца. Затем уже римский император Нерон в I в. н. э. повторил неудачную попытку. В конце концов проект удалось осуществить только в XIX в. Канал прорыла французская компания, та же, что построила Панамский канал, разделив пополам Америку.

навстречу, едва завидев караван, устремились несколько триер местного флота, и усмехнулся. — Забеспокоились. Конечно, есть о чем переживать. С такой силой я могу ваш городишко стереть в порошок. Конечно, Клеандр бы с вами поговорил на своем языке, не люблю я кривить душой, но и мне в дипломатии кое-что по силам.

При этом он непроизвольно похлопал себя по нагруднику, под которым находился небольшой кошель с золотом, для того чтобы сгладить возможные шероховатости при встрече с местными чиновниками. Хотя, если все пойдет по плану, этого и не понадобится. Новый кошель передал ему, конечно, Клеандр. Сам же он не мог отправиться в путь с Гисандром и остался на Итаке. Но, как понял Тарас, ненадолго. Дела царя Леонида требовали его присутствия в самой Спарте, куда он собирался вернуться сразу после разговора с Гисандром. А разговор получился интересным.

— Наша вторая армия задержана в Спарте и, похоже, еще долго не покинет границ Лакедемона, — огорошил его новостями пифий, едва Тарас сумел добраться до Ватхия, где ждал его царский посланец. — Теперь Леониду придется отражать персов, рассчитывая лишь на себя и на помощь афинян.

— Неизвестно, что лучше, — ухмыльнулся Тарас, — биться с малыми силами против полчищ персов или просить поддержки у афинян, которые только и ждут, чтобы нанести удар в спину.

— Уже не ждут, — проговорил пифий, с нескрываемым интересом осматривая триеры с холма, нависавшего над гаванью, где проходил разговор, — большинство афинян по приказу Фемистокла покинули Дельфы и ушли в свой город вместе с Агенором.

— Что? — не поверил своим ушам Тарас, подавшись вперед и даже невольно сжимая ладонью рукоять меча. — Они предали нас?

— Еще нет, — медленно проговорил пифий, — но все еще может случиться. С тех пор как ты покинул Спарту, произошло много событий, о которых тебе следует знать.

Клеандр перестал рассматривать корабли и с заговорщическим видом повернулся к Тарасу. Они оба стояли у входа в небольшой дом в верхнем городе, который избрал своим временным пристанищем в бухте Ватхия царский пифий. Дом был хоть и деревянный, но гораздо больше, чем обычный спартанский. Раньше, как слышал Тарас, он принадлежал какому-то местному купцу. До тех пор пока Иксион не ввел здесь военное правление и не реквизирует все, что ему понравилось, превратив городок в базу пиратов. Бывая здесь по делам довольно часто, Тарас изредка обращал внимание на этот дом, даже подумывал, не сделать ли здесь свою резиденцию. Но воздержался, решив, что слишком далеко от гавани, в которой стояли его корабли. А вот пифию он как раз приглянулся. По его мнению, тот стоял не слишком близко и не слишком далеко, не очень бросался в глаза. Идеальное место для того, кто не хочет лишний раз привлекать внимание.

— Так отчего не вышла на помощь царю Леониду вторая армия Спарты? — уточнил Тарас. — Насколько я помню, перед моим... исчезновением все было в порядке. Войска должны были уже выступить. Да и я с ними...

— Вот именно, — поддержал его пифий, распрямляя спину, — и ты с ними. Когда эфоры узнали о твоём исчезновении на охоте, они не сразу поверили этому. Даже устроили тайное расследование и, похоже, кое-что узнали. Кто-то видел тебя в царском темени и доложил им об этом, как мне стало известно.

— Они знают о том, что мы построили баллисты? — подался вперед Гисандр.

— Точно неизвестно, но эфоры что-то заподозрили, — ответил пифий, вновь переводя взгляд на море, — больше всех старались Ипполит и Фидий. А после того, как твои поиски ничего не дали...

— Меня искали по приказу эфоров? — Тарас удивился настолько, что позволил себе перебить пифия.

— Да, было проведено даже тайное расследование, — кивнул Клеандр, усмехнувшись, как показалось Тарасу, чуть с издевкой, — все-таки пропал победитель Гимнопедий. Но, я думаю, искали они тебя не только поэтому. Что-то о наших тайных делах эфоры пронюхали

и, уверен, хотели бы с тобой поговорить о них.

При слове «поговорить» перед внутренним взором Тараса возникли лишь позорные столбы, к которым привязывали спартиатов, достойных наказания, или скамьи, где их секли ивовыми прутьями до тех пор, пока дух не отлетал к Аполлону. Что именно могли с ним сотворить богатые на выдумку эфоры, Тарас старался даже не представлять. Ничего хорошего такой разговор ему не сулил.

— Тебя они не нашли, — закончил мысль пифий, присаживаясь на врытую в землю скамью, чтобы продолжать оттуда наблюдать за бухтой, и повторился: — Но вслед за этим царь Леотихид вдруг объявил, что вторая армия пока остается в Спарте. Так решило собрание, на котором эфоры убедили остальных старейшин, что Аполлон послал им плохое знамение и армию ни в коем случае нельзя отправлять сейчас на войну.

«Хорошая отмазка эти знамения», — подумал Тарас, молча прохаживаясь вдоль края холма и поглядывая на бухту сквозь начинавший быстро темнеть воздух.

— Значит, они опять обрекают Леонида на смерть? — задал он риторический вопрос, наконец останавливаясь напротив скамьи. — Оставляют без помощи, в то время когда персы продолжают атаковать и афиняне предали нас. И все это произошло из-за меня?

— Ты, конечно, славный воин, Гисандр. Но не думай, что теперь все в Спарте происходит из-за тебя, — чуть охладил его воспаленную от услышанного гордость пифий, — однако совершенно ясно, что настал решающий момент в истории Лакедемона. Эфоры кое-что знают или догадываются о том, что происходит в царском темене. Они наслышаны от своих соглядатаев о том, как ты воевал со своим оружием у Дельфийских проходов, и не могут не понимать, что наш царь что-то скрывает от них.

Пифий, разволновавшись, даже встал и прошелся по краю холма.

— Эфоров раздражает Леонид, который ведет себя слишком самостоятельно. А они очень не любят царей, готовых идти против воли эфората или народа, который они якобы представляют. И, что самое страшное, способного изменить традицию, которую они так защищают. Поэтому эфоры хотят одного — уничтожить Леонида и будут стараться сделать это любыми способами. Прежде всего с помощью второго царя, Леотихида. Я знаю, когда новая армия все же выйдет за границу Лакедемона, то с ней отправится Леотихид с приказом сменить на посту главнокомандующего и вернуть Леонида в Спарту.

— Представляю, что ждет там нашего царя, — ответил в тон пифию Тарас, обхватив себя руками за локти, и даже осмелился предположить: — Его наверняка попытаются обвинить во всех грехах и отправить в ссылку. Но кто же тогда будет побеждать персов?

— Наш царь не так глуп, как думают эфоры, в своем рвении к власти позабывшие даже об угрозе всей Греции от армии Ксеркса, — успокоил его пифий, прищурившись, — и он приготовил подарок эфорам. Но когда они его получают, то вряд ли обрадуются.

После этих слов Тарас внимательно взглянул в прозрачные глаза пифия и понял, что тот коснулся самого главного, но дальше говорить об этом был пока не намерен и быстро сменил тему.

— Я вижу, ты тут неплохо послужил нашему царю, — проговорил Клеандр, кивнув в сторону эскадры триер.

— О да, — не стал отнекиваться Тарас, наполняясь законной гордостью, вставая рядом и обводя взглядом бухту, — зря время не терял. Пятнадцать триер полностью готовы к выходу. На каждой есть моряки, гребцы и солдаты, не говоря уже о баллистах. И всю эту армию я уже испытал в деле. Пришлось.

— Я слышал, о том, что вы с Иксионом захватили всю Итаку, — кивнул пифий, сказав это таким будничным тоном, словно речь шла о простой потасовке между пьяными матросами, — это неплохо. Теперь у нас есть собственный остров для того, чтобы разместить на нем столько людей, сколько потребуется.

— Для чего? — не выдержал Тарас.

— Позже узнаешь, когда придет время. А пока тебя ждет новое дело, — вновь сменил тему пифий, — царь приказывает тебе немедленно взять весь этот флот и прибыть с ним в

Фокиду, где тебе надо будет встретиться с ним. Что делать дальше, узнаешь от Леонида.

— Мне можно вновь явиться в армию? — удивился Тарас. — Но меня ведь знают сотни спартиатов, кто-нибудь обязательно увидит меня и доложит эфорам.

— Об этом не беспокойся, — отмахнулся от проблемы Клеандр, — тебя никто не увидит. А если и увидит, то это уже будет не важно. Возможно, ты встретишься с царем на своем корабле, не сходя на берег в Кирре, где он будет ждать тебя.

— Сам царь будет встречать меня? — вырвалось у восхищенного Тараса. — Вот это честь.

— В любом случае тебе надлежит прибыть в гавань Кирры и ожидать новостей от Леонида, — проговорил пифий тоном, в котором вдруг звякнул металл, — возьми этот кошелек, на случай если прежде посланцев царя к тебе придут местные чиновники. А они придут, такой флот будет трудно не заметить. И постарайся не воевать ни с кем у берегов Кирры. Лишний шум нам ни к чему.

Протянув кошелек, пифий умолк, словно говорить больше было не о чем. Но Тарас вдруг вспомнил о том, что так и не получил ответа на вопрос, почему афиняне вдруг оставили оборону дельфийских проходов и вернулись домой.

— Скажи, а что подвигло Фемистокла отозвать войска? — поинтересовался Тарас. — Ведь я же помню, как афиняне везде кричали, что пришли защищать свою святыню. А теперь они так легко бросили ее, оставив лишь на попечение спартанцев, которых и так мало.

— Персы сняли оттуда большую часть своей армии, перебросили морем и высадили ее недалеко от Афин, — спокойно произнес царский пифий.

— Что? — не поверил своим ушам Тарас. — А как же хваленые триеры Фемистокла? Как он их пропустил?

— Не знаю, — просто ответил пифий, — но говорят, что персидский флот обошел морем Эвбею и все корабли Фемистокла или как-то усыпил его бдительность. Как бы там ни было, Ксеркс, обозленный тем, что его наступление по суше почти остановилось из-за упорства спартанцев, буквально на днях высадил огромную армию вблизи Марафона. Она сейчас движется к Афинам. А может быть, уже взяла их.

— Так вот почему так занервничал Фемистокл, — кивнул, соглашаясь, Тарас, — ясно, теперь ему действительно не до обороны дельфийского святилища. Хорошо еще, что хоть часть своих людей для вида оставил.

— Да, грядет великая битва за Афины, — согласился пифий, — но нам это только на руку. Если этот город падет, то у Спарты больше не будет серьезных соперников в Греции.

— Значит, мы не будем помогать афинянам? — прямо спросил Тарас, слегка удивленный тем, что мудрый царский пифий говорит только о греческих соперниках, совершенно позабыв, что судьба самой Греции вообще висит на волоске до тех пор, пока ее землю топчут персидские солдаты.

Пифий смерил его недовольным взглядом, означавшим, что победитель Гимнопедий позволил себе слишком много вольностей с представителем царя. Но поскольку Тарас и раньше не отличался особой дипломатичностью, то Клеандр только нахмурился, но ответил.

— Ты слишком любопытен, Гисандр, в вопросах, которые тебя не касаются. Но, царь благоволит тебе. Поэтому знай: падение Афин должно случиться рано или поздно. Но если персы захватят их сами, то это решит лишь половину наших дел. Поэтому мы поможем афинянам в грядущей битве. Но, как именно, тебе расскажет сам Леонид.

На этот раз молчание пифия было таким громким, что Тарас больше не решился раздражать его вопросами. И хотя Клеандр напустил еще больше тумана в его размышления о будущем, в целом все было ясно. Ему следовало немедленно отплыть в Фокиду, тайно встретиться с царем спартанцев и получить новые приказы насчет предстоящей битвы. А долгие размышления о судьбе Греции не к лицу простому солдату. На том Тарас и приказал себе успокоиться. Но так просто это не вышло. Всю дорогу его терзали сомнения насчет того, что ему поручит Леонид.

«Интересный получается коленкор, — размышлял первый спартанский наварх

неизвестного никому флота, — я могу оставить корабли в Кирре и подняться к Дельфийским проходам со своими солдатами и новыми баллистами, чтобы оборонять их и дальше. Это усилит армию царя, которая постоянно несет потери, все еще сдерживая натиск персов. Но как меня встретят остальные спартиаты, ведь на родине я „пропал без вести“ и, уверен, в армии об этом уже знают. Телефонов здесь нет, однако новости расходятся быстро, и эта новость явно будет не на руку царю. Уж Деметрий постарается ее раздуть. Впрочем, раз Леонид передал такой приказ, значит, уже обо всем позаботился и все наперед решил. Да и в новой ситуации, когда персы уже за спиной, произойти может всякое. Поживем-увидим. Недолго уже осталось».

Когда триеры с представителями местной власти, обеспокоенными появлением неизвестного военного флота у своих берегов, приблизились, Тарас приказал своим кораблям сбавить ход, а потом и вовсе остановиться. Головная триера Кирры подошла ближе всех к борту «Тайгета», с нее спустили шлюпку, и вскоре на палубу спартанского корабля по лестнице ловко вскарабкались пятеро. Все они были, к удивлению Тараса, одеты не в расшитые золотом гиматии, подходящие гражданским лицам, а в доспехи. Это означало, что в гости прибыли местные военачальники.

«Чиновники, значит, испугались, — усмехнулся Тарас, — впрочем, ничего странного. Зачем городскому начальству рисковать, для этого и существуют военные».

Бросив настороженный взгляд по сторонам, прибывшие направились к Тарасу, которого трудно было с кем-либо спутать. За его спиной располагались несколько охранников в спартанской форме, да и сам Гисандр не скрывал своей национальной принадлежности.

— Вы спартанцы? — не смог скрыть удивления главный из военных Кирры, оказавшийся начальником местного флота, после того как разглядел доспехи Гисандра и его окружения. — Мы не знали, что Спарта строит корабли.

— Она и не строит, — еще больше удивил его Тарас, — скажем так, мы наемники и лишь прибыли сюда по приглашению царя Леонида, с тем чтобы помочь ему воевать против персов. Мне нужно встретиться здесь кое с кем и пополнить запасы. Могу ли я остановиться со своим флотом на пару дней в вашей гавани?

Офицеры переглянулись. Видно, ничего другого они и не ожидали от неизвестных гостей. И все же что-то мешало им быстро дать ответ. Тарас оценил заминку правильно и, сделав несколько шагов навстречу к местному наварху, незаметно вынул и протянул ему кожаный кошель.

— Пусть это поможет сгладить те неудобства, которые доставит вам наше пребывание.

— Ну что же, — заметно повеселел офицер, ощутив на руке приятную тяжесть золота, — думаю, это возможно. Кирра — гостеприимный город, и мы благодарны спартанцам за то, что они защищают нас от персов.

Обернувшись в сторону берега, который уже начинал понемногу тонуть в вечерних сумерках, он указал рукой в сторону пирсов, видневшихся у самой кромки холмов, и сказал:

— В главной гавани очень тесно, много торговцев. Вы можете пришвартоваться у дальних пирсов. Думаю, вы успеете это сделать до наступления темноты.

— Это вполне подходит, — не стал спорить Тарас, смекнув, что его просто боятся пускать в закрытую городскую гавань, откуда он мог бы при желании попасть куда угодно, а предпочитают держать за внешней стеной от греха подальше, — мы так и поступим.

— Долго вы намерены пробыть здесь? — задал офицер последний вопрос.

— Это зависит от того, что я узнаю завтра, — ответил Тарас, — я лишь слуга своего царя.

Удовольствовавшись таким ответом, офицеры из Кирры покинули борт «Тайгета» и вернулись на свою триеру. А Тарас приказал развернуть флот в сторону близкого берега. Пришвартовавшись в оговоренном месте, где к тому времени для них освободили достаточно места, тайный флот Спарты встал на свою первую ночевку. Никто в ту ночь, включая самого наварха, не сходил на берег, кроме охранников, которых Тарас приказал

выставить вдоль всех пирсов, чтобы любопытные торговцы не совали свой нос куда не следует.

— Вот мы и на месте, — проговорил наварх, стоя у ограждения и рассматривая разгоравшиеся с наступлением темноты в городе и на побережье костры, — теперь будем ждать сигнала царя. Думаю, он не заставит себя долго ждать.

Глава двадцатая

Новая цель

И он оказался прав. Едва забрезжил рассвет, как у него появилось предчувствие, что Леонид уже знает о его прибытии. Ночь для спартанцев далеко не всегда означает сон. И действительно, ближе к полудню, когда солнце уже начало припекать и торговавшие с самого утра жители Кирры готовились к послеполуденному отдыху, на берегу появился отряд скиритов. Небольшой, человек тридцать. Но их красные плащи нельзя было спутать ни с кем другим. Впереди отряда вышагивал невысокого роста боец, в котором Тарас без труда опознал самого Леонида. Не обращая внимания на перегородившую все подходы к берегу толпу торговцев, носильщиков и других работников, словно их и не было, отряд скиритов врезался в нее, как нож в масло, прошел насквозь и быстро достиг берега, поскольку все расступались перед ними.

— Ну вот и свиделись, — усмехнулся Тарас, который уже к тому моменту сошел по сходням на пирс и ожидал царя на берегу в окружении своих верных «спецназовцев».

Но Леонид вдруг остановил отряд на вершине прибрежного холма и некоторое время не двигался с места, медленно поворачивая голову то налево, то направо. «Флотом любитесь, — догадался Тарас, — смотри, смотри. Есть на что. Такого в Спарте еще действительно не бывало».

Наконец, налюбовавшись на свои корабли, выстроившиеся вдоль берега почти в ровную линию, Леонид подал знак, и отряд направился напрямик к «Тайгету», где и находился новоиспеченный наварх. Царь тоже его заметил. А приблизившись, поприветствовал, правда, по-своему.

— Хороший флот ты привел сюда Гисандр, — проговорил Леонид.

По лицу остановившегося в нескольких шагах царя нельзя было не заметить радости, охватившей его при виде кораблей, на которые он теперь любовался открыто, хотя Тарас пока и не знал причины, почему царь пошел на конфликт с эфорами. Ведь все это могло легко закончиться его отставкой. А может быть, даже смертью.

Леонид выглядел поджарым, как все спартанцы, и собранным. По нему нельзя было понять, как сильно он устал, ведь все это время он был участником не прекращавшейся битвы на перевале. Но при этом успевал плести интриги в самой Спарте и за ее пределами. Тарас только диву давался, откуда у него столько энергии и жизненных сил. Царь даже по спартанским меркам казался ему сейчас двужильным.

— Я лишь привел сюда то, что было уже сделано до меня, — не стал примерять на себя славу неизвестных ему корабелов Тарас.

— Сами по себе корабли не умеют плавать, — заметил Леонид, по лицу которого струился пот из-под шлема от быстрой ходьбы. — Я слышал также, что ты привел сюда не только корабли, а целую армию.

Тарас немного напрягся, размышляя, стоит ли обсуждать такие вопросы в присутствии целого отряда бойцов, и провел взглядом по лицам скиритов, среди которых не нашел ни одного знакомого. Это его не слишком успокоило. Впрочем, Леонид правильно понял его опасения. Он сделал знак охранникам оставаться на месте и, вместо того чтобы сразу подняться на борт «Тайгета», неожиданно приказал:

— Пройдемся по берегу. Покажи мне свой флот.

Тарас невольно поклонился в ответ, даже вздрогнув при слове «свой». Он ведь не знал, что на уме у царя и кому он прикажет дальше руководить эскадрой.

— Я лишь слуга своего царя, — повторил он дежурную фразу.

Оставив своих «спецназовцев» на месте, Тарас медленно направился вместе с царем вдоль берега, обходя одну триеру за другой. Охрана, выставленная еще вчера у входа на пирс, отделяла их от шумевшей чуть в стороне толпы торговцев. Теперь к охране присоединились еще и скириты царя. Так что они прогуливались в «полосе отчуждения», на которую не мог ступить никто посторонний. Но видеть их могли все.

— Клеандр сообщил мне, что ты неплохо справился с моим приказом, — начал разговор Леонид, когда они отделились от скиритов метров на двадцать, — и даже сделал то, чего я не приказывал. Быстро воспитал целую армию.

— Я позволил себе дерзость кратко обучить искусству спартанского боя около тысячи пехотинцев, — заметил на это Тарас, умолчав о том, что обучал их не столько спартанскому бою, сколько новому построению, — и еще научил немногих пользоваться баллистами. Ведь если у нас теперь есть корабли, они должны не только перевозить людей от берега до берега, но и стать грозной силой. А для этого пехотинцы должны научиться воевать на узкой палубе посреди моря, да и самими триерами надо уметь пользоваться.

— Не знаю, где ты сам этому научился, — проговорил в задумчивости царь Спарты, — но я в тебе не ошибся. Лучшего человека для нового дела было не найти.

Он вновь окинул взглядом остроносые триеры, с борта которых на них вовсю глазели матросы и морпехи, впервые с момента встречи позволив себе немного расслабиться.

— Как тебе корабли, Гисандр? — поинтересовался он у Тараса, немного повеселев. — Как они ведут себя в море?

— Они плывут так, словно их построил сам Посейдон, — похвалил работу неизвестных мастеров Тарас, ступая кожаными подошвами сандалий по высохшим доскам пирса.

— Я слышал, что ты набрал на Итаке команды из бывших пиратов? — задал новый вопрос царь, который, похоже, остался доволен таким ответом. — И как они теперь ведут себя в бою? Могут держать строй?

— Поначалу было трудно, — признался Тарас, — конечно, это не дисциплинированные с детства спартанцы, а настоящие животные. Но за время тренировок я привел их в разум. И теперь на каждом корабле есть по восемьдесят бойцов, готовых отдать жизнь за Спарту. Правда, им приходится иногда платить... ведь они все-таки не спартанцы.

— Клеандр должен был решить этот вопрос, — спокойно отмахнулся царь от разговора о финансах, — а кроме того, можешь пообещать им часть добычи в случае победы над врагом. Для бывших пиратов это понятный язык. Очень скоро нам пригодятся все эти корабли и те солдаты, которых ты обучил. Даже мало будет. Для Греции, как и для самой Спарты, наступают новые времена.

Метров двадцать они прошли молча. Леонид впал в задумчивость, а Тарас не торопил его, понимая, что сейчас решается его судьба и царь готовится сказать ему о новом приказе.

— Ты уже знаешь, что Ксеркс напал на Афины? — резко остановившись, спросил Леонид.

При этом царь внимательно посмотрел Гисандру в глаза, словно хотел прочесть его тайные мысли.

— Пифий сказал мне о том, что персам удалось обойти афинский флот и высадиться с армией недалеко от города, — подтвердил Тарас, — и о том, что Агенор почти со всей армией покинул поле битвы. Но я ничего не знаю о том, что происходит здесь, рядом с Дельфами. Ведь с тех пор, как я был вынужден... бежать из Лакедемона, я не получал новостей о войне.

— Здесь не случилось никаких больших и славных сражений, чтобы ты мог сожалеть о том, Гисандр, что не принял в них участия, — пожал плечами Леонид, — мы по-прежнему надежно держим горные проходы, хотя и малым числом воинов, но успешно отражаем персов. Так будет и дальше, тем более что Ксеркс, разъяренный нашим упорством, перебросил отсюда большинство своих войск под Афины. Именно там скоро состоится главная битва, которая может во многом решить исход этой войны.

— Вторая армия Лакедемона, что должна была прибыть сюда вместе со мной, задержана. Клеандр уже сообщил вам об этом? — вставил слово Тарас, уже не удивлявшийся, что спартанский царь получал вести из метрополии так быстро, словно общался со своими информаторами по телефону.

Лицо царя побагровело, а кулаки сжались. Похоже, эту новость он еще не получал. И Тарас сразу же пожалел о том, что затронул тему, но, к счастью, царь злился не на него.

— Я припомню это моим недругам, когда настанет день, — проговорил он, скрипнув зубами, — но они жестоко ошиблись, если думали испугать меня. Я удержу проходы в горах столько, сколько потребуется. Людей мне хватит. Призову в армию фокидян, что сейчас отсиживаются за моей спиной. А теперь, когда прибыли твои корабли, мы переправим туда еще и несколько баллист. Персы вновь ощутят на себе силу «гнева богов». В конце концов эфоры выпустят сюда вторую армию, а потом пожалеют о том, что задержали ее. Но сейчас...

Царь резко остановился и развернулся, посмотрев в сторону моря. Они дошли по берегу до того места, где кончался пирс и начинались голые холмы, постепенно переходящие в скалы. В паре стадий от берега виднелся островок, вернее скала, такой маленький, что на нем едва умещалось несколько деревьев, отчаянно цеплявшихся за жизнь среди камней.

— Забудь про Дельфы, Гисандр, и предоставь это мне, — закрыл тему Леонид, вновь поворачиваясь к нему.

Услышав такой приговор, Тарас даже выдохнул. Он не хотел показываться на глаза остальным спартиатам, не определившись со своим статусом. Быть беглецом или без вести пропавшим — на Итаке это одно. А здесь, пусть даже возле царя, ему не хотелось так жить. И Леонид, почувствовав его настроение, поспешил рассказать о том, какое новое испытание приготовил ему и что ждет «беглеца», ставшего таким по его приказу, в ближайшем будущем.

— Грядет большая битва за Афины, но я не могу пока сам принять в ней участия, — начал царь, — без меня Дельфы падут и персы хлынут во внутренние области Греции. И, хотя сейчас они уже топчут Аттику и скоро будут под стенами Афин, их еще можно остановить. Поэтому я помогу Фемистоклу или хотя бы сделаю вид.

Успокоившись, Леонид медленно зашагал в обратную сторону вдоль триер.

— Завтра на рассвете ты, оставив здесь три корабля, отправишься со своим флотом в обратное плавание вокруг Пелопоннеса и через несколько дней будешь вблизи Афин. Там ты разыщешь Фемистокла, который, как я слышал, не слишком надеется удержать крепость на суше и больше надеется на свой флот. Он уже приказал вывести всех жителей частью в соседний город Трезену, что в Арголиде, частью на остров Саламин. И сейчас, пока идет это бегство, сам стоит с кораблями у Саламина, ожидая нападения персов.

— Разве теперь Фемистокл командует флотом? — уточнил Тарас, припоминая, что у Артемисия главным был спартанец Эвривиад. — Он отказался подчиняться нам?

— Нет, — наклонил голову Леонид, — на словах все так и осталось. На официальный разрыв он не идет, и мы на одной стороне. Но на деле Эвривиад управляет лишь горсткой кораблей союзников и наблюдает за тем, что творит Фемистокл, готовясь к решающему морскому сражению, отказавшись, похоже, биться с персами на суше.

«Я бы тоже так поступил на месте Фемистокла, когда речь идет о спасении своего города, — невольно подумал Тарас, — не хочется подчиняться тому, кто ничего не понимает в морском деле. Особенно когда все зависит именно от флота».

— Но что мне делать, когда я встречаюсь с Эвривиадом? — вслух спросил он, вновь вспомнив о своем статусе призрака.

— Возможно, ты с ним не встретишься, — медленно проговорил Леонид, размышляя о чем-то, — на днях эфоры должны были отозвать его в Спарту, чтобы допросить.

— Отозвать главнокомандующего перед самым сражением? — вновь удивился Тарас. — Впрочем, это похоже на эфоров. Они живут по своим законам.

— Эфоры очень хотят узнать от него все о моих приказах на войне, — ответил Леонид,

загадочно усмехнувшись, — а насчет Афин они не слишком беспокоятся. Это не спартанский город. В крайнем случае они хотят, как всегда, пересидеть наступление персов за Истмом.

— Но это же... — Тарас чуть не выругался на глупость официальных властей, но вовремя сдержал слова, готовые слететь с языка, вспомнив, что рядом с ним стоит один из представителей этой власти. — Персов Истм не остановит. У них большой флот, который может проделать тот же маневр со Спартой, что и с Афинами.

— Расскажешь это эфорам, если выживешь, — вновь усмехнулся царь, — а встречи с Эвривиадом не бойся. Даже если столкнешься с ним, скорее всего, он не знает о твоём «исчезновении». Все это время он был на Эвбее, а не в моей армии. Во всяком случае, пока сражение не закончится, ты обязан подчиняться только Фемистоклу. А после победы тебе больше будет некого бояться.

Тарас с удивлением воззрился на царя, не совсем понимая, к чему тот клонит. Но больше никаких объяснений не получил.

— Итак, ты спартанский командир флота, который прибыл к месту предстоящего сражения за Афины со своими кораблями, — закончил вводную Леонид.

— А если к тому моменту, как мы доплывем, Ксеркс уже возьмет Афины? — осмелился предположить Тарас. — Там ведь почти равнина. Никто не сможет преградить его войску путь до самого Акрополя. Что делать тогда?

— Морское сражение все равно будет, — сказал царь, подумав, — даже если Афины падут раньше. И ты должен увидеть его. Но постараться избежать больших потерь. А лучше вообще остаться наблюдателем. Уверен, Эвривиад, если он еще там, изберет именно такую тактику. Встанет со своими кораблями за каким-нибудь островом и будет выжидать. Пусть гибнут афиняне, это их город. Думаю, это будет не сложно. Вряд ли Фемистокл поверит, что спартанцы, даже раздобыв корабли, быстро научились хорошо воевать на них. Он наверняка оставит тебя в резерве.

Услышав такое правдивое замечание, Тарас мысленно усмехнулся.

— Возможно, — кивнул он, все же не совсем согласный с Леонидом, — но ведь Фемистокл может поступить и по-другому. Например, послать меня в самое пекло, против финикийцев. Вряд ли он будет жалеть в таком бою спартанцев.

— Несмотря на все приказы Фемистокла, помни, кто твой царь, — сказал на это Леонид, прищурившись на солнце, — твоя задача, Гисандр, наблюдать и постараться избежать участия в сражении. Ты должен сохранить флот, который мне еще понадобится. И еще...

Царь остановился, бросив быстрый взгляд по сторонам, и наконец сообщил Тарасу то, ради чего отправлял его почти на верную гибель.

— Я посылаю тебя не сражаться, а не допустить измены. У тебя будет другая цель, главная: следить за Фемистоклом и его людьми. Мне сообщили, что он несколько раз посылал гонцов к самому Ксерксу. Ты должен постараться выследить такого гонца и перехватить его. Я хочу знать, что замышляет афинский стратег. И если тебе это удастся, немедленно сообщи мне. Я дам тебе верного человека в Мегаре, который быстро переправит мне в Дельфы любые новости. А потом, когда все закончится, я отблагодарю тебя за службу.

— Я уже награжден сверх меры, мой царь, — ответил Тарас, ошеломленный своей новой задачей, — ведь я первый спартанский наварх.

«Вот, значит, из-за чего весь переполох, — подумал Тарас, молча вышагивая рядом с царем, — это уже не война, а большая политика. Впрочем, разведка — работа привычная. А в политику эту я против воли уже давно втянулся, и обратной дороги нет».

Глава двадцать первая

Афины в огне

Оставив три корабля в Кирре, с рассветом следующего дня первый спартанский наварх

отплыл в сторону Аттики кружным путем. Собственно, от Кирры до Аргоса и оттуда до самих Афин было рукой подать. Но Леонид не разрешил воспользоваться волоком, который существовал сейчас на месте задуманного Тарасом канала. Уйдет много времени, денег и сил, да к тому же все сразу же узнают, чьи это корабли. А узнав, аргивцы могут и отказать Тарасу в такой услуге. Персы персами, но личная неприязнь к спартамцам у них была сильнее. А кроме того, ходили слухи, что Аргос готов признать Ксеркса своим владыкой. Поэтому Леонид решил не рисковать и раскрыть существование флота как можно позднее.

Что он будет делать после этого и как объяснит все эфорам, Тарас не стал даже думать. Но внутренний голос говорил ему, что Леонид, похоже, и не собирается ничего им объяснять. Неоднократно прозвучавшие угрозы и намеки в их адрес дали понять Гисандру, что сейчас на карту поставлено не только будущее Греции, но и самой Спарты, которое Леонид видел по-своему. Были в этом будущем эфоры или нет, трудно сказать, но Тарас был готов поручиться, что ничего хорошего для них царь из рода Агиадов не планировал. Сначала, однако, требовалось принять участие в морском сражении с персами и найти компромат на Фемистокла, который должен был помочь Леониду выиграть политическую борьбу. И сейчас на Гисандре лежала настолько важная миссия, что он и не мог припомнить ничего подобного в своей карьере.

— Все это сильно пахивает заговором, — пробормотал Тарас, разглядывая штормившее Ионическое море, — в котором я и мой папаша геронт увязли по уши. А теперь еще и Елена с ребенком может пострадать, если что не так пойдет. С эфорами шутки шутить не рекомендуется. Значит, надо все сделать хорошо. Все равно выбора уже нет.

Чем могли бы обернуться эти интриги лично для него, Тарас и сам еще не представлял, но если Леониду удастся его план, что бы он там ни задумал, то Лакедемон мог «содрогнуться» от культурных потрясений. Царь из рода Агиадов уже принял идею флота, несколько сотен лет назад отвергнутую Ликургом, «разрешил» новое оружие и, похоже, не собирался останавливаться на достигнутом. Он представлял собой типичного реформатора, готового пойти против сложившегося порядка, и Тарас с его новшествами пришелся тут как нельзя более кстати. «Но именно поэтому, — подумал вдруг Тарас, — эфоры обязательно попытаются его остановить. Они тоже не дураки, а Леонид — настоящая угроза древним традициям».

Сейчас, однако, он никак не мог защитить царя. И решил предоставить его самому себе и воле богов. Леонид не мальчик, а искушенный боец и политик, причем спартанский. А это немало стоит.

— Как-нибудь выкрутится, — опять подумал вслух Тарас, стирая с лица брызги воды, которыми его обдала набежавшая волна.

— Что вы сказали, господин Гисандр? — услышал он рядом голос Иллариya.

Капитан как раз пробегал от одного борта к другому, чтобы проверить, как закреплены баллисты. Шторм раскачивал корабль все сильнее, и хотя он все еще шел на веслах, пытаясь выгребать против ветра, пора было уже задраивать все весельные порты кожухами и отдаться воле волн. Иначе можно было очень быстро набрать воды и пойти на дно. Но Тарас, уже бывавший в таких передрыгах и разглядевший вокруг немалое количество скалистых островков, таивших в себе опасность, принял другое решение.

— Где мы сейчас? — остановил он окриком уже готового бежать дальше капитана.

— Ахайю мы уже миновали, — сообщил он, бросив быстрый взгляд на недалекий берег, — ближайший порт Киллена в Элиде. Скоро мы должны его увидеть.

— В Элиде, что граничит со Спартой, — проговорил Тарас, — Великолепно. В открытом море нам сегодня не выжить. Придется переночевать здесь. Отдай приказ идти в порт.

Но едва Иллариy сделал шаг, как он передумал, еще раз оглядев пустынный и плоский берег, протянувшийся по левому борту.

— Стой! — рявкнул он. — Правь прямо к берегу. Рискнем пристать прямо здесь. Чья это земля, еще Ахайи?

— Не знаю, господин Гисандр, — честно признался бывший пират, — похоже, что да.

— Ладно, делай, как я сказал, потом разберемся, — окончательно определился Тарас и подумал, когда капитан уже растворился в брызгах новой волны: «А то с такой конспирацией скоро все будут знать, что у Спарты появился флот».

К счастью, ночевка прошла без помех. Несмотря на усилившийся ветер, все корабли благополучно пристали к плоскому в этом месте побережью. Общими усилиями команды вытащили из воды их носы и закрепили канатами, чтобы не унесло в море. Костров Тарас приказал не разводиться и, отправив разведку в оба конца вдоль побережья, еще до наступления ночи знал, что никаких населенных пунктов поблизости нет. Место было пустынное.

— Ну и прекрасно, — успокоился он. — Бриант, выставь крепкую стражу, а если до утра никто не явится к нам, так и уйдем незамеченными.

Может быть, кто-то и видел пристававший к берегу в сумерках флот, но их действительно никто не побеспокоил. Ночью буря утихла, и наутро обрадованный Тарас отдал приказ грузиться и отчаливать с первыми лучами солнца. Едва они отделились от берега на несколько стадий, как он увидел отряд вооруженных всадников, спускавшихся с перевала к месту их недавней стоянки. Судя по блестящим издали доспехам, это была тяжелая кавалерия, посланная местными правителями разузнать о неизвестном флоте.

— Поздно, ребята, — поприветствовал их издали Тарас, — я спешу. Потом поговорим. Иллари, курс на Афины.

Шторм в самом начале пути был единственной преградой, немного задержавшей продвижение кораблей Гисандра к цели. Оставшаяся часть плавания вокруг Пелопоннеса обошлась без приключений и даже позабавила его. Без малого два дня они продвигались вдоль берегов Спарты, изредка встречая на своем пути небольшие города. Их было так мало по сравнению с той же Ахайей или Арголой, не говоря уже о полном отсутствии кораблей Лакедемона в этих водах, что Тарас лишний раз помянул недобрым словом Ликурга, запретившего флот.

«Берега-то огромные, — размышлял он, когда караван миновал мыс Тенар, позднее мыс Мале и наконец оставил в стороне Эпидавр-Лимеры, уходя в сторону Аргоса, — сколько здесь можно было бы портов понастроить да судоверфей. Просто рай для моряков и морской пехоты».

Последнюю остановку перед Афинами они сделали на острове Гидрея, что находился вблизи берегов Арголитиды, но ей не принадлежал. Местные властители благосклонно приняли флот Гисандра, а опознав в нем, с немалым удивлением, спартанца, еще больше прониклись к нему уважением. Они, так же как и лакедемоняне, находились в напряженных отношениях с Аргосом. Шла война с персами, а наличие у разных эскадр иноземных командиров, в том числе спартанских, было не столь уж редким делом. Чего стоило одно верховное командование Эвривиада, о котором все знали. Поэтому у Тараса особых проблем не возникло, особенно после того как он подкрепил свои намерения деньгами, а не угрозами.

— Будьте осторожны, господин Гисандр, — сообщил ему начальник порта на прощание. — Говорят, персы уже совсем близко. Их корабли видели в море недалеко от Афин.

— Ничего, — отмахнулся Тарас, направляясь к своему кораблю, — даже если они рядом, дальше Афин они не пройдут.

Сказано это было таким тоном, словно под его началом находилось не двенадцать триер, а как минимум пара тысяч, но начальник порта остался доволен. Ему практически пообещали защиту.

Наутро эскадра отправилась в сторону недалекого сердца Аттики, которое, по слухам, уже терзали персидские войска. На сей раз картина резко отличалась от виденной днем ранее в водах Лакедемона. В здешней акватории, к которой примыкали берега Арголитиды, Коринфа, Мегар и самой Аттики, царили совсем другие порядки. Кораблей здесь встречалось великое множество. Едва обогнув край огромного полуострова, на котором располагалась Арголитида,

первые спартанские моряки увидели караван из триер, собиравшийся пристать к берегам неизвестного им города, дома которого усыпали весь холм. Караван состоял из двух десятков торговых судов и нескольких триер сопровождения.

Поравнявшись с кораблями охранения, которые оказались афинскими триерами, Тарас догадался, что стал свидетелем исхода, а точнее бегства, зажиточных жителей Афин из города со всем своим скарбом, который они могли увезти на кораблях. Бочки, амфоры и даже животные, среди которых были лошади и козы, заполнили палубы торговых судов до отказа.

— Да, похоже, нагнал на вас Ксеркс страха, — резюмировал Тарас свои наблюдения над караваном.

Увидев неизвестный военный караван, шедший навстречу, афиняне перестроились в боевой порядок, но вскоре успокоились, поняв, что их не собираются атаковать.

— Я Гисандр из Спарты! — крикнул Тарас, когда «Тайгет» поравнялся с головной триерой и прошел от нее так близко, что концы весел едва не касались друг друга. — Мы идем на помощь афинскому флоту. Где мне найти Фемистокла или Эвривиада?

— Фемистокл стоит у Саламина, — крикнули ему в ответ с проходящей триеры, — идите прямо туда. Там все и узнаете. Только поторопитесь, сражение может начаться в любой момент.

— Мы никогда не опаздываем, — соврал Тарас, прекрасно знавший, что спартанцы не отличались точностью в том, что касалось начала чужой битвы, предпочитая без надобности не рисковать жизнями лакедемонян.

Оставив этот караван позади, вскоре они повстречали другой, направлявшийся туда же.

«Похоже, этот город позади и есть Трезена, о которой и говорил мне Леонид, — подумал Тарас, разглядев вскоре еще несколько групп кораблей, следовавших тем же курсом, — бегство афинян приняло тотальный характер. Значит, Ксеркс уже у ворот».

За полдня они обогнули несколько десятков мелких и больших островов на пути, самый большой из которых оказался Эгиной, где тоже прятались беглецы. Кроме торговых кораблей и сотни рыбацких лодок, у Эгины Тарас заметил небольшой флот, примерно в четыре десятка триер, оказавшихся посланцами далекой Акарнании, Элиды и Мегар. Эта группа боевых кораблей, как вскоре выяснилось, находилась под руководством самого Эвривиада. Но, не успев испугаться, что ему предстоит встреча со знатным спартанцем, Тарас уже узнал у одного из капитанов, что тот буквально сегодня утром отплыл куда-то на корабле и теперь эскадрой управляет один из офицеров Фемистокла.

— А куда он уплыл? — уточнил Тарас.

— Точно мне неизвестно, — ответил капитан, — корабль ушел в сторону Коринфа. Но поговаривают, что в Спарту, по приказу эфоров.

— Значит, разминувшись, — с плохо скрываемой радостью в голосе произнес Тарас, — я ведь как раз плыл ему навстречу. В какой стороне Саламин?

— Вон там, — указал на окутанную легкой дымкой на горизонте возвышенность капитан, — но будь осторожен. Нам приказано ждать персов в любой момент. Вчера мы уже видели их паруса. Их сотни. Они могут напасть отовсюду.

— Знаю, — ничуть не удивился Тарас, — мы ведь на войне.

За время плавания между островами Тарас не раз посматривал на юг и не раз замечал там перемещения группы парусов, среди которых ему привиделись египетские.

— Не обманул капитан, — подумал вслух Тарас, — враг у ворот. Только бы не перехватили нас до Саламина, а то не слишком хочется погибать в одиночку, да еще во славу Афин.

Но даже когда впереди показался огромный остров, загнутый подковой, который по описанию походил на искомый Саламин, паруса персидских кораблей все еще маячили на горизонте.

— Смотрите, господин Гисандр, — осмелился побеспокоить его стоявший рядом Бриант, — вон там, за холмами, какой-то пожар.

Караван спартанцев как раз приближался к цели. Тарас отвел взгляд от Саламина, все берега которого с этой стороны были просто усыпаны триерами, подогнанными друг к другу так близко, что напомнили ему тот самый мост через Геллеспонт, по которому Ксеркс переправил свою огромную армию на греческую землю из Азии, и посмотрел в указанном направлении.

Прямо по курсу, за узким проливом, разделявшим большой остров и материк, на некотором удалении от берега над вершинами холмов полыхало огромное зарево. В его отсветах были хорошо различимы две крепостные стены, что тянулись от побережья, скрытого сейчас от Гисандра скалистым островом, к далеким холмам, на которых раскинулся огромный по здешним меркам город. В языках пламени даже с такого расстояния можно было различить высокие колонны храмов, портики стены и крыши домов. Все это сейчас было затянуто черным дымом. Поднимаясь вверх сразу в нескольких местах, он собирался в злобное черное облако, зависшее прямо над городом.

— Похоже, мы опоздали, — догадался Тарас, — и персы уже взяли Афины. Я не вижу отступающей армии, а город как будто вымер.

— Зато посмотрите, сколько здесь солдат и кораблей, — указал на близкий уже остров Бриант.

— Да, не иначе все они здесь, — согласился Тарас, — а город оставили без боя.

Он отступил от борта к центру корабля и окликнул капитана:

— Илларий, приставай вон там, где больше всего палаток. Чует мое сердце, Фемистокл где-то там.

На подходе к острову им встретилось боевое охранение, пять триер, вынырнувшие словно из ниоткуда. Тарас так и не смог понять, как все они уместились за едва различимой скалой, отстоявшей от острова всего на пару стадий. Пока гении маскировки преграждали им путь и выясняли, кто они и с какой целью прибыли сюда, Тарас пристально осмотрел эту часть острова и убедился, что здесь собрались почти все афинские триеры.

— Где я могу видеть Фемистокла, — начальственным тоном, который должен был особенно раздражать афинских моряков, поинтересовался Тарас, — у меня к нему неотложное дело.

— Главнокомандующий сам решает, с кем ему встречаться, — заявил ему в ответ командир охранения, — но если он согласится принять вас, то его можно найти вон у тех палаток.

— Я не ошибся, Илларий, — повторил Тарас, после того как кордон был пройден, — правь к палаткам.

Когда корабли спартанцев приблизились к берегу, добраться до самой кромки смогли лишь три корабля, остальные были вынуждены болтаться на мелководье, став на якорь во втором ряду опоясавших берег триер.

— Ну и теснота, — ворчал себе под нос Тарас, спрыгивая на камни Саламина.

Афинские солдаты воззрились на красный плащ спартанца с явным неудовольствием. Многие буравили Гисандра тяжелыми взглядами, словно не понимая, как он осмелился здесь появиться. Тарас подозвал к себе своих «спецназовцев» и приказал держаться плотной группой позади себя. Но не прошел он и двадцати шагов по направлению к приметным палаткам на возвышении, как был остановлен патрулем.

— Кто ты и зачем прибыл сюда, спартанец? — поинтересовался гоPLIT в доспехах, украшенных изображением Афины, за спиной которого выстроились человек десять таких же бойцов.

— Я Гисандр, спартанский наварх, ищу встречи с Фемистоклом и главнокомандующим флотом Эвривиадом. Говорят, они где-то здесь.

— У спартанцев появились навархи? — нагло усмехнулся гоPLIT, и не думая двигаться с места.

— Я тороплюсь, — не стал втягиваться в ненужный спор Тарас, хотя подобное обращение и задело спартиата, — доложи немедленно своему командиру о том, что я

прибыл.

Теперь настала очередь афинского гоплита закипать от негодования, он даже сжал рукоять меча, но сдержался. Время было неподходящее для выяснения отношений.

— Они оба вон там, на вершине, — нехотя выдавил из себя гоплит, — наблюдают за... передвижением персидского флота.

«Знаю я, за чем они наблюдают», — подумал Тарас, но вслух произнес другое.

— Так проводи меня к ним, — заявил он тоном командира.

Гоплит опять схватился за меч, но вновь сдержался.

— Ты прав, спартанец, — медленно проговорил он, — я не могу отпустить тебя одного разгуливать по этому острову. Следуй за мной со своими людьми.

И первым зашагал вверх, сделав знак своим гоплитам, к которым прибавился еще отряд, встать с обеих сторон от спартанцев. «У меня будет даже почетный эскорт из афинян гоплитов, — усмехнулся Гисандр, направляясь следом, — забавно для спартанца».

Пройдя между палатками, которых здесь было сотни, вскоре они оказались на горной тропе, что вела наверх. Остров Саламин был достаточно обширным и протяженным, здесь имелось несколько вершин, соединенных перевалами. На отрогах скал и у их подножия, ближе к самой воде, Тарас рассмотрел рыбацкие деревушки, занятые сейчас солдатами и моряками с прибывшего сюда флота. Все склоны гор с этой стороны острова были просто усеяны солдатами. «Похоже, Афины действительно сданы, — размышлял, прыгая с камня на камень, Тарас, — а вся армия и флот разбросаны по близлежащим островам. Этот Саламин, наверное, главная военно-морская база сейчас».

Когда отряд приблизился к вершине холма, то Гисандр увидел там двух человек в богато отделанных доспехах, которых окружала охрана. Они смотрели куда-то вдаль, оживленно спорили друг с другом, и, похоже, оба не желали уступать. Эти люди были хорошо знакомы Тарасу: невысокий широкоплечий бородач с хитрецей во взгляде — афинянин Фемистокл, а рослый самодовольный боец с громоподобным голосом — главнокомандующий флотом спартанец Эвривиад.

— Я говорю тебе, что ты зря оставил город, Акрополь и его святыни на попечение жрецов и стариков, — грохотал спартанец, не стесняясь присутствием солдат, — ты думаешь, Ксеркс пощадит их? Я уверен, что все они теперь уже мертвы. Я предлагал тебе разделить войска и встретить персов на суше у стен города, но ты отказался. Ты надеешься только на свои корабли, но у тебя их всего-то чуть больше трех сотен, а у варваров их тысяча.

— Нельзя разделять войска греков ни на суше, ни на море, — протестовал Фемистокл, — разделившись, мы все погибнем. Греки разбредутся по домам, и тогда персы уничтожат их каждого по отдельности.

— Каждый грек сам должен решать судьбу своего народа, — гордо заявил Эвривиад, — теперь я не вижу смысла сражаться с персами на этой земле. Время упущено. И все капитаны кораблей союзников, которые находятся под моей командой, сами решат, что им делать. Я же отправляюсь прямо сейчас в Спарту, эфоры требуют, чтобы я немедленно явился к ним.

— Ну что же, — пораженный сначала этим известием, неожиданно быстро успокоился Фемистокл, — главнокомандующий, избранный всеми греками, волен делать все, что пожелает, как и те, кто его выбирал.

«Ну да, — подумал Тарас, останавливаясь в десяти шагах от споривших военачальников, — теперь тебе никто не мешает управлять флотом. Может, чего и навоюешь. А в случае поражения можно обвинить спартанцев в измене. Ну и глупость же сотворили наши эфоры из-за ненависти к Леониду».

— А ты откуда здесь? — воскликнул Эвривиад, считавший разговор оконченным и уже сделавший несколько шагов вниз по склону, где столкнулся с Гисандром. — Разве ты не должен был воевать в Дельфах с Леонидом?

— Царь прислал меня сюда с отрядом кораблей, — отрапортовал Тарас, в ужасе

ожидавший, что главнокомандующий прикажет ему следовать вместе с ним в Спарту, — помочь в предстоящем сражении афинянам.

— Помочь афинянам? — переспросил рослый военачальник, посмотрев на Гисандра как на умалишенного, словно сам здесь находился совершенно по другому делу. — Впрочем, можешь делать что хочешь. Если царь прислал тебя сюда, оставайся с Фемистоклом и его флотом, а я должен выполнить указания эфоров. Прощай.

И зашагал вниз по склону в сопровождении нескольких спартиатов из охраны. «Ну вот и засветился „без вести пропавший“, — подумал про себя Тарас, провожая взглядом высокую фигуру главнокомандующего, — через пару дней эфоры будут знать, что утопленник всплыл и прекрасно себя чувствует. Хотя кто знает, что со мной будет через пару дней».

— Кажется, тебя зовут Гисандр? — раздался голос с вершины холма.

— У командующего флотом отличная память, — похвалил его Тарас, — меня зовут именно так.

— Командующий флотом только что отправился в Спарту, — не удержался от язвительного замечания Фемистокл, — а я, как тебе известно, командую лишь афинскими кораблями.

— Но ведь это и есть весь боеспособный флот, — отпарировал Тарас, — получается, я не слишком ошибся.

Фемистокл смерил его удивленным взглядом.

— Для спартамца ты выражаешься слишком высокопарно, — проговорил он наконец, — с чем ты прибыл ко мне?

— Мой царь Леонид, что сдерживает сейчас персов у дельфийских проходов, прислал к вам меня с отрядом из двенадцати триер, — отпарировал Тарас, — он желает афинам победы над персами в грядущей битве.

— Леонид прислал мне двенадцать кораблей? — еще больше удивился Фемистокл, похоже, даже в самых радужных мечтах не допускавший, что спартамцы пойдут на такое. — Разве Спарта начала строить собственный флот?

— На кораблях наемные солдаты, — ушел от прямого ответа Тарас, поправляя шлем, — у них нет такого опыта и выучки, как у афинских моряков, но все-таки это сила. И ее можно использовать в предстоящей битве.

— О, дева Афина, — воздел руки вверх Фемистокл, невольно посмотрев в сторону пылающего за проливом города, — спартамцы прислали нам корабли. Воистину бывают чудеса на свете.

А обернувшись к Гисандру, проговорил уже приказным тоном.

— Где твои корабли, Гисандр?

— Стоят почти у самого берега, — указал рукой Тарас, — так близко, как смогли подойти.

— Оставайся на Саламине до утра, — приказал Фемистокл, — на рассвете я скажу, что тебе делать.

«Отлично, — подумал Тарас, даже слегка наклонив голову в знак повиновения, — до утра мы останемся здесь. Размолвка с Эвривиадом развязала ему руки. Уверен, он что-то предпримет еще до наступления ночи. Надо постараться за ним проследить, пока он не ускакал нас на какой-нибудь отдаленный рубеж или не пустил впереди всех на растерзание. А битва, чует мое сердце, будет жаркой. Что там говорил Эвривиад по тысячу персидских кораблей?»

Глава двадцать вторая

План Фемистокла

После отбытия спартамского главнокомандующего Фемистокл заметно преобразился и даже повеселел, хотя было видно, что отдать Афины на растерзание персам ему было нелегко. И все же Тарасу казалось, что Леонид не зря послал его сюда. Фемистокл явно что-

то затевал. Всю суету, царившую в тот вечер возле палатки афинского стратега, можно, конечно, было списать на подготовку предстоящего сражения. Повод был более чем значительный. Но Тараса не покидало ощущение, что происходит еще что-то, скрытое от глаз окружающих.

К большому удивлению Тараса, великий афинянин разрешил спартанцам стать до рассвета лагерем совсем недалеко от своего шатра, буквально в паре сотен метров. Вероятно, он намеревался с рассветом отправить их в другое место, поэтому не стал ломать себе голову, где разместить прибывший контингент спартанцев. Небольшой спартанский бивуак располагался на склоне холма, откуда Тарас мог спокойно видеть все, что происходит вокруг шатра Фемистокла, кто входит и выходит туда, минуя два кольца охранников.

Отдав приказание большинству своих людей оставаться на кораблях, сам он решил провести эту ночь на берегу, среди афинян, бросавших на нежданных гостей совсем не дружелюбные взгляды. Обосновавшись вместе с командой «Тайгета» и своими «спецназовцами» на склоне каменистого холма, испещренного тропами, что вели к двум ближайшим перевалам, Тарас весь ушел в наблюдение. Чутье подсказывало ему, что в этот вечер он увидит нечто важное. И он увидел.

Ближе к закату, когда солнце уже готово было опуститься в теплые воды Саронического залива, в шатер Фемистокла, беспрепятственно миновав охранников, вошел неприметный человек, одетый в какие-то лохмотья. Видом своим он напоминал скорее рыбака, чем бравых триерархов, которые до этого весь вечер сновали между кораблями и шатром главного стратега Афин. Именно это и заинтересовало Гисандра, который ужинал у костра вместе со своими людьми, вынужденный на флоте немного отойти от традиционных сесситий.

— Посмотрим, что это за рыбак, — проговорил Тарас, доедая свою похлебку, — чует мое сердце, что он хочет поймать очень важную рыбку для Фемистокла.

А когда этот «рыбак» вышел из шатра и, напряженно оглянувшись по сторонам, зашагал не к морю, а по извилистой тропе к ближайшему перевалу, Тарас так и подскочил на месте. Шагая от шатра, этот неизвестный невольно провел рукой по своему истлевшему гиматию в районе груди, словно прощупывая что-то. И Тарас был готов голову отдать на отсечение, что этот «рыбак» несет там какое-то послание.

— Много бы я дал, чтобы его прочесть, — пробормотал он, лихорадочно соображая, что предпринять.

Но решение пришло само собой. Человек в лохмотьях без всякой охраны быстро удалялся от берега и скоро должен был вовсе исчезнуть в ночной мгле. Тарас не мог этого допустить.

— Бриант, возьми с собой Этокла и еще двоих. Следуй за мной. Пришла пора поохотиться, — приказал спартанский наварх и добавил, видя, как бойцы схватились за оружие: — Копья оставить здесь. Щиты тоже. Взять только один гастрафет и мечи. Так управимся, если что. И главное, шума не поднимать.

Под покровом темноты спартанцы медленно и незаметно добрались до ближайшей скалы, которая вовсе скрыла их от глаз расположившегося на берегу воинства. К счастью, афиняне пока еще делали вид, что являются союзниками спартанцев. За ними, конечно, приглядывали, но свободно перемещаться по острову все же никто не запрещал. Поэтому никто не преградил им дорогу. Видимо, Фемистоклу и в голову не пришло, что спартанцы вздумают ночью прогуляться по его острову, где за каждым кустом находилось не меньше дюжины афинских гоплитов. Впрочем, вся команда оставалась на месте, а на случай, если его вдруг хватятся, Тарас отдал приказ сообщить, что уплыл на один из своих кораблей и скоро вернется.

— Вон он, — указал Тарас своим спутникам на фигуру, уверенно шагающую по тропе в полумраке, — знает местные дороги, это ясно. А нам придется перемахнуть через этот холм. Сейчас на тропу соваться нельзя, заметит.

Он посмотрел вверх и первым полез по небольшой расселине, что шла под углом

вверх вдоль тропы. Ее глубины хватало на то, чтобы скрыть человека целиком. И хотя Тарасу пришлось прыгать по скалам довольно быстро, вспомнив альпинистские навыки, ни один камень не сорвался из-под его сандалий. Остальные спецназовцы последовали за ним также бесшумно. Сказывалось обучение. За что Тарас успел мысленно похвалить себя. Вскоре они достигли вершины первого холма, и шумные голоса остались далеко позади.

Выбравшись на поверхность, Гисандр первым приблизился к тропе и осмотрелся. Шанс встретить здесь патрули афинян был велик, но пока вокруг было тихо, если не считать гомонивших внизу моряков.

— Вон он, — шепнул Тарас Брианту и махнул рукой, — идем за ним. Очень тихо.

— Надо его захватить? — также шепотом уточнил Бриант, прильнув к камню.

— Не сейчас, — отмахнулся Тарас, — сначала посмотрим, куда идет.

В этот момент сверху послышался негромкий шум и вскоре показался патруль афинских гоплитов. Восемь человек в полном вооружении прошли сверху вниз, не заметив сросшихся со скалами спартанцев. Когда они удалились, Тарас сделал знак, и все устремились за ним вдоль тропы, прячась за встречными валунами. Через некоторое время они вновь догнали объект, пропавший ненадолго из вида. К счастью, «рыбак» шел не таясь. Он явно ощущал себя здесь в полной безопасности.

«А вот это зря, — подумал Тарас, глядя ему вслед, — осторожность никогда не помешает. Даже рыбаку».

Словно в ответ на его мысли, человек в лохмотьях остановился и посмотрел назад. Но никого не увидел и зашагал дальше. У следующей развилки он свернул налево и направился к недалекому уже перевалу. Двигаясь за ним на расстоянии метров пятидесяти, Тарас разглядел своим кошачьим зрением, что на перевале стоит еще один отряд гоплитов.

— Придется опять по скалам, — приказал он своим людям, — к счастью, они здесь не крутые. А с афинскими гоплитами нам еще рано скандалить.

Все «спецназовцы» перебежали тропу и, быстро вскарабкавшись на вершину горы, также быстро спустились по ней на другую сторону перевала без особых помех. Горы здесь действительно были старые, выщербленные и довольно плоские, для людей с хорошей подготовкой особых проблем не представляли. А Тарас взял с собой только таких. Сползая по камням вниз, меч Тараса попал в трещину и на несколько секунд задержал его. Легко вынув глухо звякнувший клинок, он снова похвалил себя за то, что оставил все тяжелое вооружение в лагере. Сейчас бы оно только мешало.

Перебираясь через гребень покатої скалы, Тарас не мог не заметить полыхавшего вдали зарева. Он даже задержался на мгновение, уцепившись руками за выступ, чтобы еще раз рассмотреть его. Это горели Афины, уже доставшиеся персам. «Трудновато будет Фемистоклу объясняться со своим народом, — подумал Тарас, прыгивая на плоский камень, — теперь оправдать его может только полная победа над врагами и возврат города. Но этого быстро не случится. Ксеркс, говорят, очень зол на афинян».

Подобравшись к перевалу с другой стороны, Тарас невольно осмотрел близкое уже побережье острова и с удивлением отметил, что здесь нет ни одной триеры. Берег вообще казался безлюдным. «Видно, наш друг Фемистокл задумал какую-то каверзу, — размышлял над этим контрастом Тарас, перебираясь с камня на камень, — раз решил спрятать все свои корабли из вида. Я его понимаю. Пролив-то узковат. На том берегу Пирей. Как я слышал, главная гавань города, защищенная крепостными стенами, еще в руках Фемистокла. А между Саламином и материком масса мелких островков. Отличное место для засады. Можно ударить с двух сторон, а широким фронтом не развернешься. Ксеркс ведь наверняка решит захватить Пирей, чтобы дополнить картину победы».

Однако Тарас тут же вспомнил о словах Эвривиада. Если у персов и в самом деле была почти тысяча кораблей, то они вполне могли обойти Саламин с другой стороны. Но и там имелись мелкие острова и «засадные» полки. «В любом случае, сунься персидские моряки сюда, они получат мощный отпор», — прикинул Тарас, разглядывая берег, насколько позволяла темнота, разгоняемая мелькавшей меж облаков луной. Так что эта позиция для

морской битвы у афинян была выигрышной. Почти как у спартанцев при Фермопилах.

Осторожно приближаясь со своими людьми к пустынной тропе, Тарас немного разволновался, — как ни спешили они, «рыбак» все же передвигался быстрее. И на тропе, подходившей почти к самой воде, его уже не оказалось. Но, бросив взгляд в сторону близкого берега, Тарас вновь заметил невысокую фигуру. Человек был уже у самой кромки воды и, судя по его странным движениям, выталкивал с песка спрятанную меж камней лодку. При этом он очень хотел остаться незамеченным.

— Быстрее! — зашипел Тарас. — А то уйдет.

Но они не успели. Приблизившись к тому месту, где они увидели «рыбака», Тарас лишь смог разглядеть, как его лодка уже уплывает по лунной дорожке в сторону афинского берега.

— Черт побери, — выругался он, — не вплавь же его догонять.

— Вон еще одна лодка! — звонким шепотом проговорил Этокл, указав куда-то вдоль берега.

— Удача! — едва ли не во весь голос воскликнул Тарас, когда они оказались рядом и обнаружили, что весла на месте. Лодка была вытащена на песок недалеко от растянутых для просушки сетей.

— Это же рыбацкая деревушка, — добавил Этокл, — вон там виднеются какие-то хибары.

— Ничего, рыбаки нас простят, — усмехнулся Тарас и подналег на лодку, пытаясь столкнуть ее в воду, — а вот царь вряд ли, если упустим его. Быстрее, этот несчастный «рыбак» не должен от нас уйти.

Оказавшись в лодке, непривычные к такому делу «спецназовцы» тем не менее неплохо справились. Они навалились на весла, и вскоре лодка устремилась в погоню за беглецом, похоже, так ничего и не заподозрившим.

— Возьмите в сторону и держитесь в тени островков, — приказал Тарас, когда они оказались на открытой воде, то и дело освещаемой луной, — а не то он может нас заметить. Вряд ли сегодня ночью найдется много желающих половить здесь рыбку. А этот отважный рыбак не иначе как собрался в гости к персам.

— У них рыба вкуснее, — хохотнул Бриант.

— Тише там, — невольно усмехнулся и сам Тарас, с тревогой посматривая на проплывавшие мимо островки, за которыми могли скрываться афинские корабли. — А ну пошевеливайтесь, а то он от нас ускользнет.

Залив был не слишком широк, и «объект» вскоре преодолел его, причалив меж камней. Тарас успел заметить, как он выскочил из лодки и направился вверх по склону, исчезнув между валунами. Отчаянно подгоняя своих гребцов, Тарас вскоре тоже пристал к берегу и, первым прыгнув на камни, устремился в погоню.

— Здесь уже наверняка нет греков, — отдавал он на ходу приказания, вынимая меч, — а очень скоро появятся персы, если уже не появились. Так что в случае чего — кладем всех, кто будет мешать. Но прежде всего мы должны поймать этого «рыбака». Быстрее!

Они перешли на бег и, почти не скрываясь, направились вверх. Поднявшись на гребень прибрежного холма, поросший редкими деревьями, «спецназовцы» вновь заметили его. «Рыбак» шагал впереди на расстоянии чуть меньше стадии, озираясь по сторонам, но, похоже, твердо зная дорогу, которая петляла уже по небольшой пустоши. Еще немного и он должен был скрыться в оливковой роще, где его можно было совсем упустить. В довершение всего, Тарас бросил взгляд вперед и в отсветах далекого пламени заметил многочисленный отряд персидской конницы, спешившей к берегу с высокого холма.

— Этого нам еще не хватало, — проговорил вслух Тарас и, больше не таясь, приказал: — Бриант, догнать его, быстро.

Трое «спецназовцев» устремились вперед и, выскочив из редколесья, побежали по полю за «рыбаком». А тот, обернувшись, наконец заметил погоню и сам бросился бежать. До спасительной рощи, темневшей впереди, оставалось уже немного.

— Догнать! — завопил Тарас. — Уйдет, всем глотки перережу!

Вдруг «рыбак» остановился и, неожиданно развернувшись, сделал быстрое движение рукой, которое Тарас разгадал, лишь когда увидел, что один из его людей, ближе всего подбежавший к беглецу, схватился за горло и упал в траву как подкошенный.

— Неплохо здесь готовят рыбаков, — оценил точность броска Тарас, — просто ниндзя.

К счастью, второго ножа у него не оказалось, и «рыбак» вновь бросился бежать к роще. Но тут у Тараса сдали нервы. Поняв, что может не успеть, он выдернул из рук Этокла заряженный гастралет и выпустил стрелу наудачу, с опережением. В такой темноте прицеливаться было бесполезно. Но боги были на его стороне. Он услышал сдавленный крик и заметил, как тень метнулась к земле.

— Жив? — спросил он, подбегая к Брианту, который остановился в овраге, склонившись над поверженным телом.

— Пока жив, — подтвердил он, ощутив рану, — но скоро умрет. Стрела попала в спину и, похоже, прошла в живот.

В подтверждение снизу раздались стоны умирающего.

— Говори, падаль, — склонился над ним Тарас, быстрыми движениями ощупывая гиматий, — кто ты и куда шел? Куда тебя послал Фемистокл?

— Я его верный раб и умру, не предав хозяина, — преодолевая боль, бросил раненый в лицо Гисандру. Пытаясь сопротивляться из последних сил, он прижал руку к груди, но Гисандр разжал пальцы и выковырял из них дощечку.

— Похоже, твое признание мне больше ни к чему, — ответил Тарас, вставая, — а твой хозяин получит по заслугам, если задумал недоброе против Греции.

Раб застонал от отчаяния, а Тарас, не желая слушать больше его стенания, всадил ему свой меч прямо в грудь, избавив от страданий.

— Уходим, — приказал он, еще раз ощупав тело и не найдя больше ничего ценного, — но сначала спрячьте его. Засыпьте чем-нибудь, чтобы не сразу нашли.

Пока бойцы забрасывали лежащее в небольшом овраге у рощи тело мертвого раба ветками, Тарас засунул табличку за нагрудник, с тем чтобы прочитать ее позже, когда развиднеется или разбудит огонь. В этот момент на дороге, что вела вдоль рощи к берегу, послышался конский топот сотен лошадей.

— Персы! — воскликнул Тарас. — Кончайте с ним и бегом к морю. Уходим.

«Спецназовцы», пригибаясь, чтобы их не заметили с дороги, что проходила совсем близко, устремились обратно к берегу. К счастью, боги хранили их. Персы промчались мимо и свернули в другую сторону. Добежав до прибрежных холмов, бойцы беспрепятственно спустились в лодку, столкнули ее на воду и отчалили. Лишь когда они отгребли на середину залива, персидские всадники, блестя под луной своими богатыми панцирями, рискнули появиться на берегу.

— Ну вот и все, — подытожил Тарас, разглядывая персов, гарцевавших на расстоянии полета стрелы, — теперь вся надежда на морской флот.

Но персы, помаячив недолгое время на берегу, ускакали вдоль берега в сторону Пирея. А «спецназовцы», преодолев неширокий залив, бросили лодку и тем же путем вернулись в лагерь, благополучно миновав патрули.

Это произошло уже почти на рассвете. Не успел немного уставший от погони Тарас расположиться у тлеющего костра прямо на земле и сомкнуть глаза, чтобы набраться сил перед решающим сражением, как в лагере поднялся шум. Он проснулся, встал и, сделав несколько упражнений, привел мышцы в порядок. Хотя спал Гисандр недолго, ощущал себя вполне сносно. Спартанцу много времени на отдых не требуется.

Когда он заканчивал свои упражнения, к лагерю приблизился афинский триерарх в сопровождении какого-то бойца и передал приказ командующего флотом.

— Фемистокл приказывает тебе со своими кораблями отплыть вон к тем островам, между Саламином и Мегаридой, и, спрятавшись за ними, ожидать появления неприятеля вместе с другими кораблями, — сообщил бородатый афинянин в шлеме и медном

нагруднике с изображением своей богини. — Ты будешь находиться в резерве. Вряд ли это случится, но если оттуда появятся персы, ты должен не пропустить их к Пирею даже ценой своей жизни.

Гисандр кивнул.

— Передай Фемистоклу, что я выполняю приказ.

А про себя подумал: «Ставят в резерв. И на том спасибо. Не ожидал от Фемистокла такой милости».

— И еще, — добавил греческий капитан, — Фемистокл приказывает тебе взять на корабль вот этого гоплита. Он будет наблюдателем на твоём корабле и отвечает за то, чтобы во время битвы ты получил все приказы вовремя.

«Не доверяет мне Фемистокл, — слегка усмехнулся Тарас, — и правильно. Хотя стукачей мне только не хватало».

— Ну что же, раз командующий хочет, я его возьму, — проговорил Тарас, рассматривая стоявшего перед ним рослого бойца со щитом и мечом на боку. — Пусть наблюдает, но не вмешивается.

— За исход сражения персов с твоими кораблями ты отвечаешь сам, — подтвердил триерарх.

— И то ладно. Как тебя зовут? — обратился он уже к гоплиту, когда триерарх, передав все, что было нужно, направился к своему кораблю.

— Эсхил, — был ответ.

— Вот что, Эсхил, — любезно приказал Тарас, — поднимайся на мою триеру, она называется «Тайгет», и постарайся найти себе такое место, чтобы я не замечал тебя до конца сражения.

— Но я должен находиться возле командующего кораблями, — попробовал возразить он, — так приказал Фемистокл.

— Я знаю свои приказы, — успокоил его Тарас, в голосе которого звякнул металл, — а ты вмешиваешься в них только в самом крайнем случае. Тебе все ясно?

Эсхил, внимательно оглядел стоявшего перед ним спартанского наварха, молча развернулся и направился к кораблю.

— Эй, Бриант, поднимай людей, — приказал Тарас, оглядывая бурливший, словно улей, лагерь афинского флота, — немедленно грузимся на корабль и выступаем. Пришла пора показать этим афинянам, чему мы научились на море.

За то время, пока они грузились на корабль, от берега уже успели отойти не меньше пяти десятков триер, и он казался теперь почти пустынным по сравнению с тем, что было еще совсем недавно. Тарас лишний раз убедился в том, как слаженно действуют афинские моряки. А действия гребцов вообще вызвали у него восторг.

— Ты посмотри, — толкнул он в плечо Илларию, поднявшись на борт и ничуть не стесняясь Эсхила, бродившего с крайне удивленным видом вокруг баллисты, — как они опускают весла в воду, будто у них у всех руки одинаковой длины. Гребут ровно, все как один. Вот и нам надо к этому стремиться. Бери курс вон на те острова, там наше место для битвы. И позовите ко мне Темпея.

Пока корабли спартанской эскадры, покинув Саламин, удалялись от него в сторону Мегариды, Тарас был занят осмотром акватории, совершенно позабыв про ночной трофей. Он с интересом наблюдал, как основная часть афинского флота концентрируется за северной оконечностью Саламина, прикрывшись им и теми самыми островками, которые он вчера миновал в ночи.

— Значит, все-таки будет ждать главный удар персов здесь, в самом узком месте, — пришел к заключению Тарас, пытаясь понять замысел афинского флотоводца, — в открытое море не пойдут. И то ладно. Здесь численный перевес роли не играет, пусть их хоть вся тысяча явится, а мы, в случае чего, сможем пристреляться поточнее.

Поначалу Тарас хотел сохранить свои чудо-орудия в тайне, но, узнав о примерной численности персидской армады, что пришла сюда, решил, что если сложится тяжелая

обстановка, он все же применит их. Особенно если представится случай обстрелять сгруппированные близко друг к другу корабли. А присутствие соглядата вообще не оставляло ему шансов сохранить в этом случае существование орудий в тайне.

«Да и ладно, — подумал он, поглядывая на Эсхила, который сейчас стоял на самом носу корабля и наблюдал за морем, — шила в мешке не утаишь. Эвривиад меня видел, значит, скоро в Спарте все будут знать о моем чудесном исцелении. Чего еще бояться. Леонид обещал меня прикрыть, значит, и на этот раз что-нибудь придумает».

Корабль уже подходил к группе островов, поднимавшихся из воды между побережьем Мегариды и Саламином, где им предстояло дожидаться неприятеля, когда Тарас вдруг вспомнил о перехваченной ночью табличке. Он прикрылся от посторонних взглядов телами Брианта и Этока, осторожно просунул руку под нагрудник и, вытащив ее, прочел текст, написанный по-гречески.

Великий царь, я убедил сограждан отдать тебе без боя Афины. Теперь я готов сдаться на милость победителя и удержать свой флот от решающего сражения, если ты пообещаешь Афинам особое положение в греческом мире после установления твоего владычества. Афины должны править всеми прочими греками. Твой советник Демарат, подтвердит тебе, что я держу свое слово. Буду ждать ответа до утра.

Фемистокл.

Тарас посмотрел на солнце, уже стремившееся к зениту, на сотни афинских кораблей, что выстраивались в линию за скалами Саламина, и с удивлением проговорил, спрятав табличку обратно:

— Уже утро. Кажется, сегодня ночью я спас афинян от предательства, и теперь им придется сражаться.

Глава двадцать третья Остров Саламин

Обогнув самый большой из группы островов, Тарас с удивлением обнаружил, что за ним уже прятались пять триер. Еще штук шесть он разглядел за островками поменьше. Гисандр подозвал к себе Эсхила и спросил:

— Чьи это корабли?

— Это еще одна эскадра из Мегариды, — ответил Эсхил, — прибыла сюда вчера с таким же приказом от Фемистокла. Первая подчинялась Эвривиаду и по-прежнему стоит у Эгины.

— Это я знаю, — кивнул Тарас, отпуская афинского наблюдателя, — значит, мы здесь будем коротать время не в одиночестве. И то ладно.

Вместе с триерами из Мегары, капитаны которых с удивлением встретили появление спартанцев на кораблях, в «засадном» полку получалось около двадцати судов. «Не слишком много, — решил Тарас, рассматривая тонувшие в дымке берега близкого материка, — но и не в полном одиночестве. Теперь ведь неизвестно, чего ожидать от этого предателя. В крайнем случае, до берегов Мегары не так далеко. Главное, чтобы персы нас от них не отрезали».

И все же он решил дождаться сражения, чтобы убедиться в том, что Фемистоклу не осталось иного выхода, как воевать с персами. Тарас распределил свои корабли поровну. Шесть триер вместе с эскадрой из Мегариды спрятались за большим островом, в том числе и «Тайгет», к которому уже как-то прижилось его имя. Остальные за ближним островом, чуть меньшего размера. Пообщавшись еще раз с Эсхилом, который оказался достаточно разговорчивым, Тарас еще раз уяснил для себя, что по замыслу Фемистокла мог командовать только своими кораблями. А наварх из Мегариды отвечал за свои.

— Кто во что горазд, — подытожил Тарас, который невольно, после отбытия

Эвривиада, с некоторой неприязнью разглядывая корабли союзников, не подчинявшихся теперь единому спартанскому командованию, — ладно хоть у них приказ тоже воевать против персов, а не против нас. А вообще-то, в крайнем случае, я вспомню, что у меня есть свой царь.

С этой точки, наиболее удаленной от Афин и Пирея, закрытого хребтом острова Саламин, Тарас мог все же наблюдать за действиями флота союзников, оставаясь в резерве. В то же время обходной маневр персов вокруг большого острова с целью зайти в тыл Фемистоклу тоже был вполне возможен, особенно если вспомнить о количестве кораблей, приведенных сюда разъяренным Ксерксом. И все же, кроме флота у Саламина, была еще эскадра у Эгины, маячившей на горизонте, поэтому Тарас, находившийся в последнем эшелоне, настроился скучать до самого вечера.

Он, конечно, провел смотр своим кораблям, объехав их все на шлюпке. Произнес напутственную речь, призывая вчерашних пиратов драться как львы на благо своей новой родины. Пообещал им большую пожизну, посулив все, что находится на захваченных в бою персидских кораблях, отдать им. Хорошенько взгрел артиллеристов, чтобы стреляли как можно точнее. Но, исчерпав свое красноречие, направился обратно на «Тайгет», где собирался пообщаться с Темпеем, поскольку еще так и не успел этого сделать.

Когда же лодка наварха пересекала открытое пространство между островами, его окликнул сидевший рядом Бриант и, указав вдаль, воскликнул:

— Смотрите, господин Гисандр!

Тарас повернул голову в указанном направлении, и каково же было его изумление, когда он заметил там десятки, если не сотни парусов, раздуваемых ветром. Среди них были прямоугольные египетские и другие, что он видел на финикийских триерах, оказавшись у Геллеспонта. Корабли персов плыли друг за другом, так что общее количество нельзя было охватить одним взглядом. И сейчас вся эта армада направлялась именно сюда. В обход Саламина, чтобы зайти афинскому флоту в тыл.

— Этот знаменитый стратег случайно не ошибся с направлением главного удара, — выдохнул Тарас, ошеломленный количеством персидских кораблей, плывших ему навстречу, и рывкнул на гребцов: — А ну, гребите быстрее, лентяи! Нам предстоит жаркий денек.

Прошло совсем немного времени, как персидская армада подошла к задней оконечности Саламина. Подошла так беспрепятственно, что Тарас даже усомнился в том, что Фемистокл решил драться, а не отдать свой флот на растерзание. Но когда вся армада вытянулась вдоль Саламина и стал виден ее хвост, со стороны Эгины показались греческие триеры, заходившие в тыл уже ей.

— Ну вот, — выдохнул Тарас, — это уже похоже на какой-то замысел. Однако, пока они подойдут сюда, от нас мокрого места не останется. Да и вряд ли эгинцы сюда прорвутся, маловато их там было. Значит, нам придется держать первый удар. Никогда еще не чувствовал себя наживкой.

Он схватил за тунику стоявшего в двух шагах Темпея и, дыхнув ему в лицо, уточнил:

— Сколько у тебя горшков на баллисту?

— У нас по десять, у всех остальных по шесть, — пробормотал алхимик, пытаясь провалиться сквозь тунику, больно уж грозным казался сейчас его хозяин, которого он боялся больше персов.

— А с запасом? Ну давай, выкладывай. Я же знаю, что ты припрятываешь несколько горшков на черный день. Говори!

— Ну... — замялся Темпей, — с запасом у нас по двенадцать будет. А у других нет запаса. Все на Итаке сгорело.

— Ладно, — отпустил его Тарас, — и так неплохо, но боюсь, не хватит. Слишком уж персов много прет.

Стоявший неподалеку Эсхил¹⁶ смотрел на них во все глаза, а уши его, казалось,

¹⁶ Эсхил (525–456 до н. э.), греческий драматург, первый из трех великих афинских трагиков V в. до н. э.

расширились до невероятных размеров, но он, похоже, так ничего и не понял. Тараса только позабавил вид афинского наблюдателя. «Он, наверное, не бывал у Фермопил или Дельфийских проходов и еще незнаком с нашим „Гневом богов“. Ничего, — усмехнулся он, — сейчас начнем стрелять, сразу все поймет. Если от страха за борт не сиганет».

— Зарядить баллисты, — приказал он Брианту, — зажигательными горшками. Но стрелять только по моей команде. — А обернувшись в сторону надвигавшейся армады, добавил: — Пусть поближе подойдут.

Тем временем эскадра с Эгины атаковала арьергард персидского флота. Насколько мог видеть со своего наблюдательного пункта Тарас, триеры афинян протаранили сразу несколько кораблей Ксеркса, отсекали большую группу финикийцев, с которыми у них уже завязалось жестокое сражение.

Но основная часть армады продолжала неумолимо продвигаться вдоль Саламина с целью обогнуть его. Здесь им никто не препятствовал. Однако, взглянув в другую сторону, Гисандр заметил, что часть кораблей Фемистокла уже выдвинулись в узкий пролив. И, судя по всему, там тоже назревало сражение.

— Значит, идут двумя потоками, — догадался спартанский наварх, которому вскоре предстояло принять боевое крещение в настоящей морской битве, — и эти прут прямо на нас. Как ни предупреждал меня царь Леонид, а придется поучаствовать. Негоже спартанцам отступать ни на суше, ни на море.

Незадолго до того, как первые корабли персов, оказавшиеся египетскими, достигли дальней оконечности острова и вознамерились обогнуть ее, к «Тайгету» добралась лодка с посланцами от Фемистокла.

— Персы атаковали сразу по двум направлениям, — сообщил гоплит, поднявшись на борт триеры спартанцев. — Фемистокл приказал вам задержать их во что бы то ни стало, до тех пор пока сможет прислать вам подкрепление.

— Сам вижу, — отмахнулся Тарас, переводя взгляд с посланца на Эсхила, — вон он, второй поток персов. Уже рядом. Зря только сюда плыли. А насчет подкрепления это, конечно, хорошо, только его еще дождаться нужно.

Посланец Фемистокла пожал плечами, мол, мое дело маленькое, только приказ передать, и направился обратно к лодке. Однако Тарас остановил его окриком.

— Куда собрался? Не видишь, персы уже близко. Раздавят твою лодчонку как щепку. Здесь останешься до конца боя.

Афинянин хотел было возразить, даже бросил взгляд на Эсхила, но оба они заметили, как «спецназовцы» перекрыли им доступ к лодке.

— Здесь я хозяин, — спокойно пояснил Тарас, — вас наблюдать прислали, вот и наблюдайте. Уйдите, когда отпущу.

Тем временем египетские корабли были уже совсем близко. Тарас мог спокойно разглядеть тонкие льняные панцири моряков, лучников и пехотинцев на палубах кораблей с изящно загнутыми хвостами. В душе он порадовался, что на первый раз ему не достались финикийцы, коих он почитал за лучших моряков. Впрочем, и египтяне кое-что умели.

Однако, пока Тарас выжидал, подпуская врага на убойную позицию для стрельбы, сражение уже начали корабли из Мегариды. Все пять триер выскочили из-за острова и, разогнавшись на коротком участке пролива, атаковали египтян. Удар оказался не слишком точным, египтяне ждали чего-то подобного, и два корабля смогли уклониться от таранных ударов. Но остальные достигли цели, ведь их на этот раз было слишком много. А по такому количеству целей греческие моряки просто не могли промахнуться. Три корабля египетского авангарда были «торпедированы» и устроили небольшой затор в проливе. Остальные были вынуждены обходить перевернувшиеся набок суда, команды которых уже барахтались в воде, и попадали под новые удары греков. Но вскоре и те понесли первые потери. Две триеры были зажаты в узком пространстве, обстреляны лучниками и взяты на абордаж,

после чего бой перекинулся на палубы.

— Храбро, конечно, — прокомментировал первую атаку наварх Темпею, — только мы уже раскрыты. Впрочем, у них же нет баллист, и это нам только на руку.

— Вы разве не будете атаковать? — изумился Эсхил. — Они же сейчас все погибнут!

— Мы все когда-нибудь погибнем, — едва сдержавшись, чтобы не убить его за дерзость, ответил наварх, сверкнув глазами, — а кроме того, ты забыл, что я им не командир. У Мегариды есть свой наварх, вот он и отвечает за эту атаку.

Сказав это, Тарас отвернулся от возмущенных, но вынужденных замолчать афинян и вновь посмотрел на разыгравшееся сражение. Оставшиеся триеры из Мегары тоже ринулись в бой, с ходу уничтожив еще три корабля и окончательно запрудив пространство между Саламином и «засадными» островами. Греки дрались ожесточенно. Корабли персов меж тем все прибывали, а места для маневра было уже мало. Тарас посмотрел на затор, образовавшийся в проливе, и махнул рукой.

— Пора, — крикнул он артиллеристам, — самое время.

Баллисты «Тайгета» и остальных спартанских кораблей, так и не тронувшихся с места, отработали первый залп в сторону персидской эскадры. Артиллеристам даже не было особой необходимости прицеливаться, такое количество кораблей находилось сейчас у Саламина. Горшки, изрядно напугав афинян, стоявших рядом, пролетели положенное расстояние и обрушились огненным дождем на египетские корабли. Большинство угодили в цель.

— Смотри, как ловко, — порадовался за артиллеристов Тарас, — не зря я вас учил. Молодцы.

Его восхищение особенно вызвал один горшок, не пробивший прямоугольный египетский парус, а расколовшийся о мачту и разливший свое содержимое по нему. Парус вспыхнул, как просмоленный факел, а моряки, включая рулевого, в ужасе попрыгали за борт. Корабль, лишенный управления, заложил вираж и тут же столкнулся с другим. От столкновения мачта переломилась, и она, вместе с полыхавшим парусом, рухнула на его палубу, где сразу начался пожар. Первый же залп внес хаос и сумятицу в ряды египтян, никогда прежде ничего подобного не видевших. Несколько кораблей даже покинули сражение и ушли в открытое море, решив, что их наказали греческие боги. Остальные, не в силах избежать в такой тесноте близкого контакта с полыхавшими кораблями, сами становились «разносчиками» пожара.

— Великолепно, — констатировал Тарас, разглядывая зарево и насчитав уже восемь горевших кораблей, — скоро и другие разгорятся. А мы сможем спокойно дожждаться подмоги.

— Что это за оружие? — с нескрываемым ужасом спросил Эсхил, глядя то на пожар в заливе, то на баллисты, которые пока прекратили стрелять. — Откуда оно у спартанцев?

— Ты уже сам, наверное, догадался, — усмехнулся, глядя на него, наварх, — его нам дали боги, которые любят Спарту больше Афин. Иначе не отдали бы ее на растерзание персам.

Эта насмешка привела Эсхила в чувство, но он не выхватил меч, чтобы убить Гисандра. Вспомнив о судьбе Афин, отданных без боя, Эсхил лишь скрипнул зубами, признавая правоту своего недруга.

Между тем Тарас заметил на воде нечто, лишившее его уверенности в своих силах. Не меньше десятка кораблей, отделившихся от основной массы горевших и сражавшихся судов, направились к близким островам, изрыгавшим огонь на их головы.

— Не убоялись, значит, гнева богов, — процедил сквозь зубы Тарас. — А ну, встретить гостей как следует. Горшков не жалеть.

— Осталось уже только по пять штук, — предупредил услужливый Темпей.

— Ну не солить же их, — ответил Тарас, — да целься точнее, эти не так кучно идут. — И на всякий случай крикнул, обернувшись к Илларию: — Приготовиться к абордажному бою.

Первым же залпом удалось поджечь на дальней дистанции два корабля, хотя несколько

горшков упали в воду. Каждое такое падение Тарас сопровождал руганью и обещаниями казнить артиллеристов. Угрозы возымели свое действие, и вскоре удалось подбить еще два египетских судна. Солдаты бросались в воду с охваченных огнем кораблей, строй сразу же рассыпался, но шесть судов все же прорвались к островам, а за ними маячило еще с десяток. Точное количество было не разглядеть из-за черного дыма, стелившегося над водой. Один египетский корабль уже почти без команды с разгона наскочил на скалу и, разломившись надвое, опрокинулся в воду.

— Горшки почти закончились, — доложил Темпей, обретавшийся до этого момента у баллисты рядом с Бриантом и Этоклом.

— Хватит отсиживаться, — решил Тарас, — приготовиться к атаке. Иллариий, выводите корабли из укрытия. Все разом.

По условному сигналу, которым был звук рога, спартанские триеры показались из-за своих островов и устремились на врага.

Египтяне после жестокого обстрела оказались разделены на две равные группы по три корабля, огибавшие главный остров. На одну из них напал отряд Гисандра, на другую Пантория, которого он назначил главным над этой группой судов еще до сражения.

Проскочив между двумя «египтянами», которых он оставил своим помощникам, Тарас бросил «Тайгет» на мощный египетский корабль, казавшийся более широким и ниже других сидевший в воде. Почти над всей его палубой был натянут тент. Когда Тарас приблизился, выяснилось, что это огромная галера, предназначенная для перевозки пехотинцев, которых на ней было едва ли не вдвое больше, чем на триере Тараса.

— Отличный транспорт, — проговорил он тоном бывалого подводника, — избегать столкновения поздно. Торпедируем.

Однако удар триеры прямо в борт, проведенный вполне мастерски, не смог с первого раза уничтожить египетскую галеру. Слишком мощный корпус она имела. «Тайгет» обломал все весла и пробил его обшивку, но корабль лишь накренился. Тент рухнул, погребая под собой гребцов и часть лучников. На второй удар времени не было, и наварх, вытащив меч, закричал так, что его было слышно на палубах обоих сцепившихся кораблей:

— На абордаж!

Услышав знакомую команду, все бывшие пираты, а ныне морпехи Спарты, хлынули на египетскую палубу, не обращая внимания на количество солдат в льняных панцирях, перегородивших ее. Однако выучка взяла свое. Оказавшись там, они сами образовали подобие клина, прикрыв друг друга щитами, что позволило избежать больших потерь сразу после обстрела спартанских порядков египетскими лучниками.

— За мной! — заорал наварх, рядом с которым оказался Эсхил, тоже горевший желанием убить как можно больше персидских солдат. — Этот корабль теперь наш!

И с ходу врुбился в ряды египтян. Ему уже приходилось видеть этих бойцов, и Тарас был о них не очень высокого мнения. Доспехи они имели тонкие, вооружение слабое. Только щиты да короткие копья, к которым иногда прилагался топорик или большой нож. «С такими вояками мои орлы справятся, — решил он, вспомнив о численном превосходстве врага, — да они ведь еще от нашего огненного привета не отошли».

Выбив из рук ближайшего воина ловким движением щит, Тарас мгновенно проткнул его льняной панцирь клинком и тут же наотмашь ударил соседнего бойца по шее, едва не отрубив таким ударом голову. Затем разобрался еще с двумя, и вскоре перед ним образовалась целая просека, в которую хлынули пираты. Эсхил дрался рядом наравне со всеми, и Тарас даже успел заметить, как тот ловко уложил нескольких египтян, едва увернувшись от удара топора одного из них. Атака началась великолепно, греки опрокинули первые ряды египетских бойцов и отогнали их на широкую корму. Но и хозяева корабля не собирались так быстро сдаваться. Сгруппировавшись в плотные ряды, они яростно защищались. А кроме того, по спартанцам почти в упор били лучники, что унесло жизни немалого количества воинов. И все же они победили, слишком сильным было желание.

— Ну вот и все, — сплюнул Тарас, осматривая захваченное судно, вся широкая палуба

которого была усыпана трупами и залита кровью, — победа наша.

За мгновение до этого он ударом меча отправил за борт последнего сопротивлявшегося египтянина с кормы.

— Вы здорово дрались, — похвалил его Эсхил, вытирая окровавленный меч о тунику одного из мертвых египтян, — я запомню это и сообщу Фемистоклу.

— Ты тоже не струсил, — ответил Тарас, расправляя уставшие плечи, — не остался только наблюдателем.

— В этой драке, когда решается судьба Греции, я не мог просто стоять в стороне, — гордо заявил Эсхил, — и когда-нибудь я воспую подвиг греков. Они достойны этого.

— Да ты, я вижу, поэт, — усмехнулся Тарас, направляясь в сторону «Тайгета», — но в Спарте не любят поэтов. Зато там в чести хорошие бойцы. А прежде чем воспевать подвиги, сначала нужно победить в этой битве.

Вернувшись на свой корабль, он велел поджечь египетский и отчалить. А сам осмотрелся. За то время, пока они были заняты абордажным боем, сражение вокруг вошло в новую стадию. Полыхал уже не один десяток кораблей противника, превратившихся в гигантский костер на воде. Его триеры успешно вели бой с египтянами в самом центре гигантского морского сражения, протаранив еще два корабля. Правда и персидские воины не оставались в долгу, все же численный перевес был еще на их стороне, хотя действия спартанцев и моряков Мегариды сильно уменьшили его. Они захватили две спартанские триеры, перебив всех, кто на них находился. А третью подожгли зажигательными стрелами. Половина триер из Мегариды тоже погибли, Тарас смог рассмотреть лишь несколько целых греческих кораблей, мелькавших в дыму между яркими парусами противника.

Пока Тарас размышлял, на какую цель ему направить «Тайгет», в бою, длившемся уже давно, наметился перелом. Встретив ожесточенное сопротивление у Саламина и подвергшись мощному удару по кораблям арьергарда, колонна финикийцев и египтян потеряла скорость. Более того, она уже была разбита на несколько частей, главная из которых горела ясным пламенем. Остальные корабли из-за дыма не могли понять, что же происходит, и были отделены от нее сейчас полосой воды. Их капитаны, как показалось Тарасу, словно размышляли, стоит ли продолжать наступление, так жестоко остановленное в самом начале. А когда он сначала услышал крики, а потом заметил, что со стороны Саламина появился отряд греческих триер, то египтяне и вовсе потеряли желание наступать. Несколько кораблей на глазах Тараса повернули в обратном направлении.

— Также мне, вояки, — сплюнул в море Тарас, глядя на первые признаки бегства, — хотели нас голыми руками взять. Варвары.

Однако бой продолжался до самого вечера. Сначала драка у этой оконечности острова затянулась на несколько часов благодаря подоспевшим кораблям финикийцев, которые вновь попытались прорвать оборону и пробиться в тыл к Фемистоклу. Тарасу пришлось израсходовать на них последние горшки. А когда с этой армадой было почти покончено, «Тайгет» принял участие в погоне вместе с другими греческими кораблями и отогнал их в открытое море.

На обратном пути они заметили, что бой между Саламином и афинским побережьем еще продолжается. Там скучилось такое количество кораблей, какого Тарас в своей жизни еще ни разу не видел.

— Просто столпотворение, — обронил он, глядя, как притертые друг к другу корабли персов, по которым, словно по мосту, казалось, можно было пройти от одного берега до другого, пытаются пробиться сквозь строй афинских триер в узком горле пролива, — эх, жаль, у меня горшки закончились. А то бы я рискнул приблизиться.

— Господин Гисандр, — осторожно подал голос Темпей, — осталась еще парочка.

— Ну Темпей! — воскликнул Тарас, сжав железными пальцами плечо, отчего алхимик даже всхлипнул. — Такого подарка я от тебя не ждал. Тащи их сюда!

Лекарь, уже приготовившийся проститься с жизнью, просиял и мигом обеспечил доставку боеприпасов из укромного места под главной палубой.

— И чтобы каждый в цель! — пригрозил Гисандр артиллеристам.

Наступал вечер. Сражение подходило к концу, но персы по-прежнему были сильны, и все еще могло перемениться. Нужен был последний толчок, чтобы чаша весов наконец склонилась на сторону греков.

Приближаясь к персидским кораблям на расстояние удара, Тарас приметил две группы знакомых египетских кораблей, скучившихся особенно плотно, и указал на них артиллеристам. Увлеченные сражением персидские моряки не заметили, как из темнеющего воздуха со стороны моря к ним подкрался отряд греческих кораблей и нанес свой удар в спину. Оба горшка попали в цель. Спустя недолгое время над водой опять полыхало несколько факелов, а пожар все разрастался, раздуваемый ветром.

Этот пожар, возникший ни с того ни с сего в самой гуще персидских судов и отлично заметный на фоне темного неба, привел их в ужас. Протаранив ближний к нему корабль, Тарас не стал больше ввязываться в драку и предпочел за благо удалиться на безопасное расстояние, хотя сопровождавшие его семь греческих триер продолжили атаку.

Достигнув дальней оконечности Саламина, где все пространство было усеяно обломками кораблей и трупами моряков, Тарас ненадолго пристал к берегу, чтобы высадить на него наблюдателей.

— Мое дело сделано, — произнес Тарас, посмотрев в глаза Эсхилу и вспомнив, как персидские корабли потянулись в открытое море, покидая злосчастный пролив. — Так и передай Фемистоклу. А меня еще ждут дела.

После всего, что он видел в этот день, Эсхил не посмел возразить.

— Держи курс на Мегариду, — приказал Тарас капитану, когда «Тайгет» в сопровождении четырех уцелевших в сражении триер, вновь вышел в море.

Глава двадцать четвертая

Царь царей

Уже почти семь дней Тарас находился в Мегарах, ожидая ответа от своего царя. Как и было приказано, он нашел среди купцов верного спартанцам человека, сообщил ему условный сигнал и передал табличку Фемистокла. Купец ответил, что все сделает, и предложил подождать ответа в укромном месте, чтобы не привлекать к нему излишнего внимания властей.

Это место оказалось небольшим мысом, на значительном удалении от самих Мегар и почти у границы с афинскими владениями. Там находилась уединенная рыбацкая деревня и бухта с песчаным побережьем, куда могли спокойно причалить даже пять таких больших кораблей, как триеры спартанского наварха. По счастью, в бою они избежали больших повреждений и почти не требовали ремонта. Зато все, кого не пощадили боги, уже лежали на морском дне.

На всякий случай, чтобы не было желающих сообщить в Мегары или куда-нибудь еще о его местонахождении, Тарас просто оккупировал эту пустынную территорию, запретив рыбакам покидать деревню до его отхода.

Покинув без разрешения поле боя и находясь в этом месте по собственной воле, Тарас несколько дней гадал, как закончилась битва и разыскивает ли его теперь Фемистокл. Однако ничего не предпринимал, предпочитая сначала дожидаться нового приказа от своего царя. Между тем нетрудно было понять, что если персидский флот и не разбит полностью, то значительно сократился и былой мощи уже не имеет. А Фемистокл, против воли, вновь стал злейшим врагом персидского владыки.

«Представляю, как он разозлился, когда не получил тем утром ответа, — размышлял Тарас, прохаживаясь по берегу в сопровождении верных Этокла и Брианта и рассматривая морские волны, которые все еще приносили обломки корабельных снастей или ошметки одежды, — наверное, наш друг Фемистокл уже видел себя царем всех греков, опиравшимся на персидскую мощь. Но великий стратег не учел одного — простого спартанца Гисандра,

оказавшегося в нужном месте в нужное время, и прозорливости его царя».

Вспомнив о царе, Тарас озадачился. Что-то слишком уж долго не было ответа от Леонида. За то время, что он провел здесь в ожидании, можно было совершить марш-бросок от Дельфийских проходов до этого самого берега со всей армией, не то что отправить курьера с письмом или известием.

«А может, его перехватили? — заволновался Тарас, отпечатывая свои следы на прибрежном песке. — Ведь выследил же я раба Фемистокла, а во всей Греции не только я охочусь за чужими секретами. У Леонида врагов хватает. И в самой Спарте, и за ее пределами. Там и царь Леотихид мог постараться, и эфоры, ведь они заодно, уверен. Постоянно против моего царя воду мутят. Да еще Эвривиад этот, что меня видел, мог подлить масла в огонь».

— Господин Гисандр! — позвал его каким-то странным голосом Бриант.

— Чего тебе? — недовольно буркнул Тарас, вынужденный отвлечься от своих размышлений. Но, посмотрев в указанную слугой сторону, он увидел, что с холма по направлению к берегу приближается большой отряд солдат. Человек сто, не меньше.

Первым делом Тарас решил, что кто-то выдал его местоположение, и схватился за меч, решив, что стоит немедленно бежать обратно к кораблям. Но при этом он понимал, что спустить их на воду быстро не успеет и придется драться на суше. Шанс был, так как солдат у него имелось больше, чем у пришельцев. Если, конечно, эти сто человек — все, кого за ним отправили. Но, приглядевшись, Тарас вдруг заметил, что все бойцы отряда одеты в точно такой же, как и у него, алый плащ, а щиты украшает знак лямбды — первой буквы слова Лакедемон.

— Да это же спартанцы! — воскликнул он радостно, но тут же вновь напрягся.

«А может быть, это вторая армия Леотихида, — пронеслось у него в мозгу, пока Тарас соображал, что же ему делать, бежать или остаться на месте, — и что им приказали насчет меня, еще неизвестно. Хотя предугадать несложно. Ну купец! Продам, сволочь».

И он уже решился бежать к кораблям, когда разглядел командира отряда. Это был сам Леонид!

— О, боги! — воскликнул Тарас, на этот раз с нескрываемой радостью. — Не ожидал его здесь увидеть.

В тот же вечер они сидели у костра, в котором весело трещали сучья, и поедали копченое мясо. А прибывший с царем отряд скиритов расположился на ночлег у кораблей вместе с солдатами Гисандра.

— Я получил твое послание как раз вовремя, — сообщил ему царь, откусывая кусок от сочной лопатки, источавшей нежный аромат, — и, хвала богам, это случилось как раз в тот момент, когда я должен был немедленно действовать.

— А что произошло? — удивился Тарас и пояснил: — Я сижу здесь уже семь дней, ожидая ответа. С самого сражения в море. И ничего не знаю о происходящем вокруг.

Царь смерил его довольным взглядом, помолчал немного, прожевал кусок и, запив его вином из бурдюка, сообщил:

— За эти семь дней вся Греция пришла в движение. Прежде всего я получил сразу два известия из разных ее концов. Одно о том, что персы высадились еще и в Беотии, двинув вторую армию в сторону Дельфийских проходов, чтобы ударить мне в тыл, благо афиняне были заняты другим, а фиванцы давно хотели переметнуться на сторону Ксеркса.

Тарас внимательно слушал, не перебивая царя.

— И почти сразу же я узнал, что ко мне приближается вторая армия Лакедемона. Вернее, это была даже не армия. Получив известия о предстоящей битве в Афинах и новой атаке персов, эфоры выпустили ко мне лишь три тысячи человек...

— Под командой Леотихида? — не выдержал Тарас, подавшись вперед. — Эфоры все же решились на это?

— Совсем нет, — отмахнулся царь, — Леотихид предпочел остаться в Лакедемоне,

предчувствуя, что его ждет, появись он в Дельфах. Отрядом командовал Эвривиад, мой верный друг, хотя не многие знали об этом.

— Ах, вот как, — сел на место удивленный Тарас, — друг...

— Я прошел не одну войну вместе с ним, хотя для всех мы не считались большими друзьями, — подтвердил Леонид, — и на этот раз эфоры допустили большую ошибку, разрешив именно ему возглавить отряд. Но мне это оказалось только на руку. И теперь мне уже ничто не помешает, вернувшись в Спарту, покончить с ними.

— Но позволит ли мой царь спросить, как он оказался здесь? — удивился Тарас, доедая свой кусок мяса и отодвигаясь от костра, который грозился поджечь его бороду. — Неужели теперь Эвривиад защищает дельфийский проход?

— Уже несколько дней, Гисандр, персы прекратили атаки и отвели свою армию от них, — сообщил царь удивленному собеседнику, — но я все же оставил там большой отряд фокидян и уцелевших афинян под командой спартанского военачальника, наказав им держать свою землю, пока я буду в походе.

Тарас поднял на царя вопросительный взгляд.

— Персы сейчас не могут пробиться через проходы, — ответил на этот взгляд Леонид, — их силы хоть и все еще велики, но разбросаны по нескольким отдаленным друг от друга областям. Ксеркс потерпел уже несколько поражений подряд и очень зол.

— Несколько поражений? — не поверил своим ушам Тарас, предполагавший только одно, если не вспоминать о Фермопилах.

— Именно, — кивнул царь. — Потому они и послали вторую небольшую армию через Фокиду мне в тыл. Но, объединившись с Эвривием и на вербовав по пути еще солдат, желавших послужить во славу Греции под моим началом, я пошел к персам навстречу и, неожиданно напав, в одном коротком сражении разбил эту армию недалеко от Фив.

Обглодав кость, веселый Леонид — Тарас мог бы поклясться, что давно не видел его таким — выбросил ее в песок и посмотрел на собеседника.

— А еще я слышал, что Фемистокл наголову разбил превосходящий персидский флот и не последнюю роль в этом сыграли изрыгающие огонь машины одного спартанского наварха, пропавшего сразу после сражения.

— Значит, Фемистокл не приписал всю победу себе после моего исчезновения? — удивился Тарас, бросив взгляд в шумевшее неподалеку море, почти неразличимое на фоне ночного неба.

— Приписал, — усмехнулся царь, хлопнув себя по коленкам, — даже объявил себя героем и спасителем отечества. Да только армия, разозленная тем, что он приказал оставить Афины без боя, потребовала от своего главнокомандующего немедленно осадить его и отбить у персов. И это несмотря на то что после всех отступлений, сухопутных стычек и морского сражения у Фемистокла осталось не более пяти тысяч гоплитов в строю.

— И что же? — подзадорил царя Гисандр, желавший побыстрее узнать все, что он пропустил, пока ждал ответа в Мегарах.

— Хвала Аполлону, он не смог воспротивиться воле народа. И уже пятый день афинский стратег, набивавшийся в друзья к самому царю царей, сражается с ним за свой родной город, — воскликнул Леонид, — в этом яростном бою он проявил себя как великолепный военачальник и почти выбил персов из города. Ксеркс уже отступил от Афин, узнав о моей победе под Фивами и устранившись после того, как сгорел едва ли не весь его флот. Ты достоин награды, Гисандр, как великий наварх. Такого еще не бывало в истории Греции и Спарты. Ведь после этого царь царей трусливо бежал почти к самому Марафону и стоит лагерем на побережье Аттики. Там же и весь его оставшийся флот.

— Он ведь уже однажды объявил себя моим личным врагом, — с гордостью принял похвалу Тарас, — и в этом сражении я всего лишь снова доказал ему и всем грекам, что спартанцы сильны не только на суше.

— Я доволен твоими действиями на море, Гисандр, — вновь похвалил его царь и неожиданно сменил тему разговора, переходя к главным новостям, — но сейчас нельзя

терять время. В ближайшие дни ты вновь нужен мне на суше.

Затем он чуть подался вперед и заговорил ровным и негромким голосом, чеканя каждое слово. Глаза его при этом пылали холодным светом.

— К завтрашнему вечеру армия Фемистокла окончательно разобьет персидские отряды Мардония и выгонит их из города. Но это дастся ей дорогой ценой. Едва ли больше тысячи гоплитов осталось у Фемистокла. Чтобы вернуть город, он снял почти всех моряков и солдат с кораблей, оголив флот. А за моей спиной, в Мегариде, стоит семитысячная армия спартанцев и моих союзников. И к тому моменту, как Фемистокл прогонит персов, мы явимся, чтобы захватить этот город и казнить его как предателя. Никто из афинян не посмеет нам перечить. Ведь у нас есть доказательство его вины, верно, Гисандр?

И царь вынул из-за нагрудника ту самую табличку, что отправил ему первый спартанский наварх.

Воздух над городом был пропитан гарью настолько, что дышать было трудно до сих пор, несмотря на то, что большой пожар прекратился уже несколько дней назад. Однако кое-где еще чадили отдельные очаги.

— Не пощадил Ксеркс этот город, — заметил Тарас вслух, когда спартанская колонна, только что миновав на разоренной Агоре «Священные ворота», от которых осталось лишь несколько обгорелых глыб, вступила на панафинейскую улицу, ведущую прямо к Акрополю. — Видно, сильно насолили ему местные жители.

— Он не забыл, как афиняне разбили его при Марафонском сражении, — напомнил Леонид, шагнувший рядом с сосредоточенным видом, — вот и отомстил. Ведь он шел сюда прежде всего за этим.

— Он получил, что хотел, — проговорил Тарас, взбивая своими сандалиями кучи пепла на мостовой, — но тут же потерял. Вероятно, сейчас он злится еще больше.

— Поговорим о персах после, — закрыл вопрос Леонид, — сейчас у нас здесь есть более важное дело.

Не встречая на пути никакого сопротивления, кроме патруля у разрушенных ворот из двух дюжин гоплитов, командир которого, хоть и смерил их напряженным взглядом, все же не посмел преградить дорогу союзникам во главе с самим царем, спартанцы проследовали почти до самого Акрополя. Там, по словам информаторов Леонида, находился сам Фемистокл со своими приближенными полемархами и теми солдатами, что остались в живых после многодневного сражения за город.

По пути Тарас, впервые попавший сюда, рассматривал полуразрушенные и обгорелые здания библиотек, театров, святых источников, поваленные статуи богов с отбитыми руками и головами возле храмов и всевозможных галерей. Город казался огромным, и оттого повсеместные разрушения выглядели еще более ужасными.

«Да, после того, что натворили здесь персы, войдя в город, — поймал себя на мысли Тарас, не до конца посвященный Леонидом в его план, но хорошо понимавший, на чем хочет сыграть его царь, — любой афинянин сам убьет Фемистокла, если только узнает, что тот готов был продать их Ксерксу ради власти. Не нужно будет и руки марать, хотя уверен, Леонид сам предпочтет наказать предателя».

Когда они вышли на площадь, что находилась на нижнем уровне храмового комплекса, даже у много повидавшего за последние дни Тараса замерло сердце. Акрополь, главная святыня жителей Афин, лежал в руинах. Обгорелые колонны, почти черные от сажи, там, где обвалилась массивная крыша, подпирали небо своими обломанными телами.

У подножия расположились человек двести гоплитов. Часть из них сидели, другие стояли, но по всему было видно, что им объявлен отдых. В тридцати шагах, у чудом уцелевшего источника, находился сам афинский стратег, окруженный четырьмя полемархами, и о чем-то беседовал с ними. Фемистокл был без доспехов, облаченный лишь в богато расшитый гиматий, который носили верховные гражданские чиновники.

Увидев входящих на площадь спартанцев в алых плащах, афинские гоплиты

повскакали со своих мест, но это не испугало Леонида. За его спиной находился отряд почти в тысячу человек, не говоря уже об армии, занявшей все подступы к городу. Это было сделано молниеносно, сегодня утром, и Фемистокл еще не знал об этом. А те двести человек, что находились рядом с ним, были сильно измождены и не смогли бы оказать серьезного сопротивления, дойти до драки.

— Ты привел своих солдат вовремя, — поприветствовал его афинский стратег, делая шаг навстречу и жестом успокаивая своих бойцов, — нам как раз потребуется помощь. Мои люди измотаны.

— Я не помогаю предателям, — громко заявил Леонид, останавливаясь напротив Фемистокла и скрестив руки на груди, — особенно грекам, способным отдать персам даже свой город в обмен на власть над всеми остальными греками. И я пришел покарать его.

По лицу Фемистокла пробежала нервная судорога. Он все понял, но еще сохранял важный вид.

— О чем ты говоришь, Леонид? — воскликнул один из полемархов, затянутых в дорогие доспехи, шагнув вперед и закрывая собой Фемистокла. Это был Агенор.

Леонид сделал движение рукой, и Тарас, находившийся рядом, в первое мгновение подумал, что тот сейчас выхватит меч и убьет полемарха. Но ошибся. Царь был не только скор на расправу, но и хитер, а иной не смог бы стать политиком в Спарте. Ему сейчас нужны были зрители, оправдающие все его действия. Двести афинских гоплитов и остальные полемархи не сводили глаз с его руки. И потому он всего лишь вынул табличку и протянул письмо стоявшему перед ним.

— Ты доблестный воин, Агенор, все знают об этом, — громко сказал царь Спарты, обращаясь ко всем, кто собрался на площади, — прочти это и реши сам, чего достоин написавший это письмо. Его перехватили мои слуги накануне морского сражения у Саламина, когда персы уже жгли ваш город.

Агенор медленно взял табличку, оглянулся на бледного как смерть Фемистокла, который, словно примирившись с судьбой, стоял недвижимо, не предпринимая ничего в свою защиту, и пробежал ее глазами. Когда он закончил читать, лицо его исказила гримаса ненависти, а руки задрожали.

В гнев Агенор выхватил меч, блеснувший на солнце, и, обернувшись к Фемистоклу, крикнул:

— В этом бою погиб мой любимый сын. Во время бегства из Афин персы захватили его мать, сделав рабыней. А ты, Фемистокл, посмел предлагать их царю свою дружбу в обмен на наши жизни?! Так умри же, собака!

И прежде чем кто-либо смог что-то понять, Агенор вонзил меч в живот Фемистоклу и, отшатнувшись, отскочил в сторону. Афинский стратег упал на колени перед Леонидом, зажимая рукой рану, из которой ручьем лилась кровь, и, прошептал: «Ненавижу тебя, спартанец», мгновенно умер.

— Предатель наказан, — громко возвестил Леонид, с наслаждением посмотрев на поверженного врага, — и боги довольны! — А помолчав немного, добавил: — Теперь этот город мой! Вы можете выбирать — служить мне или умереть.

На этот раз афинские гоплиты, все как один, схватились за оружие, поняв, что даже измена Фемистокла не сделает их друзьями.

— Ваш выбор ясен, — проговорил Леонид, вскинув руку вверх, — убить их!

И, подавая пример, пронзил копьем Агенора, исполнившего свою роль.

Свежие и отдохнувшие спартиаты быстро перебили уставших афинских гоплитов, и все было кончено буквально за двадцать минут. А когда в город вошла армия, добывая всех, кто встречался ей на пути, Леонид уже закончил осматривать свои новые владения.

— Теперь ничто не остановит меня, — заявил он Тарасу, когда они вместе смотрели на далекое море с одного из афинских холмов, — вскоре мы вернемся в Спарту, и участь Фемистокла постигнет этих глупых эфоров, возомнивших, что могут управлять царями. Не знаю почему, но эти мысли укрепились во мне после знакомства с тобой, Гисандр. Поэтому

после нашей победы я сделаю тебя полемархом и назначу гармостом¹⁷ какой-нибудь области.

— Благодарю, великий царь, — не удержался от поклона ошеломленный Тарас, и не подозревавший, что виноват во всем этом, — ведь я уже стал навархом.

Пока они были заняты созерцанием отдаленного берега моря, к ним приблизился посыльный. Это был разведчик, отправленный еще накануне к стану персов.

— Мой царь, — сообщил он, приблизившись, — Ксеркс погрузился на корабли и отплыл к берегам Фессалии. А здесь оставил Мардония командовать армией.

— Ксеркс отступает, — усмехнулся царь спартанцев, — боится быть со мною рядом. Это хороший знак.

И вдруг обернулся к Тарасу. Его глаза горели.

— Гисандр, бери свои корабли и еще сотню афинских. Столько людей, сколько захочешь. Разыщи Ксеркса и постарайся перехватить его в море. Я знаю, он не отступает, он бежит. Если царь персов уплывет в Азию, война продлится еще долго. Мы не должны упустить его.

Тарас, не успевший «переварить» недавние сообщения Леонида, теперь вообще не знал, что и думать. Ему приказывали захватить самого царя царей. И тем не менее он должен был выполнить этот приказ.

— Я доставлю его вам, — ответил Тарас после короткого молчания.

¹⁷ Гармост — спартанский военный комендант, полновластный хозяин какого-либо города или целой области.